

Анатолий ЧУПРИНСКИЙ

БЕГУЩАЯ ПОД ДОЖДЕМ

ироническая повесть

Москва
Издательство «БПП»
2009

ЧУПРИНСКИЙ
Анатолий Анатольевич

БЕГУЩАЯ ПОД ДОЖДЕМ

МОСКВА, Издательство «БПП», 2009. — с 262.

Если Вы ещё не прочитали повесть «Рыжая из шоу бизнеса», то есть смысл начать с неё. Она — первая в увлекательной трилогии об эстрадной певице Мальвине и её старшей подруге Наталье. Спаянные судьбой они не могут существовать друг без друга, но жизнь от этого не становится легче.

© ЧУПРИНСКИЙ А.А., 2009
© Издательство «БПП», 2009

Ранняя весна — время беглецов. Бегут из колоний и тюрем, из детских домов и интернатов, из обеспеченных и неблагополучных семей. Вокзалы, аэропорты, речные причалы забиты беглецами всех возрастов. Каждого можно распознать с первого взгляда. У всех в глазах особый блеск и тревожное ожидание. Ожидание радости и нечаянных подарков судьбы. Редко кто из них дождется этих самых подарков. Вкусных пряников, как известно, на всех никогда не хватает. Да и радости, обыкновенной человеческой радости на их долю выпадет крайне мало, сущие крохи.

В образцово-показательном детском доме, расположенном в старом заброшенном барском особняке на окраине Волоколамска стряслось настоящее ЧП. Сбежала самая рыжая из всех воспитанниц четырнадцатилетняя Надя Соломатина.

И все смешалось в детском доме с ласковым названием «Журавлик». Воспитатели и обслуживающий персонал, как ошпаренные носились по корпусам, коридорам и подвалам детдома. Искали всем миром. Перерыли тумбочку, даже зачем-то перевернули кровать, перекопали все ее отделения в платяном шкафу. Ничего замечательного не нашли. Никакого результата. Хотя, почему-то считается, отрицательный результат, тоже результат. Рыжая Надя растворилась в зыбком весеннем воздухе. Девочка исчезла, «как сон, как утренний туман». Ни сумки, ни записочки.

Единовластная хозяйка вся «Журавлика», бес-
сменная директриса, Лариса Васильевна Гонзалес гроз-
но сверкала огромными выразительными испанскими
очами.

— Позор-р! Позор-р! — рычала она красивым низ-
ким голосом, поступью командора шествуя по коридо-
рам и лестницам детдома, заглядывая в каждую спаль-
ню, умывальню и комнаты отдыха.

— Позор-р на мою седую голову!!! — рычала она
разъяренной тигрицей. Справедливости ради стоит за-
метить, седых волос в густой черной шевелюре Ларисы
Васильевны можно было отыскать один-два. Да и то, с
большим трудом. Только пронизательным женским
взглядом. Во гневе Лариса Васильевна Гонзалес забы-
валась и переходила на свой родной испанский язык.

«Кар-рамба-а! Кор-рида-а! Чер-рт подер-ри!» —
мерещилось персоналу.

Доставалось каждому встречному. И даже попе-
речному. Если ЛорВася переходила на свой родной ис-
панский, все воспитанницы и обслуживающий персонал
бросались врассыпную, кто куда, и прятались по тем-
ным углам.

Единственная, кто не пряталась по темным углам,
была Нонна Шкаликова, младшая воспитательница.
Нонна Юрьевна. Она просто не понимала опасности.
Впрочем, Гонзалес ее почему-то щадила. Длинную, ху-
дую, похожую на цаплю Нонну грех было обижать. Рас-
сеянная до беспамятства, доброжелательная до бес-
предела она была предметом постоянных насмешек и
розыгрышей всего «Журавлика».

— Где эта!? — вопрошала перед каждым совещанием педагогического коллектива директриса Гонзалес. — У которой две левых ноги! Опять опаздывает!?

У Нонны Шкаликовой и вправду обе ноги были левыми. Если дверь перед ее носом открывалась внутрь, Нонна непременно тянула ее на себя.

— Безобразие! Опять все двери позапирали! — возмущалась она.

Раз в полгода у Нонны обязательно случался роман с очередным командировочным из гостиницы «Красный колхозник», что располагалась там же на окраине Волоколамска, вблизи детского дома. Нонна с огромным чемоданом в руках, в котором одиноко болтался томик стихов Блока и один чулок, под насмешливыми взглядами из всех окон детского дома, покидала родные пенаты. Возвращалась недели через две. Иногда и раньше. Вся в слезах. И с распухшим красным носом.

После двух часов безрезультатных поисков совсем пропащей рыжей Нади по всем укромным углам и закоулкам «Журавлика», Гонзалес созвала экстренное совещание.

Со стен ее кабинета на персонал строго и осуждающе смотрели Белинский, Ушинский и примкнувший к ним основоположник чего-то Макаренко.

— Я пригласила вас, чтоб сообщить возмутительное известие! Сбежала Надя Соломатина! — заявила ЛорВася собравшимся, даже не замечая, что почти один в один озвучивает текст великого «Ревизора» великого Гоголя.

— Как сбежала?

— Куда сбежала?

Не совсем искренне удивились две пожилые уборщицы из угла кабинета. Обе работали по совместительству еще в нескольких местах. Само собой, они давно уже были в курсе дела. Всегда в авангарде, так сказать.

Директриса Гонзалес пропустила реплики этих Бобчинских-Добчинских в юбках мимо ушей. Никак не отреагировала.

— Она влюбилась! — радостно предположила Нонна Шкаликова.

Остальные воспитатели и преподаватели помалкивали. Себе дороже.

— Нонна!!! — рявкнула директриса Гонзалес. И резко тряхнула головой.

В это мгновение она особенно была похожа на знаменитую итальянскую актрису Анну Маньяни. Даже значительно красивее. Хоть и не была никакой итальянкой, совсем наоборот испанкой.

Лариса Васильевна Гонзалес стала директрисой «Журавлика» по наследству. Ее мать, Виолетту Антонову Гонзалес перед второй мировой войной совсем еще ребенком вывезли из Испании в Россию. Тогда Советское правительство всему миру продемонстрировало свой интернационализм. Парходами вывозило испанских детей, спасало от фашистов. В те времена на необъятных просторах страны, как грибы после дождя, росли школы-интернаты, детские дома, приюты. Черноглазые, черноволосые испанские дети составляли в них большинство.

Постепенно они ассимилировались, изучали русский язык, стихи, песни. Большинство после интернатов и приютов, учились, осваивали профессии, создавали семьи, трудились на благо и процветание великого и могучего советского союза. Но родной испанский язык не забывал ни один из них. В восьмидесятых лишь некоторые из тех детей смогли вернуться на родину.

В середине пятидесятых Виолетта Гонзалес благополучно поступила в московский пединститут. Вернулась через четыре года в свой родной детдом воспитательницей и преподавательницей. Из Москвы привезла не только диплом о высшем образовании, привела за руку черноволосую трехлетнюю дочь Лору. Ходили слухи, ее отец — советник по культуре при испанском посольстве.

Через пять лет Виолетта Гонзалес стала директором. Выгнала двух нечистых на руку поварих, пригласила молодых девочек из местного ПТУ. Провела ремонт, пристроила к основному зданию два крыла, добилась в министерстве, чтоб ее детскому дому присвоили персональное имя «Журавлик», что по тем временам было исключением из всех правил. Ввела изучение иностранных языков. Преимущественно, испанского, естественно. Уроки музыки, танца, живописи.

До обмороков муштровала Виолетта Гонзалес дочь Лору танцами фламенко и зубрешкой стихов Фредерико Гарсиа Лорки. Никто не удивился, когда со временем та пошла по стопам матери. Окончила тот же Пединститут в Москве и тоже вернулась в Волоколамск. После смерти Виолетты Антоновны Гонзалес, естественно, дирек-

тором стала Лариса Васильевна Гонзалес. Несмотря на грозный голос, и не менее грозную внешность, дети ее любили безумно. Только ей доверяли свои детские секреты, только с ней делились самым сокровенным, тайным.

«Ты одна-а нам радость и отрада-а! Ты одна-а, нам несказанный све-ет!» — старательно выводили тонкими голосами, выстроившись полукругом в день ее юбилея несколько десятков коротко стриженных детей и подростков.

— Будем искать Надежду! — ребром поставила задачу директриса Гонзалес перед притихшим коллективом. Именно «ребром», жестко и категорично.

— Какие будут предложения? Я жду!

Робко были высказаны несколько идей. Одна нелепее другой.

Зав.библиотекой Настя Ключко предположила, Надю похитили кавказцы. С целью выкупа. Или того хуже, увезли в горы, чтоб насильно выдать замуж за древнего старика. Она собственными глазами видела двоих парней кавказской национальности, которые уже больше месяца проживают в «Красном колхознике» и каждый день ходят мимо «Журавлика». Бросают пристальные взгляды на воспитанниц.

Лариса Васильевна схватила трубку и мгновенно набрала номер местного отделения милиции. И угрожающим тоном изложила знакомому капитану случившееся. Про исчезновение Нади и про подозрительных кавказских парней. На что тут же получила ответ. Двое парней из «Красного колхозника» никакие не кавказцы,

а совсем наоборот таджики. Приехали строить коровник в дальнем селе Ильинское. Красть девушек они не станут по причине другой ориентации. Им и друг с другом хорошо. Они у милиции давно на примете. А насчет пропажи Нади, пусть Гонзалес напишет заявление. Через трое суток. По всей форме. Раньше не положено по закону.

Гонзалес швырнула трубку на рычаг и без промаха метнула в библиотекаршу Ключко парочку молний. Та только виновато развела руками в стороны.

Были и другие предположения, и даже фантастические версии. Включая вмешательство инопланетных существ с летающих тарелок. Гонзалес, разумеется, никак не реагировала на подобные завиральные идеи. Только морщилась.

— Соломатину видели на автобусной остановке, — кашлянув, и глядя, почему-то в потолок, доложил завхоз, и по совместительству учитель физкультуры, Александр Иванович Галкин, — Судя по всему, она в Москву подалась.

— Кто видел? Когда? — впилась глазами в завхоза директриса.

— Вчера еще...

— Кто конкретно?

— Люди, народ... — пожал плечами тучный физкультурник.

В кабинете нависла угрожающая тишина. Было слышно даже как нагло чирикают за окном на ветках воробьи. И на соседнем поле за шоссе работает трактор.

— Почему не доложили?

— Вы не спрашивали, — опять пожал плечами завхоз. — Лично я был уверен, вы ее и отправили в Москву.

ЛорВася несколько секунд молча, сверлила его уничтожающим взглядом. Потом обречено вздохнула и отвернулась к окну.

— Кажется, я знаю... где ее искать, — задумчиво сказала она.

Педагогический состав и обслуживающий персонал опять замер в трепетном ожидании. Но грозная ЛорВася не изрекла больше ни слова. После нескольких томительных минут напряженной тишины, Гонзалес объявила:

— Все свободны! Кроме Нонны Юрьевны!

Бросая на младшую воспитательницу сочувственные взгляды, персонал детского дома тихо, но стремительно покинул «ковер». То бишь, кабинет ЛорВаси Гонзалес.

Словом, в Москву на поиски рыжей беглянки была командирована младшая воспитательница Нонна Юрьевна Шкаликова. Честно говоря, все равно в «Журавлике» от нее толку было, как от козла молока.

Ранней весной прокатиться в загородной электричке одно удовольствие. За окном мелькают освободившиеся от снега поля, приветливо машут ветвями деревья, уже сплошь усыпанные нежными зелеными листьями, ослепительно сверкает солнце, отражаясь в лужах и небольших речках. В окна вагонов порывами упругого ветра заносит даже щебетанье птиц. И воздух! Фанта-

стически чистый и прозрачный воздух. Кажется, его можно хватать руками, резать на куски и глотать, глотать... Таким чистым и целебным подмосковный воздух продержится всего несколько недель.

Стучат колеса, с диким ревом проносятся по встречному пути товарные составы. У окна в середине третьего вагона сидит коротко стриженная рыжая девушка. Потертые джинсы, непонятного цвета свитер и огромные, в пол-лица, темные очки. Явно старается как можно меньше бросаться в глаза окружающим. Потому углубилась в книгу. Сосредоточенно читает новый роман Дарьи Донцовой «Доллары царя Гороха». Или только делает вид, что читает. Сквозь темные очки немного начитаешь.

Если б она неожиданно поднялась со скамейки, выбросила бы в окошко дурацкие темные очки и прошла бы по проходу своей эксклюзивной походкой, эдак, слегка покачивая бедрами, грудь вперед, голова чуть откинута назад, взгляд устремлен куда-то далеко, за линию горизонта, все мужчины разом бы свернули себе шеи, глядя ей вслед. А женщины на двое суток потеряли бы покой, сон и даже аппетит.

Но пока пассажирам пригородной электрички, спешащим по делам в столицу, и дела нет до какой-то худенькой рыжеволосой девчонки. У каждого своих забот полон рот. А жаль! Если бы хоть один был чуть внимательнее и проницательнее, догадался бы...

Она смотрит в книгу, а видит... восторженные лица многочисленных фанатов. Она уже стоит на сцене в ослепительном свете прожекторов и сдержанно кланяет-

ся. Одобрительный свист, аплодисменты, летящие к ее ногам букеты цветов...

Нет, это не пустые мечты наивной детдомовской девочки. У этой рыжей есть план покорения столицы. Вернее, не у совсем у нее. У ее подруги Натальи. Конкретный план покорения столицы. Да что там столица! Очень скоро ею будет восторгаться вся страна, тысячи зрителей и слушателей! Клипы с ее участием будут крутить по всем каналам ТВ. Диски с ее чуть хрипловатым голосом будут расходиться по всей стране гигантскими тиражами. Просто об этом еще никто не знает. Только она и ее старшая подруга Наталья, проживающая, (тоже пока! Временно!), в столице в грязном женском общежитии.

И последние станут первыми!

Ах, как мы ленивы и нелюбопытны! Об этом еще Александр Сергеевич Пушкин не раз сокрушался! Что стоит прекратить на время бессмысленные разговоры или тупое дремотное оцепенение, подойти к худенькой рыжеволосой девчонке, вежливо представится и заблаговременно не попросить у нее автограф? Тактично поинтересоваться творческими планами и пожелать ей больших успехов на сцене и счастья в личной жизни. Ведь через каких-нибудь лет пять ее легкий росчерк пера будет стоить больших денег. Нет, мы, перебивая друг друга, вываливаем из своих, не всегда свежих ртов потоки ненужной информации. О растущих ценах на продукты и падающем долларе, о чеченских террористках-смертницах, о предстоящей покупке Ромой Абрамовичем Эйфелевой башни и тому подобной дребедени. Со-

вершенно не интересуемся богатым духовным содержанием молоденькой рыжей попутчицы.

На московских вокзалах всегда почему-то пахнет паровозной гарью. Именно паровозной. Впрочем, наверняка, по другим вокзалам страны гуляет тот же устойчивый запах. Давным-давно все паровозы списаны на металлолом, разрезаны на куски и сданы в переплавку. Повезло разве только единичным экземплярам. Они обрели последнюю стоянку где-нибудь на запасных путях крупных вокзалов. Их чистят, подкрашивают и поддерживают в рабочем состоянии исключительно как музейные экспонаты. Паровозов нет, давно сняты с эксплуатации, запах остался. За десятилетия он настолько глубоко въелся в стены, коридоры и лестницы, проник во все поры любого вокзального строения, что вывести его нет никакой возможности.

Если двигаться по Кольцевой Окружной дороге, через двадцать минут окажешься совсем рядом с метро Войковская. В двух шагах от него щадит черным дымом завод с одноименным названием. Что он там производит, местным жителям неинтересно. Кроме неприятностей им никаких радостей. Завод занял вдоль окружной железной дороги довольно приличное пространство производственными корпусами. Мало того, оттяпал у коренных москвичей еще и несколько пятиэтажек. В семидесятых руководители завода выселили жителей куда-то к черту на рога, за кольцевую дорогу, под предлогом реконструкции ветхих пятиэтажек. Сами и не думали делать ремонт. Так, подкрасили, подмазали, кое-

где кое-что. И открыли несколько корпусов общежитий. В основном, женских.

Незавидна судьба обитательниц этих общежитий. Ежегодно тысячами здоровые молодые девушки стайками прилетают из соседних областей и районов в гигантский мегаполис. Каждая в надежде найти свое счастье и покорить столицу. Удастся воплотить свои мечты одной из сотни. В лучшем случае. Одни становятся продавщицами, попадают в добровольное рабство к энергичным кавказским джигитам. Другие пополняют ряды «жриц любви», шеренгами стоят вечерами и ночами по обочинам шоссе и проспектов. Большинство устраивается на стройки, на АЗЛК, на ЗИЛ или на завод им. Войкова. Разнорабочими, штукатурами, малярами, штамповщицами, фрезеровщицами... И все оседают в подобных общежитиях.

«Лимита!» — презрительно кривят губы пожилые женщины из окрестных домов. Сами, между прочим, в недалеком прошлом так же проехавшие покорять Москву. И только к концу жизни, (если очень повезет!), получившие свой угол в какой-нибудь убогой многонаселенной коммуналке.

Похожая на цаплю Нонна Шкаликова обошла справа внушительную лужу и поднялась по ступенькам к двери, на которой красовалась вывеска. «Общежитие № 3». Достала из сумочки листок бумаги, близоруко щурясь, сверилась с адресом. Поправила прическу, спрятала листок обратно в сумку и начала привычно открывать дверь не в ту сторону. Резко и решительно дер-

гала ее на себя. Разумеется, входная дверь открывалась совсем наоборот внутрь. От судьбы не уйдешь!

Не без трудностей преодолев первое препятствие, Нонна столкнулась со вторым. В лице мордатого пожилого вахтера. В форме десантника. Мигом распознав в ней чужую, тот перегородил ей вход своим непомерно большим животом.

— Куда? К кому? Не положено!

— Давайте договоримся сразу! — возмутилась Нонна Юрьевна. — Во-первых, не хамите! Во-вторых, немедленно позовите Наталью Кочеткову. Из восемнадцатой квартиры. Вы для того здесь и поставлены...

— Я здесь, чтоб посторонних не пускать! Ходят тут вся...

— Наталью Кочеткову! Немедленно! — рявкнула Нонна. — К барьеру!!!

Нонна Юрьевна имела в виду не какие-то там дуэльные штучки из девятнадцатого века, вполне конкретный деревянный барьер, стойку, которая перегородивала вход в общежитие. За коей стоял мордатый цербер.

— Вы... кто... такая будешь? — подрастерялся вахтер.

— Старшая воспитательница детского дома «Журавлик»! Из Волоколамска! Нонна Юрьевна! И попрошу не хамить! А выполнять свои прямые обязанности.

В порыве праведного гнева Нонна слегка повысила себя в должности. С младшей воспитательницы до старшей.

— Нету вашей Кочетковой. В больнице она.

— Господи! В какой больнице!? Что случилось? — испуганно воскликнула Нонна.

— Делает аборт, — бодро доложил вахтер.

— Как не стыдно!? Пожилой человек! — тут же взвилась до потолка Нонна Юрьевна Шкаликова. С ней это периодически случалось. В самые неожиданные для окружающих моменты она слетала с катушек. Особенно, если речь шла о защите воспитанниц «Журавлика». Нонна Юрьевна на любого бросалась коршуном, и удержать ее от расправы над посягнувшим на святое не было никакой возможности.

— Стыдитесь! Наговариваете на нашу выпускницу всякие гадости! В вашем возрасте сказки внукам надо читать и водить их в зоопарк, а не гнусные сплетни про порядочных девушек распускать!

Мордатый вахтер потрясенно молчал.

— В зоопарк детей водить надо! В зоопарк! — гневно указывала пальцем куда-то вдаль Нонна Юрьевна мордату вахтеру, сама не замечая, что один в один копирует интонации директрисы ЛорВаси Гонзалес.

От изумления мордатый вахтер продолжал стоять с раскрытым ртом и только глупо усмехался. Наверняка, он, действительно, никогда не водил внуков в зоопарк.

— Я-то здесь при чем? — пробормотал он. — У меня с вашей Кочетковой ничего не было. У нее можете спросить. В нашей районной больнице она. Тут рядом.

— Напишите на бумажке адрес! — распорядилась Нонна Юрьевна Шкаликова. Категоричным и безапелляционным тоном. Каким привыкла разговаривать с

младшими воспитанниками в «Журавлике». Правда, и они ее все равно не слушались.

Вахтер явно этого не знал, потому беспрекословно подчинился. Основательно уселся на железный стул, нацепил на мясистое лицо очки и, склонившись над крохотным столом, что-то нацарапал на клочке бумаги. Протянул клочок Шкаликовой.

— К ней вчера еще какая-то рыжая ломилась, — пробормотал он, — Тоже скандал закатила. Наверняка, тоже из ваших.

— Что значит, «тоже из ваших»? — ощерилась Нонна Юрьевна.

— Я детдомовских по глазам различаю.

— Наташа Кочеткова и Надя Соломатина наши лучшие воспитанницы! Их портреты висят у нас на доске почета! — высокомерно заявила Нонна Юрьевна Шкаликова.

И погрозила мордатому вахтеру пальцем.

— И впредь не смейте порочить честь и достоинство порядочных девушек! В противном случае приму самые решительные меры! Подам на вас в суд!

Дав по ее мнению достойную отповедь мордатому церберу, Нонна Юрьевна Шкаликова резко повернулась и по традиции начала воевать с входной дверью, открывая ее, разумеется, опять не в ту сторону. Изумленный мордатый вахтер вскочил с железного стула и услужливо распахнул перед ней непокорную дверь.

Кстати, это входило в его прямые обязанности.

В начале Волоколамского шоссе, если ехать на машине из центра Москвы и перед первым мостом повернуть направо, а потом переехать железнодорожный переезд, попадешь в крохотный жилой массив, сплошь из кирпичных четырехэтажек. Времен Очакова, покорения Крыма и хрущевской оттепели. С трех сторон сей, забытый Богом и местными властями микро-микрорайон окружают железнодорожные пути.

«Тайвань!» — когда-то окрестили его всезнающие московские таксисты.

«Светлый проезд!» — амбициозно провозгласили чиновники Ленинградского района, к которому волевым указанием сверху был приписан сей уродливый треугольник. Обозвать «Светлым проездом» кусок земли, который всегда был тупиком, никак не проездом, в котором днем с огнем не сыскать ни одного фонарного столба, надо обладать необузданной чиновничьей фантазией.

В самом дальнем углу этого своеобразного треугольника раскинулся гаражный городок. Гаражи, боксы, гаражи... Огромные и совсем крохотные, изящные и откровенно уродливые. Короче, причудливый индустриальный пейзаж. Вокруг ни кустика, ни цветочка, только изредка попадаются под ногами отдельные островки густой травы. Да вдалеке у оврага, за которым проходит еще одна железнодорожная ветка, возвышается одинокая сосна. В тихие субботние вечера, если прислушаться, оттуда можно услышать дробный стук дятла.

В то знаменательное утро в гаражном городке появился высокий худой парень. В старой клетчатой ру-

башке с закатанными рукавами и потертых джинсах. Лет тридцати трех. Он топал по тропинке от дома, в котором проживал на первом этаже с матерью, проводницей поездов дальнего следования. Тащил на плече несколько аккуратных новеньких досок, завернутых в газету. На «Тайване» его знали все. И относились несколько настороженно. Что неудивительно. Поскольку профессия у этого худого длинного парня, с точки зрения рядового обывателя, была странной. Он был писателем. Да еще и художником-иллюстратором. Внешне был очень похож на популярного артиста театра и кино Олега Янковского. Что тоже не могло не настораживать.

Поговаривали, он выпустил уже несколько книг для юношества, которых, впрочем, никто из соседей не читал. В большинстве своем обитателям «Тайваня» не до чтения. С этим баловством взрослые люди обычно завязывали сразу после окончания средней школы. Разве только детектив какой-нибудь почитывали в метро или в электричке по дороге на работу, чтоб время попусту не терять.

Звали парня Леонид. Фамилия самая обычная, Чуприн. Соседи по гаражам знали его как открытого и доброжелательного человека. Всегда поможет советом, делом. Последней гайкой поделится. А насчет того, что он — писатель и художник? Что ж, у каждого свои недостатки. Бывает и хуже.

Почти дойдя до своего гаража Леонид, вдруг остановился как вкопанный в землю столб. Вовсе не потому что, как бы, заново, свежими глазами увидел творение рук своих. Гараж Чуприна, конечно, производил неиз-

гладимое впечатление. Он был непомерно велик, в него вполне можно вместить и две машины. Трудно сказать, из чего конкретно он был сооружен. Кровельное железо, доски, фанера, части старой мебели — все пошло в дело при его постройке. Вдобавок еще он был выкрашен сразу в несколько цветов. Но при всей нелепости все-таки производил довольно гармоничное впечатление. Сразу чувствовалось, его соорудил человек с богатой фантазией. Леонид замер, потому что увидел... дверь гаража приоткрыта. Замка на петлях не было вовсе. Тут уж не до шуток. В гараже Чуприна хранилась единственная его материальная ценность, не считая пишущей машинки «Эрика». Автомашина «Жигули» самой первой модели. Копейка, одним словом. Как тут не впасть в ступор.

«Угнали, сволочи!» — мелькнуло в голове у Чуприна. Он скинул новенькие аккуратно распиленные доски на землю и бросился к своему детищу. Резко распахнул обе створки ворот и облегченно выдохнул. Копейка была на месте. У Леонида отлегло от сердца. Быстрым хозяйским взглядом осмотрел внутренность гаража. Все было на своих местах, ничего не тронут. Странно-о!

Чуприн вышел из гаража на площадку, огляделся по сторонам. Тишина. Со стороны одинокой сосны доносился дробный стук трудолюбивого дятла. По утрам в городке обычно владельцев не наблюдалось. Одни уже уехали на работу, другие появлялись здесь только по субботам. С высоты сосны зоркому дятлу было видно, как человек поднял с земли сломанный замок, повертел его в руках. Потом, озабоченно хмурясь, вошел в гараж.

Дятел принялся было опять за работу, но до его слуха донесся...

...шум открываемой дверцы машины, потом... чей-то испуганный громкий крик, неясная возня. Еще несколько раз хлопнула дверца машины и на площадку перед гаражами выскочила коротко стриженная рыжеволосая девчонка. В джинсах и непонятного цвета свитере. Она шарахнулась в одну сторону, в другую, потом прижалась спиной к воротам гаража напротив, со страхом уставилась туда, откуда секунду назад вылетела пулей, в полумрак гаража Леонида Чуприна.

Поднесла обе ладони к лицу, в ужасе зажала себе рот.

Оглушительно загрохотала проносящаяся мимо электричка. Пролетела невидимая где-то совсем рядом, за домами, скрытыми зеленью деревьев, и затихла вдали под мостом уже за Волоколамским шоссе. Дятел вернулся к своей работе.

Из гаража, пошатываясь, вышел Леонид. Обеими руками он крепко держался за голову, морщился. Несколько секунд он в упор смотрел на рыжеволосую девчонку. Потом, стиснув зубы, негромко застонал и опустившись на корточки, замер.

Рыжеволосая перевела дыхание, облизнула губы.

— Эй! Ты... ничего... живой? — шепотом спросила она.

Чуприн медленно поднял голову, опять, морщась от боли, посмотрел прямо в глаза девчонке. Некоторое время оба напряженно рассматривали друг друга.

Рыжая одернула свитер, машинально поправила короткие волосы.

«Нефертити!» — почему-то молнией пронеслось в голове у Чуприна. Девчонка и впрямь слегка смахивала на древнеегипетскую царицу. В подростковом возрасте. Именно такой она представлялась ему после знакомства с множеством рисунков и скульптурных барельефов, дошедших до наших дней. Тот же большой нелепый лягушачий рот, те же огромные чуть навывкате глаза, те же веснушки по всему лицу.

Леонид уже полгода корпел над новым романом. С ночными бдениями, с муками и головной болью. Все как положено. Вероятно потому, что впервые взялся за историческую тему. Роман повествовал о несчастной и несравненной Нефертити, наследнице трона египетских фараонов. Самой красивой женщине древнего мира. С момента написания первой строки он, как в омут с головой погрузился в историю. И утонул в ней. Чего с ним никогда ранее не случалось. Все предыдущие тридцать три года он был совершенно равнодушен к древности. Теперь постоянно пребывал, как бы, в двух измерениях. Автоматически делал бытовые дела. Ходил в магазин, строил собственными руками в гараже катер, встречался с друзьями. Но все его мысли и чувства были где-то там, далеко-далеко. За много тысяч километров от Подмосковья, на берегах полноводного Нила.

В компании друзей, вечерами в нижнем буфете Дома литераторов, он постоянно был рассеян, отвечал невпопад, в последние дни даже замкнут. Друзья-

литераторы относились к подобному состоянию с пониманием.

Написать исторический роман, это вам не кот начихал!

— Посмотри, там в машине... — хриплым голосом сказал Леонид, — ...на заднем сидении есть аптечка.

Рыжая не двинулась с места. По-прежнему, с испугом смотрела на него.

— Ну! Живо! — повысил он голос.

Рыжая перевела дыхание, облизнула губы и, настороженно поглядывая на Чуприна, обойдя его стороной, скрылась к гараже. Было слышно, как она хлопнула дверцей машины. Чуприн несколько раз с силой прижал ладонь к голове, поднес ее к глазам. На ладони осталось довольно приличное пятно крови.

Из полумрака гаража появилась рыжая с дорожной аптечкой в руках. Она в нерешительности остановилась не доходя до него нескольких шагов.

— Ну! Не бойся, не укушу! — сказал Чуприн. — Надо рану йодом залить.

Рыжая поколебалась, положила аптечку на деревянный ящик из-под консервов, которые в изобилии валялись по всей территории городка и опять скрылась в гараже. Слышно как она хлопнула пару раз дверцей машины. Через секунду вернулась на площадку. Уже со своей сумкой в руках. Достала из сумки круглые очки, нацепила их на нос. В очках она стала окончательно похожей на крупного лягушонка, какими их изображают на сцене в детских театрах.

— Так и будем любоваться друг на друга? — раздраженно спросил Леонид. И, вытянув ноги перед собой, сел прямо на землю.

Рыжая облегченно выдохнула, подошла сзади, опустилась за его спиной на колени. Пододвинула к себе ящик, раскрыла аптечку, достала из нее бинт, йод, вату. Аккуратно все разложила на ящике. Придвинулась к Леониду.

— Эй! Ты! Убери руки! — грубовато распорядилась она. И начала расправлять волосы на его голове. Леонид едва заметно вздрагивал, морщился и шипел, как чайник.

С точки зрения среднестатистического рядового гражданина любой детдомовец вопиюще плохо воспитан. Все они бесцеремонны, бестактны, порой даже хамоваты. Взять к примеру хотя бы, что они всем без разбора «тыкают», не взирая на возраст и социальное положение. Если присмотреться чуть внимательнее, станет ясно, в этом ничего удивительного. Детдомовцы с колыбели живут коммуной, группой, компанией. Уединиться, хоть на час остаться наедине со своими невеселыми мыслями ни у кого из них просто нет физической возможности. Всегда — плечом к плечу, нога к ноге, ноздря в ноздю.

Леонид пару раз дернулся, услышав из очаровательных уст рыжей незнакомки грубоватое «ты», хотел было сделать соответствующее внушение, но, вспомнив свои неудачи на педагогическом фронте с дочерью Олесей, решил не обращать внимания. Куда денешься? Явно нынешнее поколение четырнадцати-

шестнадцатилетних не обременены излишней, с их точки зрения, культурой.

Кроме того, Леонид понятия не имел, что Надя из детдома. Да и ему самому в данную минуту было не до хороших манер.

Надя продолжала увлеченно рассматривать «плоды своих трудов», голову писателя Леонида Чуприна. Делала это сосредоточенно и кропотливо.

— Крови много? — поинтересовался он спустя минуту.

— В самый раз. Отвали! — делово ответила она. И добавила. — Пустяки, царапина. Шишка наверное большая будет.

Рыжая вылила на вату пол пузырька йода, приложила к ране.

— Осторожней, черт возьми! — поморщился Леонид. И опять зашипел, как чайник на газовой плите. Разве что кипятком не плевался.

— Терпи. Еще перевязать надо.

Рыжая придвинулась к нему совсем близко, поминутно поправляя очки, внимательно осматривая рану. Изредка прикладывала вату с йодом. Со стороны эта парочка напоминала фигурную композицию с картины «Иван Грозный убивает своего сына». Только в роли сумасшедшего царя в данном случае выступала рыжая девчонка. Леонид же вполне соответствовал образу бедного царевича.

Рыжая взяла в руки бинт, вату и начала довольно ловко бинтовать ему голову. Некоторое время оба молчали.

— Чем это ты мне врезала? — постанывая, поинтересовался он.

— Бутылкой.

— Очень мило с твоей стороны, — съязвил Леонид, — Откуда она взялась?

— Из моей сумки.

— Ясное дело, не с неба! Я спрашиваю, откуда у тебя бутылка вина, соплячка!? — грозно спросил Чуприн, — Да еще такая огромная.

— Отвали-и! — неожиданно нежным голосом пропела рыжая, — Твое счастье, что она оказалась наполовину пустой.

— Оказалась?!

— Если б я ее не пригубила, ты бы сейчас без сознания валялся, — рассудительно ответила она.

Смешно, но этот удар бутылкой по голове многое прояснит в жизни Чуприна. Он замкнет, соединит и разведет в разные стороны то, что давно пора соединить и развести. Можно без преувеличения утверждать. Шишка на голове Чуприна — есть, как бы, нулевой километр, точка отсчета новой жизни. Для Нади, кстати, тоже.

Мы порой недооцениваем мозоль на ноге, сорванный ноготь или неглубокий порез пальца. Нам не до таких мелочей. Мыслим исключительно перспективно, глобально и абсолютно абстрактно. Забываем мудрость древних, все в мире взаимосвязано.

— Спасибо, что пригубила, — вздохнув и в очередной раз поморщившись, заявил Леонид. — Могла бы и до дна вылакать, мне было бы легче.

Рыжая продолжала довольно ловко и увлеченно бинтовать ему голову.

— Как попала в гараж?

— Тюкнула камешком по замку, он и открылся.

— Куда уж проще! — раздраженно сказал он, — Тюкнула камнем! Зачем?

— Нельзя же в моем возрасте ночевать под забором.

— В каком ты таком особом возрасте, соплячка?

— В переходном. От детства к старости. Отвали-и!

Это самое «Отвали-и!» рыжая вставляла почти в каждую фразу. К месту и не к месту. С самыми разнообразными интонациями и даже противоположными смыслами. Причем произносила это слово как-то странно, не на выдохе, как все остальные люди, а на вдохе. Чем очень раздражала Чуприна.

— Между прочим, я ничего и пальцем не тронула из твоего хозяйства. Подремала пару часиков в машине, все дела. Из всех гаражей на твоем самый хилый замок. Гвоздем открыть можно. Наклони чуть-чуть голову!

— Ты выбрала именно мой, потому что...

— Понравилась его хипповая расцветка. Супер! Полный отпад! Я в него влюбилась. С первого взгляда.

Рыжая продолжала вдохновенно бинтовать голову Леониду. При этом даже начала что-то напевать себе под нос. Вернее, едва слышно мурлыкать. Судя по всему, эти внезапные переходы от одного состояния к другому, от панического испуга до безудержной смешливости и обратно, были для нее естественными, абсолютно

органичными. Как у несмышленного котенка. Рыжей масти.

— Следовало бы сдать тебя в милицию! — грозно заявил Леонид.

— Отвали-и!

— Что «Отвали-и!», что «Отвали-и!»!?

— Во-первых, ты добрый. Во-вторых, поленишься. Сам подумай. Что, будешь тащить меня за руку, на глазах у изумленного народа? Я буду сопротивляться, визжать, царапаться. В милиции заявлю, что ты пытался меня изнасиловать. Неизвестно еще кому поверят. На фига тебе эта созидательная бодяга?

— Созидательная бодяга!? — переспросил Леонид.

— Вот! Очень миленько получилось! — веселым тоном заявила рыжая. — Хочешь посмотреть?

Рыжая достала из сумки косметичку, из нее пудреницу, раскрыла, с готовностью поднесла ее к самому лицу Чуприна. Тот, морщась, попытался рассмотреть свое отражение. Не очень получилось. Отодвинул в сторону ее руку с зеркальцем.

— Надо было сверху еще бантик сделать. Супер! — добавила она. — Чтоб как ушки у зайчика.

«Все-таки, поразительно похожа на Нефертити!» — думал Леонид. «Наверняка сама об этом даже не подозревает».

— Слушай ты... — неожиданно для себя завелся Чуприн, — ...дитя природы! Ты взломала мой гараж, забралась в машину, нахлесталась портвейна и вдобавок чуть не угробила меня самого...

— Чуть не считается! — быстро уточнила рыжая.

— И еще хамишь через слово! Тебя кто воспитывал, соплячка!

— Отвали-и!

— Вот-вот! Это твое вульгарное «Отвали-и!»... — передразнил Чуприн.

Рыжая девушка смотрела на Чуприна с каким-то открытым простодушием. И доверчиво улыбалась. Будто он говорил вовсе не о ней, о ком-то другом.

— Это первое, что я произнесла, когда появилась на свет, честное слово! — с готовностью подхватила она. — Одни дети говорят, «ма-ма!», другие «дай!». Я сказала, «Отвали-и!». Как сейчас помню, моя рассеянная мама сунула мне в рот соску не тем концом. Что, по твоему, я должна была сказать?

Леонид, охая, медленно поднялся с земли, тщательно отряхнул сзади джинсы. Несколько раз осторожно потрогал ладонями забинтованную голову.

— Твоя рассеянная мама забыла самый надежный инструмент воспитания — ремень. Ты вообще, откуда?

— Отвали-и! — опять нежным голоском пропела рыжая девчонка. Усмехнулась и добавила. — Утро сегодня такое чудесное, врать не хочется. Для откровенности мы недостаточно близко знакомы, — строго закончила она.

Чуприн только головой покачал. Потом осторожно повертел ею в разные стороны, слегка помассировал шею. Рыжая достала из сумочки гребень и начала тщательно расчесывать свои короткие волосы. Строго и даже как-то торжественно рассматривала себя в зеркальце. Постоянно поправляла на носу очки.

— Сколько у тебя минусов? — зачем-то спросил он.
— Нет у меня минусов, одни плюсы. Отвали-и!
— Всыпать бы тебе как следует! — не выдержал Чуприн. — Соплячка! Это что, новая мода? Ночевать в чужих гаражах!

— Все спят в своих постелях, я в чужих машинах, — пожалала плечами она, — Будет что вспомнить на пенсии.

Чуприн мрачно молчал, медленно потирал шею, исподлобья смотрел на рыжую.

— Если совсем честно, — беззаботно продолжила она, — хотела испытать себя: смогу или не смогу? Экстрим!

— Врешь! — поморщился Леонид.

— Тогда придумай сам что хочешь. Что больше нравится. И отвали-и!

— Мне понравится, если ты скажешь правду! Ты кто, наводчица? Из банды угонщиков машин? — грозно вопрошал Леонид.

«Нефертити! Копия! Один в один! Другое воплощение? Реанкарнация? Или как там, выражаются по-научному?».

Рыжая опустила на колени руки с гребнем и зеркальцем, преувеличенно тяжело вздохнула. На ее лице появилось виноватое детское выражение. С такими физиономиями дети клячат у родителей сладости.

— Давай не вмешивать в наши отношения милицию, а? Пожалуйста!

— В наши отношения!? — изумился Чуприн. — По-твоему, у нас уже есть какие-то отношения?

— Отвали-и! Из-за какого-то пустяка?

— Моя голова...

— Я имею в виду, сломанный замок. Делов-то! Хочешь, куплю новый?

Рыжая преувеличенно громко и тяжело вздохнула, аккуратно сложила в сумку гребень, зеркальце. Оглянулась по сторонам.

— Кажется, я начинаю действовать тебе на нервы. Пора исчезать по-английски. Рада была познакомиться. — сухо добавила она.

Рыжая застегнула на сумке молнию, закинула ее на плечо, хотела уже подняться с ящика. Но Леонид быстро присел рядом с ней, сильно и цепко схватил за руку.

— Сиди! — сказал он.

— Дяденька-а! — смеясь, плаксивым тоном, протянула рыжая. — Отпусти-и меня! Пожалуйста-а! Я больше никогда-никогда! Честное слово!

— Пока не скажешь, зачем забралась в гараж, никуда не пойдешь!

— Я же сказала-а... — продолжала нудить она, — ...переночевать! Что тут непонятного? Могу возместить ущерб, куплю новый замок! Даже два!

— Я с тобой не куклы играю, соплячка-а! — рявкнул Чуприн. И очень сильно сдавил ей руку. Даже слегка встряхнул.

Рыжая изменилась в лице и вдруг заорала во все горло. На весь гаражный городок:

— У меня врожденная бессонница-а!!!

От неожиданности Леонид выпустил ее руку. Рыжая мгновенно вскочила с ящика и отбежала на безопасное расстояние.

— Моя рассеянная мама родила меня прямо в машине. На заднем сидении. По дороге в роддом, — орала она, выпучив глаза, — С тех пор у меня комплекс. По Фрейду! Отсыпаюсь только в чужих машинах. Свою купить не могу. Счет в банке не позволяет! Я очень несчастная! Постоянно невыспавшаяся! Бедная, несчастная, невыспавшаяся девушка! Тебе меня не жалко? Тогда отвали-и!

Чуприн несколько секунд обалдело смотрел на нее. Потом потряс головой. Но тут же сморщился, осторожно приложил правую ладонь к затылку.

— Ты... ты больная? Из психушки сбежала?

— С чего ты взял? — прищурившись спросила она.

— Чего орешь?

— Меня нельзя обижать. Я особенная. Экстраординарная!

— Экстра... что!? — изумился Чуприн.

— Между прочим, я проношу только удачу. Запомни!

Леонид потрогал ладонью затылок, усмехнулся.

— Успел заметить.

— Это даже не от меня зависит. Сколько раз проверяла! Каждому, с кем я вступаю в контакт хоть на десять минут, потом начинает дико везти.

— В контакт!? Треснуть по голове бутылкой незнакомого ты называешь...

— Скоро тебе повезет! Жди!

— Спасибо, предупредила. Буду знать кому обязан.

«Интересно, сколько ей лет?» — подумал Чуприн.
«Фигура взрослой женщины. Лицо ребенка».

— Сколько тебе лет, ребенок? — спросил он.

— В самый раз! Отвали! — грубовато отрезала Надя. И тут лучезарно улыбнувшись, добавила, — Между прочим, у женщин не спрашивают.

— Какая ты на хрен женщина!? Ты пока что... эмбрион. Гусеница. В грязном коконе. Еще неизвестно что вылупится.

— Прекрасная бабочка! — безапелляционно заявила рыжая. — Изящная и грациозная. С красивыми узорами на крылышках. Буду порхать, порхать... Я уже и сейчас... очень даже ничего себе.

— Слушай, ты... бабочка! — вконец разозлившись, сказал Леонид. — Дуй отсюда, пока я не всыпал тебе! А то не посмотрю, что малолетка, стяну джинсы и всыплю. За папу и за маму! Неделю сидеть не сможешь!

— Тебе нельзя злиться, — направив прямо ему в лицо указательный палец, строго сказала она. — И нельзя ругаться. Когда злишься, у тебя очень некрасивое лицо делается. Теряешь мужское обаяние.

— Все сказала!?

— Между прочим, грубить тоже необязательно.

— Вот навязалась... — вполголоса пробормотал Чуприн.

— Ухожу. Только скажи, больше не злишься на меня. Я ведь не нарочно.

— Уйдешь ты или нет!?

— Отвали-и! Исчезаю! — весело смеясь, объявила рыжая. — Не забудь, это я принесла тебе удачу!

Она закинула сумку на плечо, помахала Леониду ручкой. Повернулась и независимой походкой направи-

лась по дорожке к домам. Через несколько шагов остановилась и еще раз помахала ручкой Леониду.

— Между прочим, меня зовут — Надежда-а! — крикнула она.

И послала Леониду воздушный поцелуй. На манер западных кинозвезд. Чмокнула свою ладошку и сильно дунула с нее в сторону обалделого Чуприна.

Леонид Чуприн еще долго стоял неподвижно и смотрел ей вслед, пока она не скрылась в густой зелени кустов.

Развод для молодого мужчины подобен обрубанию хвоста у добродушного дворняги. Со временем он привыкнет и даже научится выражать свои радости и восторги уродливым обрубком. Но в глазах его навечно поселится печаль. Психологами давно установлено, мужчина переживает разрыв с женой гораздо болезненнее представительницы слабой и прекрасной половины. Беда, если мужчина в этот момент задумает потягаться силами с «зеленым змеем». Чтоб самоутвердиться и крепко стоять на своих двоих. Результат всегда будет противоположным. Сей факт в научных кругах даже не обсуждается. Аксиома, как говорится. Единственное спасение для мужчины, которому «обрубили хвост», с головой уйти в работу. Спасение только там. Временно не стоит даже «вышибать клин клином», заводить новую женщину. Временно. Месяца два, не более.

Леонид Чуприн полгода назад пережил это самое «обрубание хвоста». По общему признанию друзей вел себя достойно. Забрал рукописи и рисунки, бросил в старый чемодан две мятые рубашки и был таков. Оста-

вил жене Валентине квартиру, мебель, все, что успели вместе нажить. Себе взял только раздолбанную «копейку». Пообещал ежемесячно выделять на дочь Олесю ровно половину своих заработков.

— Неудачник! Инфузория!!!

Еще долгие годы будет звучать в его ушах резкий, срывающийся на визгливую истерику голос жены. Перед глазами стоять ее перекошенное от ненависти лицо.

А ведь как они любили друг друга! Ими любовались, им завидовали. Американская пара! Оба всегда веселые, жизнерадостные, доброжелательные, открытые... Куда все исчезло? Будто ветром сдуло. Будто было не с ними, с какими-то другими. Миф об американской удачливой паре разбился вдребезги при первых же материальных трудностях. Валентине перестало нравится в нем все! Любовь куда-то испарилась. Больше всего ее не устраивала его жизнерадостность, общительность. Бесконечная череда друзей-приятелей. Бесконечные походы по гостям, таким же «голодранцам», как и сам Леонид. Впрочем, удивляться нечему. Бывшие манекенщицы, сойдя с подиума, в большинстве своем превращаются в склочным мегер.

— Кому отдать последнюю рубашку? Кому отдать последнюю рубашку? — передразнивала она его каждый вечер.

В самый последний раз она секунду помолчала и скороговоркой, нервно затягиваясь сигаретой, добавила:

— Кроме того, я тебе уже изменила!

Леонид довольно долго смотрел вслед уходящей рыжей девчонке. Потом покачал головой, усмехнулся и вошел внутрь гаража.

Трудолюбивому дятлу с высоты было отлично видно как он раскрыл переднюю дверь «копейки», опустил стекло и, оперевшись плечом в переднюю стойку, довольно легко выкатил машину на площадку перед гаражами. Энергично орудуя рулем, отогнал ее чуть направо. Вернулся в гараж, некоторое время распутывал там какие-то длинные ремни и веревки. Потом, перекинув их через плечо, наклонившись вперед, как бурлак с картины Ильи Репина, начал на лафетнике выкатывать из гаража... нечто, очень похожее на скелет древнего млекопитающего.

Одновременно послышался приближающийся шум электрички. Сквозь грохот, металлический лязг буферов и стук колес на стыках рельс, в ушах Леонида Чуприна звучал нарастающий гул барабанов, гортанный рев верблюдов, шипение многотонных масс песка и мерный шум волн полноводного Нила.

Это было, действительно, нечто! Одного взгляда на сие, еще недостроенное судно достаточно было, чтоб понять. Именно на таких суденышках, судя по дошедшим до нас рисункам, отважные древние египтяне бороздили бурные воды Нила. Заходили во все бухты и заливы Средиземноморья.

Короче, Леонид Чуприн всерьез заболел древним Египтом. В его ушах, естественно, постоянно звучал «Караван» Дюка Элингтона в исполнении любимого ленинградского саксофониста Давида Голощекина.

Перед глазами постоянно маячила наследница трона египетских фараонов.

2

...Наследница трона египетских фараонов Нефертити была дурнушкой. Большой рот с загнутыми вверх уголками губ, слегка выпученные огромные зеленые глаза и ярко-оранжевые веснушки по всему лицу. Те, кто помнил родителей Неф, говорил, что ничего такого ни у отца, ни у матери не было. Ни большого рта, ни выпученных глаз, ни тем более веснушек. Неф очень страдала от своей внешности. Она давно смирилась с тем, что дети дразнят ее «лягушкой» и не играла ни с кем.

Единственным другом, которому она доверяла свои тайны, был лягушонок, живший в луже за павильоном в большом саду. Такой же пучеглазый и большеротый, как она.

— Братик мой! — шептала Неф каждое утро, наклонившись над лужей. — Доброе утро!

Иногда лягушонок отвечал. Открывал свой некрасивый рот и радостно квакал. Чаще ничего не говорил. Просто грустно смотрел на нее из лужи своими огромными глазами. Вчера Неф услышала от своих служанок очень интересную вещь. Сколько раз по весне лягушка в пруду квакнет, столько лет тебе жить на свете. Сегодня она решила это проверить.

— Братик! — оглянувшись по сторонам, прошептала Неф. — Сколько лет я проживу на свете?

Лягушонок с готовностью начал квакать. Неф, трогая мизинцем пальцы на руках и ногах, сосредоточенно считала. Когда пальцы на руках и ногах кончились, Неф растерялась. По ее понятиям все, что больше двадцати, было уже вечностью.

Самое фантастическое, лягушонок проквакал ровно двадцать девять раз. Именно столько лет прожила в том далеком, прекрасном и яростном мире наследница трона египетских фараонов Нефертити.

Но чаще всего Неф ни о чем не спрашивала. Просто подставляла ладони и лягушонок, выбравшись из лужи, с готовностью прыгал ей в руки. Неф подробно рассказывала ему обо всех событиях прошедшего дня, делилась планами на будущее. А планов у нее было великое множество. Лягушонок слушал внимательно.

Наследнице трона фараонов было четыре с половиной года.

Родители Неф, прежние правители Египта, едва успев вступить на трон, совсем молодыми погибли при загадочных обстоятельствах. Об этом было запрещено говорить вслух, но все жители Фив прекрасно знали, верховные жрецы приложили к этому свои грязные лапы. По их замыслу должна была погибнуть и сама Неф. Но ее спас Эйе, главный начальник конницы всего Египта.

Эйе был могучим человеком. Могучим и красивым. На две головы выше любого, самого рослого сановника в Фивах. На боку всегда носил огромный серповидный меч. Мог на спор одной рукой поднять над головой лошадь. Настоящий египтянин.

Жители Фив еще долго шепотом рассказывали друг другу в торговых рядах и просто на перекрестках о той жуткой, кровавой резне, случившейся в Главном храме четыре года тому назад...

Говорили, Эйе успел только схватить Неф и посадить ее себе на плечо. Другой рукой он разил всех направо и налево своим длинным мечом. Так и вырвался из храма, с Неф на плече, и ускакал на своей колеснице. Только его и видели. Он принес Неф в свой огромный дом и приказал удвоить охрану. С тех самых пор кормилицей Неф стала жена Эйе, красавица Крикла.

Говорили, на следующий день верховные жрецы позвали его в свой Главный храм. Но Эйе приехал не один, а с целым отрядом воинов. За ночь слуги успели убрать трупы и смыть всю кровь со стен и колонн. Будто ничего вчера и не было.

Главный жрец сказал Эйе что-то такое, отчего Эйе зарычал, как лев. Схватил Главного жреца, поднял в воздух и несколько раз ударил спиной о колонну. Будто, та даже треснула в нескольких местах.

Говорили, у Главного жреца из носа и горла пошла кровь. Он плевался кровью в сторону Эйе и кричал:

— Боги тебя покарают, безбожник! Ты уже труп!

А Эйе, стоя в окружении своих воинов, говорил:

— Запомни, старый пень! Мой меч отточен с двух сторон! С одной стороны для врагов внешних, с другой для врагов внутренних!

— Бойся гнева Богов, безбожник! — продолжал кричать Главный жрец, — Тебя покарают! Ох, ка-ак покарают!

Уже собираясь уходить, Эйе остановился и через плечо добавил:

— И еще запомни! Если хоть одна слезинка упадет из глаз лягушонка, я вернусь и отрублю тебе башку! С одного удара!

Главный жрец продолжал вырываться из рук многочисленных слуг, плевался кровью в сторону Эйе и сверкал глазами.

— Ох, ка-ак покарают тебя Боги-и!

— Выдолби себе клинописью на лысине, старый пень, если Боги против лягушонка, то я, Эйе, против Богов!

Больше Эйе ничего не сказал. Повернулся и в сопровождении воинов вышел из храма. А Главный жрец еще долго охал, ахал, плевался кровью и грозил всяческими карами небесными Главному начальнику конницы всего Египта...

Обо всем этом жители Фив очень любили поговорить. Хотя это и было категорически запрещено. Но ведь всем рты глиной не залепишь. Жители Фив восхищались поступком Эйе. И явно недолюбливали жрецов. Богов любили и боялись, жрецов недолюбливали. Разговоры в торговых рядах и на перекрестках города всегда заканчивались одной и той же фразой.

— Умом Египет не понять! — говорил обычно кто-нибудь из собеседников. Остальные, соглашаясь, кивали головами. После этого жители расходились по своим делам.

Ничего этого Неф не помнила. И не могла помнить. В те времена ей не было еще и года. Своих родителей она не знала.

Начальник конницы Эйе был не только высоким и сильным. Он был еще и очень богатым. Входил в пятерку самых богатых и влиятельных сановников Египта.

Поместье Эйе располагалось на южной окраине Фив и занимало несколько гектаров. Никто не знал, сколько именно. Никому бы и в голову не пришло измерять его владения. Знали только, его земли начинались у самого Нила, тянулись вдоль столицы широкой полосой, захватывая даже отдельные пригороды, и дальше терялись где-то там, в песчаных барханах, которые неожиданно возникали уже за густым лесом, за островками колючего кустарника.

В самом центре стоял огромный дом с лестницами и колоннами у центрального входа. Со всех сторон к нему, словно ручейки, стекались дорожки, вымощенные плитами известняка. По бокам дома ряды пирамидальных сосен. Со стороны улицы и соседа, такого же богатого и влиятельного сановника, главного зодчего Пареннефера, участок был обнесен глиняной стеной.

Еще при строительстве зодчий Пареннефер, проектирующий для Эйе этот дом, хватался за голову.

— Зачем такая роскошь?! Этот дом тебе обойдется в половину твоего состояния!

— Надеюсь, не меньше! — улыбался Эйе. Он во всем любил размах и роскошь.

Справа располагались еще несколько домов и построек. Слева бесконечные ряды конюшен со стойлами

для лошадей, мастерскими для колесниц, складами для фуража. Еще дальше на небольшой горке стояла кузница. Оттуда постоянно доносился стук молотков.

Сразу за большим домом шли бесконечные фруктовые сады. В садах, там и там, возникали легкие изящные беседки, небольшие пруды с диковинными рыбами и колодцы для полива.

Центральную часть основного дома занимал приемный зал. Расписной потолок в нем поддерживали четыре высокие колонны. Маленькие окна с решетками под самым потолком, чтоб было не так жарко летом. За приемным залом, скрытые легкими занавесками, были спальни Эйе и Криклы. Между ними умывальни и даже небольшая купальня. На крышу дома вела деревянная лестница. Там, под легкими навесами, Эйе чаще всего обедал. Там же, знойными вечерами, устраивал за большим столом пышные застолья для многочисленных друзей.

У Неф было одно любимое место. Маленькая беседка у пруда.

Неф уже давно любила Эйе. У них даже были тайные свидания. Раз или два в месяц. После обеда. Разумеется, в маленькой беседке.

Эйе всегда сопровождали два воина. Таких же могучих, как и сам Эйе. Обычно они стояли справа и слева от входа и ни на миг не выпускали его из вида. Однажды Неф подошла к ним и, потрогав одного за длинное копьё, вежливо поинтересовалась:

— Скажите, почему крокодилы не летают?

Этот вопрос давно интересовал Неф.

Воины, как по команде, скосили глаза сначала на нее, потом друг на друга и ничего не ответили.

— А кто сильнее, слон или бегемот? — продолжала Неф.

Воины опять ничего не ответили. Неф еще некоторое время погуляла между ними, как между колоннами, и пошла на свидание с Эйе.

Беседка стояла справа от центральных ворот на берегу старого, заросшего тиной пруда. Четыре скамейки напротив друг друга, четыре колонны, увитые густым плющом. Очень удобное место. Из беседки все вокруг видно, а что внутри со стороны не разглядеть. Идеальное место для тайных любовных свиданий.

Эйе был очень веселым человеком. И поговорить с ним можно было о чем угодно. Он столько всякого разного интересного знал! Кроме того, от него всегда так чудесно пахло лошадьё. Неф, зажмурив глаза, вдыхала этот замечательный запах и была по-настоящему счастлива.

А Эйе сажал Неф себе на колени и шептал на ухо ужасные слова, от которых маленькое сердце Неф трепетало, как птенец, попавший в силки.

— Солнышко! Солнышко мое! Красавица-а!

— Неправда! — шептала Неф, готовая расплакаться. — Все знают, я некрасивая.

— Дураки они! — обычно начинал раздражаться Эйе. И строгим голосом продолжал. — Никого не слушай! Ты... красивая!

— Нет! Нет! — закрыв глаза, упрямо твердила Неф. — Ты врешь!

В такие минуты Неф страдала неимоверно.

А Эйе тогда обычно начинал громко возмущаться. Даже воины, стоявшие неподалеку, выпадали из оцепенения и оглядывались по сторонам. Эйе ссаживал Неф со своих колен, ставил на скамью, чтоб она хоть чуть была повыше и начинал ходить взад-вперед. И говорил при этом строгим-строгим голосом:

— Запомни, красавица! Я никогда не вру! Вообще, это не в моих привычках... врать! — Эйе даже брезгливо морщился. — Об этом знают даже... даже на другом конце света. Я самый правдивый человек во всем Египте! Разве не так?

Неф ничего другого не оставалось, она кивала головой.

— Я тебя когда-нибудь обманывал?

Неф отрицательно мотала головой.

— Запомни! Ты... красивая!

Неф упрямо отрицательно мотала головой. Тогда Эйе со вздохом опять присаживался на скамейку, сажал ее к себе на колени и продолжал допрос:

— С какой ноги ты сегодня встала?

— Не помню. — упрямылась Неф.

— Явно не с той, с которой надо! — строго говорил Эйе. И еще строже добавлял. — Запомни, лягушонок! Ты... красавица!

Эйе целовал ее в лоб и стремительно уходил из беседки. С улицы из-за деревьев доносился топот лошадей, свист, крики Эйе и его воинов. Их колесницы быстро уносились куда-то, поднимая пыль.

Неф тяжело вздыхала. Ведь Эйе был совсем старый. Ему было больше лет, чем пальцев у Неф на руках и ногах вместе взятых. Лет двадцать пять. Или даже все двадцать восемь.

А его жена Крикла даже не догадывалась об их тайных свиданиях. Ей вечно было некогда. Она работала в поместье главным фараоном. В поместье Эйе одних служанок, рабов, конюхов и охранников было столько, что даже сам Эйе не знал, сколько. А уж он-то знал все на свете. И за каждым из охранников, конюхов и садовников нужен был глаз, да глаз. Не говоря уж о служанках. Все соседи Крикле сочувствовали.

Крикла была очень крупной женщиной. Смуглолицей и черноволосой. Красивой и очень полной. Неф, при всем желании, могла обхватить только одну ее ногу. Всю целиком обхватить Крикле во всем Египте мог только ее муж. Он даже носил ее на руках. Неф один раз сама видела. Эйе нес ее на руках, от пруда через сад прямо в дом.

Крикла смеялась и колотила его руками по спине.

— Совсем с ума сошел!? — шептала она. — Люди кругом! Увидят!

— Нет никаких людей. — спокойно возражал Эйе. — Все давным-давно спят. Поголовно.

На памяти Неф это был единственный случай, когда Эйе говорил неправду. Потому что до вечера было еще далеко. Солнце еще и не собиралось садиться. И потому все люди в поместье никак не могли спать. Но Эйе не слушал и нес Крикле прямо в дом.

Когда Неф было полтора года, Крикла тоже спасла ей жизнь.

Неф играла в саду за большим павильоном под присмотром служанки. Выкладывала на берегу пруда орнамент из камушков. Служанка и не заметила, как сзади к Неф подползла огромная кобра. И уже встала в боевую стойку. Готовилась к нападению. Служанка, увидев кобру, раскачивающуюся за спиной Неф, оцепенела и только тихо повизгивала. И тут из дома примчалась Крикла. Очевидно, сердцем почувствовала неладное.

Она схватила огромный камень, высоко подняла над головой и, что есть силы, трахнула прямо по башке кобре. Та упала замертво. Крикла, переведя дыхание, подняла кобру за хвост и, увидев какая та огромная, сама грохнулась в обморок. Только тут служанка закричала во весь голос.

Неф обернулась и, увидев лежащую на земле Криклу, громко заплакала.

Служанка начала голосить на все поместье. Суматоха поднялась вселенская. Прибежали служанки, рабы, охранники...Все перепугались до трясучки, поскольку знали характер Эйе. Если б, не дай Бог в его отсутствие что-нибудь случилось с его красавицей Криклой, он бы всем головы поотрывал.

Все дружно начали приводить Криклу в чувство. Терли виски листьями лотоса, капали в нос настойку из варианы, даже (самый испытанный способ!), засовывали в ухо колючку репейника. Ничто не помогало.

Догадался один стражник. Отбросил свое копье, принес кувшин с водой и выплеснул прямо в лицо Крикле. Та, естественно, очнулась. Тут же вскочила на ноги, схватила Неф, прижала к себе и, шатаясь, медленно ушла в дом...

Целых два дня она не выходила из дома. И не отпускала от себя Неф. Даже спала, крепко прижимая к себе девочку. Неф надолго запомнила, как ей было неудобно, жарко. Крикла была не только крупная, полная и красивая. Она была еще и очень теплая. Даже горячая.

...Песчаные бури в Фивах большая редкость. Сказывается близость полноводного Нила. Но уж если задует пронзительный южный ветер и понесет волнами облака желто-бурой пыли, то беда.

Держись, египтянин!

В это время, за много километров от столицы, караванщики кнутами сгоняют верблюдов в круг. Нещадно бьют их палками по ногам, чтоб те ложились на песок и своими телами загораживали погонщиков от беспощадного ветра, способного даже человека сбить с ног и покатить по барханам, будто какую-нибудь колючку.

В самих Фивах никто и носа не смеет высунуть на улицу. Так и сидят в своих домах по углам в полном молчании. Терпеливо ждут, когда Боги смилостивятся и утихомят разыгравшийся южный ветер. А он все завывает, гоняя по дворам и проулкам пыль и щебень. В ураганной темноте исчезает все, весь прежний види-

мый мир. И небо, и деревья, и даже огромные храмы в самом центре Фив.

Жители молчат и ждут.

Ведь всем известно, как Боги решат, так и будет.

Обычно южный ветер стихает поздней ночью на второй или третий день. Но никто из жителей не торопится выползть из домов и лачуг, расчищать дворы от песка и пыли. За них это сделает северный ливень.

У Богов все давным-давно продумано. Уже к утру второго или третьего дня южный ветер стихает и по небу на Фивы со стороны Средиземноморья надвигается черный вал грозových облаков. Вал разражается неистовым потоком, который смывает все пески, принесенные с юга в Фивы, всю пыль и грязь с дворов и улиц, уносит по каналам и протокам в полноводный Нил, а тот возвращает всю мутную воду обратно Средиземноморью...

А еще в поместье Эйе проживал его племянник — Хотеп. Старше Неф на два года. Он был угрюмым и злобным. Очень худым и даже сутулым. И глаза у него были какие-то пустые. Когда Неф было уже три с половиной года, он подловил ее в павильоне между колоннами.

— Ты... жаба! — брезгливо сказал Хотеп.

Он размахнулся и ударил Неф прямо в глаз. Кулаком. Изо всей силы. Повернулся и ушел.

Неф долго и тихо плакала. Ей было очень больно. Но еще больше ей было обидно. Не за себя, естественно, за жабу. Только очень глупый и невнимательный человек мог считать жабу безобразной. Большинство людей просто их близко не видели. Вот и все.

Тем не менее, под глазом Неф образовался огромный синяк. А сам глаз заплыл вовсе. Им она почти ничего не видела. Неф пыталась замазать синяк какой-нибудь краской. Под цвет веснушек. Слюнявила палец и пыталась стереть краску с росписей в зале для приемов. Ничего не получалось, краска не оттиралась.

Крикла, увидев новое «украшение» Неф, всплеснула руками и тут же громко заголосила на своем нубийском языке. Крикла не была чистокровной египтянкой. Только наполовину египтянкой, а наполовину нубийкой. Если она начинала говорить на своем нубийском языке, все служанки разбегались по поместью и прятались по углам.

В тот же вечер Неф позвали к ужину на крышу большого дома. Обычно детей и близко не подпускали к столу со взрослыми. Неф медленно поднялась по деревянной лестнице и остановилась на пороге.

Эйе и Крикла ужинали. Вернее, ужинал один Эйе, служанки только успевали подносить ему все новые и новые блюда, а Крикла сидела напротив и сверлила его каким-то незнакомым Неф взглядом.

Оба они сделали вид, будто не видят никаких «украшений».

Тогда Неф решила взять инициативу в свои руки.

Она решительно подошла к столу, села напротив Эйе, рядом с Криклой и, как бы между прочим, поинтересовалась:

- Почему Хотеп такой?
- Какой такой? — не понял Эйе.
- Не такой, как все. — пояснила Неф.

— Видишь ли... — глубоко вздохнув, издалека начал Эйе. — Очевидно Боги, в тот день, когда родился Хотеп, встали не с той ноги...

Это была его любимая тема, порассуждать, кто с какой ноги утром встал и что конкретно за этим следует.

Крикла выразилась проще. Так прямо и сказала:

— Еще в детстве Хотепу в задницу ударила молния. С тех пор он сделался слабоумным!

Эйе очень возмутился. Даже сильно закашлялся.

— Так нельзя говорить о ребенке! Его пожалеть надо!

Крикла с готовностью покивала головой.

— Я его пожалею! Очень пожалею! — с ударением сказала она. И тут же, повышая голос, добавила. — Если этот придурок еще хоть раз пальцем тронет моего лягушонка, я собственными руками оторву ему голову и брошу в Нил на съедение бегемотам!

Эйе, сдерживаясь, уточнил:

— Между прочим, бегемоты детей не едят. Они травоядные.

— И правильно делают! — согласилась Крикла. — Нечего всякую дрянь жрать! Отравиться можно!

Неф только успевала переводить взгляд с Эйе на Криклу.

Но тут Эйе не выдержал, резко встал из-за стола, схватил самую большую и красивую вазу и трахнул ее об пол. Ваза разбилась вдребезги. Служанки с визгами попрятались за занавесками. А Эйе сказал:

— Мне это все... остолбенело! Днем воюешь, воюешь! Домой придешь, опять война!

Эйе поискал глазами, что бы еще такое трахнуть об пол, но на столе остались только вазочки, кувшинчики, тарелочки — мелочевка. Тогда он просто спустился по лестнице и ушел в спальню.

Наверняка ему хотелось громко хлопнуть дверью. Но дверей в домах в Египте не было вовсе. Только льняные занавески. Потому что климат был очень жаркий.

А Крикла еще долго сидела за столом и сама с собой громко разговаривала по-нубийски. Потом посмотрела на Неф и сказала:

— Вот, такая вот...Таратумбия!

Этой фразой она обычно заканчивала любой разговор. Почему «Таратумбия», а не Финикия или ее родная Нубия, и где она находится, никто не знал. Не знала этого и Неф.

Уже спускаясь по лестнице, Неф подумала, она тоже не такая как все. У Эйе с Криклой своих было трое детей, да еще двое приемных. Да еще племянник Хотеп. И разумеется, сама Неф. Для нее даже построили отдельный маленький дом. Все как у взрослых. Терраса, спальня, на крыше под тентом жаровня с углями. Маленькая столовая и ванная. И служанки у нее были. Даже две. Одна укладывала спать и кормила, другая постоянно сопровождала Неф на прогулках, если они выходили за пределы поместья. Ничего такого у остальных детей Эйе и Криклы не было.

Неф топала по теплым плиткам садовой дорожки. Потом вдруг неожиданно остановилась и сказала вслух. Довольно громко:

— Когда я стану женой Эйе, никогда не буду ему возражать и спорить! — Подумала и добавила. — И он будет носить меня на руках каждый день.

Над ее головой на темном небе висели огромные, как яблоки звезды. Оглушительно верещали цикады. И негромко переговаривались у дальних ворот охранники. И еще она подумала, скорей бы вырасти. А то Эйе окончательно состарится. Тогда жизнь потеряет всякий смысл. От таких мыслей Неф стало очень грустно на душе и она собралась даже заплакать, но передумала, потому что уже совсем пришла к своему маленькому дому. И ей очень захотелось спать. Засыпая, Неф успела подумать, завтра утром надо проведать своего друга лягушонка, проживающего в большой луже за павильоном.

Во сне Нефертити всегда летала...

Жители Москвы и ее окрестностей давно уже в своих снах никуда не летают. Спят тревожно и очень нервно. Большинство не обходится без снотворных. Вообще, столица город шумный и очень бестолковый. Равнодушный и откровенно хамский. Это каждому приезжему становится ясно с первой минуты. Достаточно выйти на перрон любого вокзала или спуститься с трапа самолета на бетон аэродрома. В толпе у приезжего возникает ощущение, каждый встречный и поперечный норовит толкнуть именно его. Как в американском футболе. Оттеснить в сторону, отпихнуть, освободить лично для себя жизненное пространство. На человечество в целом и на каждого его представителя в отдельности, откровенно наплевать.

Наталья Кочеткова лежала в зачуханной районной больнице. Но в отдельном боксе. Худая, бледная, с обострившимися чертами лица. В свои двадцать четыре она выглядела на все тридцать. Больница ни у кого не вызывает положительных эмоций. По коридору парами гуляют женщины. Старенькие застиранные домашние халаты. Яркие пестрые расцветки, но все они какие-то одинаково унылые. И глаза у женщин тоже одинаковые. Огромные и бездонные. В глубине каждой пары глаз пульсирует страх и одновременно равнодушие ко всему на свете.

Тем кто лежит в общих палатах полегче. Читают, в сотый пересказывают друг другу свои беды. Кто-нибудь из наиболее бесшабашных, чаще всего не впервые по-

павших сюда, рассказывает анекдоты. Героями, ясное дело, являются мужики. Сплошь алкаши, дураки, сволочи и мерзавцы. Уж тут-то бедные женщины отводят душу, не стесняются в выражениях. По иронии судьбы через дорогу находится роддом. Станными взглядами обмениваются женщины из окон этих зданий. Их не передать никакими словами.

Надя Соломатина появилась у постели Натальи сразу после завтрака. Вошла энергичной походкой в крохотную комнату с единственной кроватью и отсалютовала вскинутой рукой со сжатым кулачком. На ней болтался белый халат непомерно большого размера, в котором она выглядела совсем ребенком. Худенькой беззащитной девочкой.

— Но пассаран! — поздоровалась Надя, привычно вскинув к плечу худенькую руку со сжатым кулачком. Традиционное приветствие всех воспитанников и выпускников «Журавлика». Каждый из них при встречах и расставаниях непременно делал именно этот жест.

— Но пассаран!

Наталья тоже вскинула на подушку руку со сжатым кулаком. Потом закинула ее за голову. Надя бросила на старшую подругу быстрый любопытный взгляд, подошла к тумбочке и выложила из полиэтиленового пакета связку яблок, три апельсина и сок «Наш сад» в квадратной упаковке.

— Откуда деньги взяла? — вяло поинтересовалась Наталья.

— Из закровов Родины! — отрапортовала Надя. — Тебе необходимы витамины.

— Заберешь все с собой. Я ничего не хочу.

— И не думай, и не мечтай! — резко мотнула головой Надя. И оглянувшись на дверь, присела на единственный в боксе стул.

— У тебя отдельная палата. Отпад! Как у Хилари Клинтон.

Наталья только головой покачала. Надя всегда сражала окружающих наповал своими оценками и сравнениями. Такое только ей одной могло прийти в голову. Хилари Клинтон! Спасибо, не Маргарет Тетчер.

— Интересно, сколько раз Хилари делала аборт от Била? Как думаешь?

— Думаю, не твоего ума дело.

— Она-то наверное не в такой палате лежала. Телевизор, холодильник, слуги, охранники, все к ее услугам. Только пальчиком шевельни. Хотя, у тебя тоже ничего, — спохватившись, добавила Надя. — И вид из окна чудесный.

— Хороших подруг надо иметь. У меня везде подруги, — ответила Наталья, — Твоя беда, что ты дикарка. Постоянно со всеми конфликтуете. С людьми надо дружить.

Странные отношения связывали этих двух девушек. И дело было вовсе не в разнице в десять лет. Когда они познакомились, четырнадцать было Наталье. Она увидела сидящую на ступеньках у двери в главный корпус крохотную девочку. Та была как собачка привязана за шею веревкой к дверной ручке. Очевидно, чтоб не сбегала. Девочка и не собиралась никуда убегать. Она, склонив голову на колени, безмятежно спала. Немытая,

непричесанная, одетая в обноски и лохмотья. Какая-то дикая пародия на «Аленушку» с картины Васнецова. В сердце юной Натальи в ту секунду вонзилась тупая ржавая игла. Так с тех пор и не вышла оттуда.

Наталья отвязала немытую «Аленушку» от двери и поволокла непосредственно в кабинет ЛорВаси Гонзалес. В кармане девочки была найдена записка из которой следовало. Ее мать, проводница поездов дальнего следования в данный момент и имеет «средствов» на содержание ребенка. Как только «средства» появятся, она, Глафира Петровна Разоренова заберет ее обратно. Ни возраста девочки и ее имени в записке указано не было.

С согласия Гонзалес Наталья взяла над девочкой шефство. Стала для нее матерью, няней, старшей сестрой, воспитательницей, подругой, всем на свете. Имя ей дали Надежда. Наталья научила эту, по выражению ЛорВаси, «Маугли, подмосковного разлива», всему, что знала и умела сама. Чистить зубы, умываться, застилать постель, есть ложкой и вилкой, а не руками. Когда пришло время, она же учила ее читать и писать.

Надя осторожно пересела на кровать, в ноги к подруге. Заботливо поправила одеяло и, оглянувшись на дверь, тяжело вздохнула.

— Что нового в «Журавлике»?

— Отстой! — раздраженно передернула плечами Надя. И поморщилась.

— Погоди! — нахмурилась Наталья. — Кто тебя отпустил? ЛорВася в курсе? Ты хоть кому-то сообщила, что поехала ко мне?

Надя не ответила, опять передернула плечами.

— Значит, так! — жестко сказала Наталья. — Сейчас посидим, поболтаем и все! Тут же едешь обратно, поняла?

— Поняла, поняла.

— И чтоб без фокусов! Я вечером позвоню и проверю. Дай слово, что сегодня же уедешь обратно.

— Даю, даю слово! Могу даже два.

Надя обиженно сжала губы в тонкую ниточку и уставилась поверх головы Натальи в окно. Хотя за ним ничего интересного не было. Сплошь зелень кустов.

— Ну, что у тебя стряслось? Выкладывай! — сказала Наталья.

— Ничего!

— Не слепая, вижу.

Надя долго молчала, вздыхала, поправляла на носу очки. Наталья терпеливо ждала.

— Знаешь, я впервые в жизни встретила своего мужчину. Ну, того самого. Единственного. За которого хотела бы выйти замуж, — грустно сказала Надя.

Зачем-то сняла очки и вытаращила на подругу свои огромные глазищи.

«Только этого не хватало!» — молнией пронеслось в голове Натальи. Она несколько секунд испытующе всматривалась в ее лицо. Без очков Надя выглядела как лягушонок, вытщенный из грязной лужи на асфальт.

«Пора ей глаза сделать!» — думала Наталья. «Кстати, и зубы тоже!».

— Где это ты его встретила, своего мужчину?

— Не иронизируй, пожалуйста! Все очень серьезно.

— Он кто?

— Художник. Кажется. Точно не знаю.

— Как зовут?

Надя только пожала плечами. И опять напялила на нос очки.

— Еще не успела выяснить? Сколько раз встречались?

Надя молча выставила перед своим лицом один единственный палец. Озабоченно посмотрела на него. И тут же начала обкусывать на нем ноготь.

— Сейчас получишь! — угрожающе рыкнула Наталья. — Сколько говорить, ногти кусают только дремучие дебилки! Ты должна стать воспитанной интеллигентной девушкой. Образцом для подражания!

— Не буду, не буду! — поморщившись, заявила Надя. И даже спрятала обе руки за спину. Чтоб не впасть в искушение.

— Где встретились? Как познакомились? Ну! Кто он такой? Клещами из тебя все вытаскивать? — разозлилась Наталья. — Дай мне попить!

Надя с готовностью вскочила в кровати, взяла с тумбочки кружку с уже явно остывшим чаем, протянула Наталье. Та чуть приподнялась, сделала пару глотков, благодарно кивнула и опять откинулась на подушку. Глубоко вздохнула.

— Зачем ты это сделала? — едва слышно, со страхом, спросила Надя.

— Сейчас мне ребенок ни к чему. Сначала тебя надо на ноги поставить. Ну! Ты мне зубы не заговаривай. Знаю я эти фокусы. Где познакомились?

— В гараже.
— В каком еще гараже?
— В его гараже. Я туда переночевать залезла. В машину. Утром он появился.
— Ну!
— Я ему бутылкой по голове... Полный отпад!
— Господи! — прошептала Наталья. — Тебя одну на секунду оставить нельзя!
— Отвали-и! Все не так, как ты думаешь...
— Чтоб я от тебя больше этого поганого слова не слышала! — прикрикнула на нее Наталья. Не удержалась и передразнила. — «Отвали-и! Отстой! Отпад!». Ты должна следить за своей речью. Выразаться красиво и образно.
— Подумаешь! Кругом еще и не так выражаются...
— Мы с тобой не все! — жестко сказала Наталья. — Мы с тобой должны много добиться в жизни. Что отомстить...
— Кому отомстить? — удивленно спросила Надя.
— Жизни! Мы должны состояться! — делая ударение на каждом слове, твердила Наталья. — Должны очень много добиться в жизни!
Фантастической энергией наградила природа эту невзрачную девушку. Впрочем, не только ее. Многие из выпускников «Журавлика» отличались незаурядной стойкостью, умением выжать максимум из любой жизненной ситуации. Когда судьба забросила Наталью во второй цех ученицей сверловщицы, она всего два дня плакала ночами в подушку на жесткой кровати в женском общежитии. Утром третьего дня вышла во двор и

на глазах у двух корпусов, населенных сплошь лимитчицами, в обтягивающих лосинах начала делать «станок». Опершись рукой о грязный железный забор, делала приседания, вскидывала выше головы ноги, изящно разводила руками в стороны. .

«Плие-е! Гранд плие-е! Батман! Гранд батман!» — звучал в ее ушах властный голос Ларисы Васильевны Гонзалес. И это было только начало.

Ржали жеребцами проходящие мимо забора молодые парни, спешащие на завод им. Войкова в первую смену. Бросали из окон презрительные завистливые взгляды соседки по общежитию. Наталья с каменным лицом работала как заведенная.

— Но пассаран! — беззвучно шептала она.

И так каждое утро. Даже в дождь и холод. Даже зимой, в снег и ветер. Кое-кто из соседок попытался ей подражать, вставали рядом у грязного железного забора. Но хватило их всех ненадолго. Через неделю-другую Наталья оставалась в одиночестве.

— Но пассаран! Но пассаран!

Потом душ в конце длинного темного коридора. И аскетичный завтрак. Одно яблоко, стакан кипятка с пакетиком чая «Липтон» и две плитки вафель.

— Ты размениваешь себя по пустякам, — материнским тоном продолжала она поучать Надю.

Достала из-под подушки платок и шумно высморкалась.

— Шляешься по чужим гаражам как бездомная бродяжка! Мой мужчина! Хочу за него замуж! Что ты делала в его гараже? Ну!

— Отвали-и! — раздраженно поморщилась Надя. Тут же спохватилась, начала оправдываться, как ей казалось, интеллигентным тоном. — Приехала к тебе. Тебя нет. В общагу не пускают. Поздно уже. В больницу тоже. Надо мне где-то переночевать.

— От тебя с ума сойти можно! А если б он тебя изнасиловал? Или убил! Знаешь, сколько сейчас по улицам маньяков разгуливает!

— Отвали, у нас сложились нормальные человеческие отношения. — отмахнулась Надя. И опять поправила на носу свои круглые очки.

Наталья только глубоко вздохнула. И отвернула голову к стене.

— Когда мы начнем? — затаив дыхание, и выдержав для приличия небольшую паузу, спросила Надя.

— Что? — не оборачиваясь, спросила Наталья. Хотя сама уже прекрасно поняла, что имеет в виду ее младшая подруга.

— Устраиваться на сцену... Петь! — выдавила из себя Надя.

— Ты еще недостаточно подготовлена.

Восемь лет назад Надя подхватила какую-то странную болезнь. Одна единственная из всего «Журавлика». Врачи местной больницы предложили госпитализацию, хотя никакого вразумительного диагноза поставить не смогли. С девочкой творилось что-то непонятное. Постоянно, как резиновый мячик прыгала температура. Вверх-вниз. Тридцать девять, тридцать пять. Напрочь отсутствовал аппетит, организм не принимал какой пищи. Вялость, апатия. Восемилетнюю Надю положили в

отдельный бокс и, на всякий случай, запретили любые посещения. Медицинский персонал пребывал в недоумении. Все анализы, какие только возможно было сделать, показывали одно. Девочка абсолютно здорова. Но температура каждый час продолжала прыгать, и Надя буквально таяла на глазах. Вызванный для консультации профессор из Москвы долго осматривал девочку, щупал, простукивал, прослушивал. Еще дольше читал ее медицинскую карту. Потом, глубоко вздохнув, заявил, что ни с чем подобным за всю свою сорокалетнюю практику не сталкивался. С чем и отбыл в столицу.

Правда, напоследок посоветовал делать переливание крови. Хуже не будет.

Хуже было уже некуда. Надя по несколько раз в день теряла сознание. К тому же у нее обнаружилась какая-то крайне редкая группа крови. Бросили клич, поголовно все из «Журавлика» выстроились на первом этаже больницы в очередь. Наверное, это была самая тихая в мире очередь. Подходящей оказалась группа крови только у одной, у Натальи Кочетковой. Эффектная восемнадцатилетняя Наталья находилась в положении «на выданье». Так именовали тех, кто по достижению совершеннолетия покидал детдом и выходил в большую взрослую жизнь. Наталья уже «била копытами», у нее было множество планов завоевания столицы. Один лучше другого.

Ее подопечная восьмилетняя Надя Соломатина была замкнутой девочкой. Прилежной, старательной, но крайне застенчивой. Ни в каких шефских концертах никогда не участвовала, совершенно не обладала никаки-

ми талантами. Не пела, не танцевала. Явно ей в младенчестве на одно ухо наступил медведь, на другое слоненок.

Короче, Наде Соломатиной перелили кровь Натальи.

И произошло необъяснимое, непонятное, непостижимое... Надя мгновенно выздоровела. Буквально уже на следующий день, порхала по коридору больницы и танцевала что-то из репертуара Большого театра.

Врачи маленькой районной больницы только улыбались и качали головами.

Дальше больше. Надя запела! Но как!!! Ее сильному, чистому, красивому голосу могла бы позавидовать любая профессиональная певица. И пела она абсолютно «взрослым» голосом. Что в ее восьмилетнем возрасте было просто невозможным. Любой родитель знает, в этом возрасте голосовые связки ребенка еще окончательно не сформированы. Тем не менее, факт оставался фактом.

Надя Соломатина пела как вполне законченная профессиональная певица.

Правда, одна тонкость. Вернее, странность и загадочность. Надя Соломатина могла петь только в том случае, если ей «помогала» Наталья. Если стояла за ее спиной, напрягалась и мысленно пела вместе с ней, если всеми фибрами души посылала ей невидимые импульсы. С того дня, когда они обе лежали в одной палате на соседних кроватях, и кровь одной медленно перетекала в ослабевший организм другой, между ними установилась необъяснимая «кровная» связь.

Именно на эту «тонкость», необъяснимость, загадочность в «Журавлике» тогда никто и внимания не обратил.

Тысячу раз оказался прав гениальный Николай Васильевич Гоголь, когда утверждал: «В природе существует множество явлений, необъяснимых даже для обширного ума!».

Наталья вскоре уехала в Москву, поступила на завод им. Войкова и получила койку в общежитии. Но каждую субботу приезжала в «Журавлик». Занималась с Надей вокалом и пластикой. Никто этому особенно не удивлялся. Они давно стали как бы родными сестрами. Напористая Наталья поставила перед собой вполне конкретную задачу. Сделать из Нади эстрадную звезду. Не меньше. Уж если желать чего-то всеми силами души, то сияющих вершин. На меньшее Наталья не была согласна.

— Ты еще недостаточно подготовлена.

— Больше не могу терпеть! — обреченным голосом заявила Надя. — Через год мне уже будет шестнадцать. Другие в моем возрасте...

— Осенью тебе будет только пятнадцать, — строго сказала Наталья. Она повернула голову от стены, поправила волосы.

— Не могу больше ждать. Век женщины очень короткий.

— Это ты мне говоришь? Ты мне!?

— Да, я тебе! — с вызовом ответила Надя.

«Все-таки, она абсолютный ребенок!» — думала Наталья.

— Знаешь, он совсем старый, — без перехода, и без всякой связи с предыдущим, заявила Надя. — Ему лет тридцать. Или даже больше.

— Для начала хотя бы узнай как его зовут! И вообще, кто он такой? Обязательно покажешь его мне. Поняла? Может, он давно женат.

— Для меня это не имеет значения. Он добрый. И очень несчастный.

— С чего это ты решила?

— Глаза. У него глаза, как у побитой собаки.

— Разберемся! — жестко пообещала Наталья. — Тебе рано думать о мужчинах.

— Конечно, сначала я хочу на сцену! Петь! — обиженным тоном заявила Надя. — Жить не могу без сцены! Если не возьмут, покончу жизнь самоубийством!

— Сначала надо сделать тебе новые глаза.

— Да-а... Глаза-а... — обиженно протянула Надя. — Надо. Конечно. Певица в очках — полный отстой. Кто на такую смотреть будет? А где взять денег? Новые глаза, небось, кучу баксов стоят.

— Небось! — кивнула Наталья. — Не плачь, баксов я поднакопила. У меня есть одна знакомая врачиха, сделает со скидкой.

— Где ты их заработала? — облизнув губы, спросила Надя.

— Тебе этого лучше не знать.

Надя неожиданно замерла, медленно сняла очки, посмотрела в окно, вздохнула.

— Что с тобой опять? — насторожилась Наталья.

— Кажется, я по-настоящему полюбила! — со слезами на глазах трагическим тоном изрекла Надя.

«Когда кажется, креститься надо!» — подумала Наталья.

Написать роман о самой загадочной египетской царице, несчастной и несравненной Нефертити, действительно, не кот начихал. Леониду эта мысль пришла внезапно. Выплыла откуда-то из подсознания, как далекое воспоминание, которое надо просто успеть быстро записать. Иначе улетучится, растворится в повседневных заботах.

Года три назад кто-то из друзей подарил ему в день рождения миниатюрный бюст. Точную гипсовую копию того, который хранится где-то в Европе. Тогда Леонид особого внимания на него не обратил. Поставил на полку и забыл. Только потом, когда разбегались с Валентиной рука почему-то сама, помимо желания, сняла крохотный бюст прелестной женщины с полки и засунула в чемодан. Переехав к матери на Светлый проезд, Чуприн первым делом поставил бюст на свой письменный стол. Чуть справа от пишущей машинки на деревянную подставку. Он и раньше работал в основном на квартире у матери. В тесной комнатухе у окна всегда хорошо работалось.

Как-то вечером, сидя над очередной рукописью, Леонид вдруг, (именно «вдруг», внезапно, как порыв ветра, даже мурашки по спине пробежали!), ощутил на себе взгляд загадочной царицы. От бюста Нефертити явно исходили невидимые токи. Она посылала ему

сквозь века флюиды, не почувствовать которые мог только бесчувственный чурбан, напрочь лишенный воображения и фантазии. В этом не было никакой мистики.

Предметы искусства излучают энергию, давно научно доказанный факт.

Леонид Чуприн бесчувственным чурбаном не был. Скорее, наоборот. Был тонкой и восприимчивой натурой. Он и сам не заметил, как отложил в сторону рукопись о своей поездке на русский Север, о Кижях, о Соловецком монастыре, и с каким-то судорожным упоением, начал страницу за страницей покрывать своим корявым почерком.

Так каждый вечер, почти все ночи напролет. Утром каждого следующего дня все написанное распечатывал на «Эрике». Тюкал одним пальцем, как вышеупомянутый дятел из гаражного городка.

Идея построить собственными руками древнеегипетское судно, пусть даже небольшого размера, тоже возникла как нечто совершенно естественное. Как продолжение романа, его дополнение, конкретное материальное воплощение. Судно виделось ему в тревожных снах. Он собственноручно начертил сначала подробный эскиз, потом конкретные чертежи всех узлов и деталей.

Руки у Чуприна росли откуда надо. Достаточно взглянуть на рукотворный гараж. Угнетала только необходимость где-то доставать материалы. Денег, естественно, кот наплакал. На литературные заработки не разгуляешься. Только-только на питание и скромную оде-

жду. Вынужденный аскетизм, одним словом. А тут... Доски, фанера, бруски, гвозди, краска, олифа, эпоксидная смола...

Одних шурупов, по самым скромным подсчетам, надо было около трех тысяч.

Эта цифра, именно три тысячи, очень давила на психику Леонида. Ведь как-то древние египтяне обходились без шурупов. Выходили из положения обычными гвоздями.

Распорядок дня у Чуприна сложился как-то сам собой. Подъем в семь утра, спартанский завтрак, овсяная каша из пакетика «Быстров», чашка растворимого кофе с непременною сигаретой и за стол.

С утра писалось вполне прилично. Почти ничто не отвлекает, не мешает. Потом легкий обед, суп из пакетика, пара сарделек с картошкой, стакан крепкого чая «Липтон», тоже из пакетика. И в гараж. Шурупы, доски, гвозди. Чуприн наметил себе вполне конкретную цель. Кровь из носа, к концу августа построить катер. И там, глядишь, и роман поспеет. Где-то после семи восьми он возвращался за стол. Практически никакого перерыва в работе не было. Не каждый может похвастаться подобным, всесторонним погружением в материал.

В тот день Надя появилась за спиной Чуприна внезапно. Будто из-под земли выросла. Он, почувствовав на себе чей-то взгляд, резко обернулся.

— Привет! Я купила тебе новый замок. Отпад! — засмеялась она.

Увидев Надю, Леонид отложил в сторону маленькую пилу, которой подравнивал края бортов, невольно улыбнулся. Но тут же согнал с лица улыбку. Строго, даже грозно нахмурился. Как и положено взрослому, умудренному опытом мужчине.

Надя продолжала смеяться. Весело и открыто.

— С забинтованной головой тебе было гораздо лучше.

— Считаешь?

— Уверена. Ты выглядел более мужественно. Как белый офицер после боя... из этого фильма. Как его?.. Ладно, наплевать!

Потом она вдруг резко перестала смеяться. Удивленно уставилась на остов будущего судна, будто только что увидела. А может так и было в самом деле.

— Это что-о? — понизив голос, спросила она.

— Катер.

— Ух-х ты! Су-упер!

С восторженным и потрясенным выражением лица Надя обошла вокруг «корабля». Осторожно потрогала его рукой.

— Как называется?

— Пока никак.

— А-а... ты еще не придумал ему имя. Понятно.

— Что тебе понятно?

— Все! — категорично заявила Надя. — Вот это... как называется?

— Шпангоут! — отрапортовал Леонид.

— Супе-ер! Шпангоут! — протяжно сказала Надя. — Все равно как... птеродактиль!

Она еще раз обошла вокруг остов будущего катера. Теперь уже наоборот, против часовой стрелки. Похлопала ладошкой по обшитым кое-где фанерой бортам, как похлопывают породистую лошадь.

— Я все про тебя поняла! — решительно заявила она.

— Да ну! — наигранно изумился Леонид. — Что именно?

— Почему ты строишь этот... пароход. Отпад!

— Отпад! — не удержавшись, поддержал ее Леонид. — Это не пароход, парусник. А если быть совсем точным, катер.

— В детстве кораблики в лужах любил пускать, да? — улыбнулась Надя.

— Ну... не без этого.

— Хочешь его удержать? Досками и гвоздями?

— Что... удержать? — недоуменно спросил Чуприн.

— Детство, — просто ответила Надя. И продолжила назидательным тоном. — Я слышала, когда корабль спускают на воду, об него разбивают бутылку шампанского. На счастье. Будь спокоен. Твой корабль классно поплывет. Не перевернется, не утонет...

— Откуда тебе-то знать? — усмехнулся Чуприн.

— Я ведь тебя... бутылкой по голове... стукнула. Считаю, первый камень мы уже заложили. Хорошая примета.

Леонид Чуприн только головой покачал.

— Кто твои родители?

— Папа дипломат, мама домашняя хозяйка... — глядя ему прямо в лицо честными и открытыми, слегка подслеповатыми глазами, заявила Надя.

Для любого детдомовца соврать, что стакан «Пепси» выпить. Это не совсем вранье. Чаще всего в этом нет ни малейшей корысти. Неистребимая детская жажда самоутвердиться. Быть хотя бы как все, не хуже многих.

— Они сейчас за границей, — бодро докладывала Надя. — В Южной Америке. В Кейптауне. Оба очень много работают. Мне почти не звонят. Только открытки присылают, — вздохнув, добавила она.

«Кейптаун, между прочим, в Африке!» — подумал Леонид. Но вслух спросил:

— А ты по чужим гаражам шастаешь. Ищешь себе на голову приключений?

— Кто не бомжует, не поймет.

Чуприн промолчал. Что ответишь на подобное заявление.

«Откуда она знает про бомжей? Она особь явно другого сословия».

Надя неожиданно пристально посмотрела ему в глаза. И строго сказала:

— Между прочим, ты похож на Олега Янковского. Полный отпад!

Леонид только поморщился и покачал головой.

— Вы меня все достали! — с раздражением ответил он. — Ну, похож, похож! Мы с ним даже не родственники. Что дальше? Не так уж я на него и похож.

— Очень даже похож! — настаивала Надя. — Я сразу о тебе подумала, когда портрет увидела.

— Чей?

— Портрет Поля Гийома. Модельяни.

— Чего, чего-о!? — удивленно вскинулся Чуприн. — Где это ты видела портрет Гийома? Да еще самого Модельяни.

— На выставке, — небрежно пожав плечами, ответила Надя, — Мы тут с подружкой на одну выставку зашли. Ничего-о... Посмотреть есть на что.

И тут же, торопливо проглатывая слова, увлеченно продолжила:

— Там это... Конечно, это не сам Модельяни. Это фотохудожница такая, Елена Венская, слышал, небось? Сделала выставку. В Доме художников. Так вот, она отловила самого Влада Сташевского, не знаю уж, как ей это удалось? загримировала и посадила в позу Поля Гийома. С картины Амедео Модельяни.

— Погоди, погоди! Ты мне совсем голову заморочила. Олег Янковский, Влад Сташевский, Елена Венская с картины Гийома! — пробормотал Чуприн.

И даже головой потряс, демонстрирую полнейшее непонимание.

— Кто кого загримировал? Модельяни твоего Влада Сташевского?

Надя весело засмеялась. Когда смеялась, она морщила нос и вокруг ее глаз появлялись мелкие морщинки.

— Ты ничего не понял! — начала она терпеливо втолковывать Леониду. — Фотохудожница такая Елена Венская...

— Сама Венская? — удивился Чуприн.

Елена Венская была самой популярной фотохудожницей в Москве. На ее ежегодных выставках собирался весь столичный бомонд.

— Представь себе!

— Представляю.

— Вот. Она сделала фотопортрет Влада Сташевского. У нее манера такая. Целый огромный проект запустила. Называется «Ассоциации» и «Реанкарнации». Там все известные личности в образах прошлых веков.

Надя с Натальей, действительно, вчера посетили выставку в Доме художников. На Крымском валу. Это была идея Натальи. Только выписалась из больницы, начала последовательно и целенаправленно приобщать подругу к культурным ценностям столицы. Музеи, выставки, театры.

Пора, мой друг, пора! Билетами их снабдила, (не «за так», разумеется! Слупила по двести рублей за штуку!), подруга Натальи. Врач, окулист.

Надя поначалу резко упиралась. Идти на выставку в таком виде!? Это уже совсем надо быть последней душой необразованной!

Наталья на корню пресекла сопротивление и возражения:

— Сейчас вся элита так ходит! Рваные джинсы и кофта с заплатками на рукавах. Последний всплеск моды. Раз ничего не понимаешь, молчи! Сама увидишь.

— Жаль стоптанных кроссовок от Адидаса у нас нет! — добавила Наталья.

Чего нет, того нет. Стоптанных кроссовок «от Адидаса» у подруг, действительно, не было. Пришлось пилить на выставку в чем есть.

Посетителей в Доме художников набралось немного. Уже не первый день. Все свои посмотрели. Две-три пары любознательных пенсионерок. Да трое каких-то мрачных длинноволосых патлатых типа.

Вообще-то, эта Венская явно обладала одним замечательным качеством. Когда щелкала камерой, из ее объектива на самом деле вылетала птичка.

— Твое место среди них! — жестко сказала Наталья, обводя вокруг рукой.

Надю очень насмешил Александр Розенбаум в образе Меньшикова по картине Сурикова «Меньшиков в Березове». И Жириновский в милицейской форме. За столом и с рюмкой в руке. То-ли новоявленный Аниськин, то-ли герой детективов Марининой.

Тут и там мелькали портреты знакомых по телеэкрану популярных личностей.

Надя поминутно хихикала и прыскала в кулачок.

— Отстой! Полный отстой! — шептала она.

— Прекрати! — шипела на нее Наталья. — Смотри на женские образы.

Надя посмотрела. И возмутилась до глубины души. Поскольку увидела в полный рост портрет Наташи Королевой. Певица была сфотографирована на берегу синего моря абсолютно голой. Если не считать тонкой ниточки лифчика из цветов ромашки и из тех же цветов

набедренной повязки. Портрет так и назывался — «Ромашка». Певица нагло и, якобы, застенчиво одновременно смотрела прямо на зрителя. И, закинув руки за голову, поправляла свои роскошные густые коричневые крашенные волосы. Кошмар какой-то!

О, времена! О, нравы!

— Чем ты ее хуже? — зашептала Наталья.

Надя поджала губы и неопределенно пожала плечами.

— Наша задача — за два года обскать эту дурынду! — забывшись, в полный голос заявила Наталья. Как бы подводя итог посещения выставки.

Надя удивленно вскинулась на подругу. Лично ей никогда не нравилась певица Королева. Она уже открыла было рот, чтоб высказать в присущей ей манере все, что она думает по поводу этой выставки, портретов вообще и певицы Королевой в частности. Но в это мгновение обе поймали на себе пристальный взгляд женщины с большими выразительными глазами. Она стояла в углу зала у столика с разложенными проспектами и слегка удивленно рассматривала подруг.

Она медленно подошла к ним. Спросила, спокойно и доброжелательно:

— У вас есть вопросы, девочки? Что-нибудь непонятно?

Не иначе от детдомовского зажима, который никакими кислотами из себя не вытравить, подруги растерялись. Стояли и молчали.

— Вас интересуют портреты эстрадных звезд? — допытывалась сама Елена Венская. Разумеется, это была она, собственной персоной.

— Если вы чьи-то фанатки и собираете коллекцию автографов...

— У нас более высокие цели! — высокомерно заявила Надя.

Елена Венская смотрела и молчала. Перед ней стояла такая рыжая, такая восторженная, такая застенчивая и неуверенная в себе и вместе с тем с такой фанатичной решимостью в глазах любым способом добиться своего, что у нее возникло неудержимое желание раздражить эту рыжую, довести ее до белого каления, что было проще простого, а потом дать коленкой под зад. Но она сдержалась.

Перед ее глазами невольно возникла ее дочь, которая после развода выбрала отца и проживала теперь в Испании.

— Твой отец — злобный эгоист! — кричала Венская, укладывая чемодан дочери. — Черствый и равнодушный! Кроме денег, его ничто в этом мире не интересует!

— Тоже самое он говорит о тебе! — небрежно бросила дочь.

— Отлично! Значит, у тебя прекрасный выбор! Впрочем, выбор ты уже сделала!

В тот вечер они толком не попрощались. Даже в Шереметьево Елене так и удалось сказать дочери самое главное. Что она любит ее больше всего на свете. И ради нее готова... Но дочь свой выбор уже сделала.

— У нас более высокие цели! — высокомерно заявила Надя.

«Господи-и! Как она похожа на мою Инку! Вот оно, племя незнакомое, младое...» — мелькало в голове у Елены Венской.

Наталья незаметно толкнула Надю локтем в бок. Но ту уже понесло. По долинам и по взгорьям. На лихом коне, в шашкой наголо.

— Скоро мой портрет тоже будет висеть. На самом видном месте.

— Вы в этом уверены? — удивилась Венская. Она смотрела на Надю во все глаза. Весело и с нескрываемым любопытством. Так смотрят на расшалившегося щенка, который яростно драконит хозяйский тапочек.

— Ни секунды не сомневаюсь! — ответила Надя.

Наталья еще раз незаметно пихнула Надю локтем в бок. И улыбнулась Венской.

— Спасибо, нам все очень понравилось.

Фотохудожница понимающе кивнула Наталье, но по-прежнему смотрела на Надю. Та продолжала скакать на лихом коне. От топота копыт, пыль по полю летит.

— Вы только своих фотографируете? — прищурившись, поинтересовалась она. — За большие деньги?

— За талант, — вежливо уточнила фотохудожница. — И яркую индивидуальность.

Некоторое время все трое молчали.

Пауза в общении явно затягивалась.

Наконец Елена Венская решила откланяться. Еще раз доброжелательно и понимающе улыбнулась подругам.

— Желаю вам больших творческих успехов! — сказала она. И добавила. — Буду рада встретиться еще раз. В новом качестве.

— Не сомневаюсь! — отрезала Надя.

Ей с самого начала активно не понравилась эта самая фотохудожница. Явно слишком много о себе понимает. Возомнила, небось, о себе Бог знает что.

— Ты чего на нее окрысилась? — прошипела Наталья, как только Венская отошла.

— А чего она... Тоже мне!

— Дура! Нам нужно налаживать контакты, знакомиться с влиятельными людьми. А ты на всех бросаешься, будто с цепи сорвалась. Лучше стой и молчи!

В гаражном городке Надя и Чуприн стояли напротив друг друга, молчали.

И оба улыбались. Наверняка в самом скором времени изобретут прибор, которым можно будет измерять взаимное притяжение. Если бы он был уже создан, измеряя взаимное притяжение этих двоих, все стрелки бы зашкалило.

Между электричками и товарными поездами наступил перерыв. Вокруг стояла удивительная тишина. Только настырный дятел на одинокой сосне на краю городка продолжал свою созидательную деятельность.

— Так что, Янковский? — встряхнувшись, спросил Леонид Чуприн. — Он что, тоже был на выставке?

— Янковский совершенно ни при чем. Просто ты на него похож. Очень. Такой же... герой-любовник.

— Кем ты хочешь стать, ребенок?

— Звездой! — протяжным и слегка удивленным тоном заявила Надя. Как нечто само собой разумеющееся. О чем должны знать буквально все. Поголовно.

— Звездой!? — нахмурился Леонид. — В смысле...

— Эстрадной певицей. Супер-стар! — пояснила она.

— Даже так?

— Что тебя удивляет?

— Но ведь певицы они...

Леонид неопределенно повертел в воздухе пальцами.

— Чувствую в себе гигантские силы и возможности.

Надя так прямо и брякнула, «гигантские силы!». Как-то это не слишком вязалось с ее обликом. Но Чуприн не засмеялся. Вовремя сдержался. И сильно закашлялся. Чтоб замаскировать улыбку.

— Ты чего? — подозрительно спросила Надя.

— Сам... не знаю! — просипел Леонид. — Похлопай по спине!

Рыжая Надя пару раз сильно хлопнула его между лопатками. Леонид перевел дыхание. Вытаращил глаза и шумно выдохнул.

— А как у тебя... слух, голос, с этим в порядке?

— Можешь не волноваться.

— С какого возраста берут на эстраду? — строго спросил Леонид. — Там, наверняка, паспорт предъявлять надо. У тебя с этим тоже в порядке?

— Ты не понял! — снисходительно сказала она. — Я стану не просто какой-то там звездочкой, звездой. Я стану звездицей, понял?

Чуприн понял. Во всяком случае, уважительно слегка склонил голову.

— Пугачева за мной косметичку носить будет, понял?

— А Кобзон бегать за пивом, — кивнул Чуприн.

Некоторое время оба испытующе смотрели друг другу в глаза. Потом одновременно громко засмеялись. Всегда приятно если люди обладают схожим чувством юмора.

Чуприн смеялся весело и беззаботно. Впервые за долгое время. Откинув голову назад и громко вздыхая. Надя смеялась, схватившись за бока, при этом показывала пальцем на Чуприна. Как бы говоря: «Поверил? Поверил, да?»

— Между прочим, я давно взрослая самостоятельная женщина. — отсмеявшись сказала будущая звезда эстрады.

— Да ну!

— Мне девятнадцать лет! — не моргнув глазом, соврала Надя. И даже не смутилась.

«Дай Бог, если семнадцать!» — подумал Леонид. «Хотя, кто ее знает!»

— Просто у меня такая конституция.

— Чего у тебя? — спросил Леонид.

— Конституция, — повторила Надя. — Женщины моего типа всегда выглядят гораздо моложе своего возраста. А я о тебе все разведала. У местных бабок. — мгновенно перевела она разговор на другие рельсы. — Ты, оказывается, писатель.

— Оказывается, — кивнул Леонид.

— И еще художник.

— Есть грех.

— Я одну твою книгу откопала в читальне.

— Лопатой?

— Между прочим, — обиженным тоном заявила Надя, — я ее прочла. От корки до корки. Хотя, не очень люблю современную литературу.

Она помолчала, ожидая реакции Леонида. Но никакой реакции не последовало. Леонид, молча, сверлил ее ироничным взглядом. Надя продолжила:

— «Солнечная сторона улицы» называется. Мне очень понравилось. И еще. У тебя была жена, но она тебя бросила.

— Все сказала?

— И еще у тебя есть дочь. Лет двенадцать.

— Зачем ты все это мне докладываешь?

— Я в тебя влюбилась. С первого взгляда.

Надя смотрела на него строго и требовательно. Даже нахмурившись, чтоб не подумал, что все это шуточки. Леонид и не подумал. Увидев прямо перед своим лицом строгие глаза Нади, он каким-то десятым чувством понял. Это серьезно. Это очень серьезно. Если чувства в этом возрасте вообще могут быть серьезными.

— О, Господи-и! — вырвалось у него. — Ты в своем уме, девочка?

— Ты — мужчина моей мечты! — не слыша его и нервно кусая губы, выпалила рыжая Надя. — Я сама не ожидала...

Вот так оно и бывает!

«Вот пуля пролетела и — ага! Ага!».

Только-только обретешь душевный покой и гармоничное отношение к миру, только с головой окунешься в работу, неожиданную, интересную, которой никогда ранее и не думал заниматься, как обязательно случится какая-нибудь сверхъестественная глупость, нелепость, которая разом поломаёт все твои тщательно продуманные планы и ты опять окажешься на развалинах дома, который только еще начал строить.

Жена, твоя половинка, твое ребро, твой тыл, твое «Все!», с которой ты надеялся пройти всю жизнь рука об руку и умереть в один день, вдруг объявит, что изменила тебе и не желает больше прозябать в нищете и унижении. И ты почувствуешь, что по тебе с грохотом и лязгом проехала электричка и умчалась, даже не остановившись, а ты остался лежать между еще теплыми рельсами с изуродованными руками и ногами, и никому и дела до тебя нет. Лежи между шпалами хоть до второго пришествия, никто и не почешется, не протянет руку, не спросит, что с тобой случилось? Как, почему, за что? Не нужна ли тебе помощь? И все такое.

Или возникнет перед тобой рыжее создание, точная копия древней египетской царицы Нефертити, вся в веснушках, как подсолнух на картинах Гогена, и не выпалит тебе прямо в лицо, со страхом, надеждой и еще черт знает чем в глазах, что, видите-ли, влюбилась и добавит фразу явно из какого-то сериала, что «ты — мужчина ее мечты!», и ты опять почувствуешь себя, как когда-то, погребенным под лавиной камнепада в Кавказских горах где-то на Клухорском перевале, кажется.

На тебя опять давит груда обязательств, страхов, запретов и всяческих табу.

И что со всем этим делать, совершенно неясно.

— Я хоть чуточку нравлюсь тебе?

«Сумасшедший дом!» — мелькало в голове Леонида. «Меня привлекут за совращение малолетних. И упекут в тюрьму!».

— Ты — мужчина моей мечты! — упрямо, уже со слезами в голосе твердила Надя. — Да, да! Тот самый. Которого каждая женщина ждет всю жизнь. Я хочу тебя любить. И быть любимой!

«По тундре-е... По железной дороге-е...» — уже уныло напевал про себя Чуприн.

— Ты... ты — сопля на ножках! — вдруг сорвался он на крик, когда Надя сделала небольшую паузу в своей пламенной речи.

— Ты видишь меня всего второй раз в жизни!

— Мне хватило и одного!

— Я не любитель малолеток, ясно!? Кислые, зеленые, яблоки не в моем вкусе.

Надя на секунду изменилась в лице. Побледнела. Потом по нему пробежала легкая усмешка. Но тоже только на секунду.

Она опять по-прежнему смотрела прямо в лицо Чуприна. Требовательно, настойчиво и каким-то вызовом. Леониду Чуприну. И всему человечеству. Не меньше.

— Ты от меня просто так не отделаешься. Мы все равно будем вместе.

— Может, попробуем быть просто друзьями? — безнадежно спросил он.

— Что-о?!

— Шутка. Кергуду.

— Дружба между мужчиной и женщиной — полный маразм! — выпалила Надя.

«Наверняка Нефертити была такой же... упертой?» — почему-то подумалось Чуприну. Каждое утро он просыпался с мыслью о ней. И засыпал тоже, думая только о ней.

Из чистого суеверия никому из приятелей он не рассказывал о своем новом романе. Только в самых общих чертах.

— Пишу роман. Исторический. И не дави на меня. Терпеть этого не могу.

Боялся сглазить. Еще больше боялся чьей либо насмешки, циничного замечания или, не дай Бог, чьего либо наглого совета, на которые не скупятся завсегда-таи нижнего буфета Дома литераторов. Кстати, верхнего буфета тоже. О ресторане и говорить нечего. Само собой. Чуприн очень боялся спугнуть зыбкое, еще неясное ощущение, направление, в котором следовало двигаться. Медленно, осторожно, как по зыбучим пескам пустыни. Экономя силы и веря, что оазис со спасительной тенью деревьев и колодец с живительной прохладной водой, все-таки, где-то впереди.

Каждый вечер и каждую ночь, вернее, полночи, как минимум, он продвигался вперед и вперед... И шорох зыбучих песков пустыни шуршал у него в ушах...

...Каждым жарким утром, предвещающим еще более жаркий день, в бесконечно голубом и высоком небе, над Фивами неподвижно висит одинокий, черный коршун. Широко раскинув свои мощные крылья, он зорко осматривает город. От его хищного взгляда не ускользает ничто. Ни хижины, ни убогие проулки позади торговых рядов, ни навесы над лавочками торговцев, ни одинокие прохожие.

С высоты его парения десять помпезных храмов в центре города не кажутся такими уж монументальными и внушительными. Да они и не интересуют его. Черного коршуна интересует только то, что движется. Мелкие грызуны, которых в изобилии в любом углу Фив, да серые воробьи, обитающие в садах и многочисленных парках.

В эти ранние утренние часы пара воробьев, старожил Фив, затаиваются под мостками сточной канавы, позади торговых рядов и застывают там в неподвижности до тех пор, пока жара не усилится и черный коршун, вяло взмахнув крыльями, не улетит в направлении синего леса.

Тогда пара представителей самого древнего рода пернатых, выберется из-под мостков и, с опаской поглядывая на небо, будет купаться в сточной канаве, приводить в порядок невзрачное оперение и готовиться с толком прожить еще один день в большом городе.

Неф никогда никого ни о чем не просила. Поэтому Крикла очень удивилась, когда однажды Неф попросила у нее четыре бирюзовые бусины. Даже высоко-высоко подняла свои красивые брови.

— Зачем тебе бусинки? Да еще целых четыре! Хочешь обменять у торговцев на сладости?

Неф отрицательно помотала головой.

— Хочешь сама сделать украшение?

Неф презрительно скривила губы. Она не любила украшения.

— А-а... — догадалась Крикла. — Решила откладывать бусинки. Накопить себе приданое, верно?

Неф неопределенно пожала плечами, вздохнула.

— Значит, ты собралась замуж? За кого?

Неф немного помедлила. Потом обхватила ее шею руками, подтянулась к самому уху и что-то едва слышно прошептала.

Услышав тайное признание, Крикла широко открыла рот и набрала в легкие воздух, видимо, уже хотела громко расхохотаться. Но, увидев строгие глаза Неф, почему-то передумала. Она достала из мешочка бусинки и положила в ладонку Неф.

Крикла была добрая женщина, но наивная. Бусинки нужны были вовсе не для приданого. Неф решила посетить Главный храм Верховных жрецов, что возвышался над всеми Фивами.

За обедом Крикла рассказывала мужу новости. Оливки у торговцев опять подорожали, виноград опять не уродился, служанки обленились, рабы распустились, им бы только служанок за коленки хватать...

— ...вот такая... Таратумбия!

Эйе слушал внимательно, кивал головой.

Поедал фрукты и незаметно стрелял косточками в служанок.

В самом конце обеда Крикла сказала:

— А соседский хряк подкоп под нашу ограду делает. Ты скажи этому своему Пареннеферу, если его хряк не перестанет делать подкоп, не знаю, что я тогда сделаю. Все нервы вымотал.

— Надо ему один глаз подбить. — невозмутимо ответил Эйе.

— Кому, Пареннеферу? — не поняла Крикла.

— Соседскому хряку. Подбить правый глаз. Можно левый. Тогда он пойдет, вот так... пойдет...

Эйе взял в руки большой кабачок и начал на столе показывать, как пойдет хряк. Служанки по очереди прыскали в кулачки.

— ...пойдет... и упрется в свой собственный свинарник. Пусть его и подкапывает. — с серьезным видом, заключил Эйе.

— Тебе все шуточки. — отозвалась Крикла. — А дело серьезное.

Эйе понимающе кивнул головой. Тогда Крикла глубоко вздохнула и, усмехнувшись, сказала:

— Есть и хорошая новость. Для тебя.

— Какая это?

— Наша Неф собралась замуж.

В глазах Эйе заиграли веселые огоньки. Он прищурился.

— Новость, действительно, хорошая. За кого, если не секрет?

— Угадай с трех раз. — хохотнула Крикла.

Эйе, смеясь, отрицательно замотал головой.

— Женская душа... лабиринт. В него лучше носа не совать.

— За тебя, наш защитник!

Эйе высоко поднял брови. Потом нахмурился. Потом начал корчить разные забавные рожи. То выражающие восторг, то глуповатое умиление, то безграничное удивление... Крикла в таких случаях всегда очень громко смеялась.

Эйе это умел. Корчить самые разнообразные рожи. Мог любому человеку поднять настроение. Вообще, он был веселым человеком. Его и так любили все, кто близко знал, а за это исключительное умение корчить рожи, просто обожали.

— Есть одно обстоятельство! — вдруг сурово и даже грозно сказал Эйе. — Я женат!!!

И так глубоко вздохнул, что Крикла опять громко расхохоталась.

— Все в Египте знают... — продолжил Эйе. — Я самый ярый противник многоженства.

— Отстаешь от жизни, дорогой мой! — смеялась Крикла. — В нашем прогрессивном государстве любой важный сановник имеет несколько жен. А ты...

— У меня одна. — пожимал плечами Эйе.

— У всех остальных по несколько жен! — настаивала Крикла.

— Их пожалеть надо. — спокойно говорил Эйе. — Им всем не очень-то повезло. Вот они и ищут. А я уже нашел.

Эйе и Крикла смотрели друг друга в глаза и смеялись. Служанки, убиравшие со стола, многозначительно переглядывались.

Летом после полудня в Фивах малоллюдно. Редкий смельчак рискнет выйти под палящее солнце без крайней надобности. Если и выйдет, будет держаться теневой стороны переулков. А широкие улицы перебегают вприпрыжку. Раскаленная, каменистая земля обжигает даже сквозь толстые подошвы сандалий.

В зыбучем мареве расплываются и колышутся очертания всех общественных зданий и сооружений. Даже храмы на возвышенности в центре Фив, обычно четко видные с окраины, лишь едва угадываются.

Улицы пусты. Жара и сонная одурь. Одним только продавцам воды эфиопам все нипочем. Толкают себе тележки с кувшинами вдоль улиц и орут во все горло:

— Вода-а! Кому-у холодный вода-а!

Но к ним никто не подходит. Дураков нет. В такое пекло лучше вообще не пить и поменьше двигаться. А еще лучше вообще не выходить из дома. Все дела отложить до вечера.

Пара проворных воробьев, старожиллов Фив, держась на некотором расстоянии, обычно сопровождают маленькую девочку, когда она тайком покидает поместье.

Вообще, в поместье Эйе воробьи залетают довольно часто. Как-никак у конюшен всегда найдется, чем поживиться. Да и возле беседки у старого пруда можно застать маленькую девочку. Она — очень щедрое суще-

ство, при каждой встрече чем-нибудь угощает. От нее не исходит никакой опасности, воробьи это чувствуют. Тот, который чуть поменьше, (вернее, это Она!), иной раз, преодолев страх, даже садиться ей на ладонь и быстро-быстро клюет мелкие зерна. Когда девочка тайком направляется в город, воробьи следуют за ней. Любопытство в крови у этих пернатых.

Неф пробиралась переулками к Главному храму. Избавиться от служанок ничего не стоило. Заявила, что идет на кухню к нубийской принцессе Крикле. Естественно, служанки не жаждали лишней раз встретаться с Криклой, не стали сопровождать ее.

Неф перелезла через низкую глиняную стену, перепрыгнула через канаву и пересекла маленькую лужайку, всю заросшую огромными лопухами. Дальше начинались Фивы...

Главный храм Верховных жрецов подавлял своими размерами. Чем ближе к нему подходишь, тем грандиознее и монументальнее он становится. Каждый, кто ставил ногу на его ступени перед центральным входом, испытывал страх. Бесконечные ряды расписных колонн с жертвенниками между ними, невольно внушали мысль о бесконечности власти жрецов.

Но Неф вовсе не нужен был центральный вход. Ее интересовал архив, хранилище папирусов. Она свернула за угол, прошлепала между колоннами, обходя их, то справа, то слева, (для разнообразия!), и оказалась сзади храма, перед другим входом. Он был совсем маленький, даже незаметный, но перед ним стояли охранники.

Неф бесшумно подошла к самому входу и из-за колонны кинула на каменные плиты одну за другой пару бусинок. Охранники, отбросив в сторону копья, бросились на каменные плиты, искали бусинки, нашли.

Потом долго-долго пялились на небо, бормоча что-то о щедрости богов. Неф спокойно вошла внутрь, спустилась по каменной лестнице вниз и очутилась в хранилище. Другую пару бусинок она приберегла для выхода.

...Читать Неф еще год назад научила Крикла. Она медленно водила ее пальчиком по иероглифам и повторяла много раз, что каждый из них означает.

Неф оказалась способной ученицей. Все хватала на лету. За год она освоила то, что другим не освоить и за пять лет.

Глядя на остальных своих детей, приемных и родных, Крикла только глубоко вздыхала...

После беспощадного, яркого солнца и отупляющей жары снаружи, здесь, внизу, было прохладно и уютно. Но темно. Неф некоторое время стояла неподвижно, ждала, пока глаза привыкнут.

Оказавшись среди бесконечных рядов глиняных сосудов с папирусами, она поначалу растерялась. Потом сообразила, большинство сосудов были покрыты толстым слоем пыли. К ним давно никто не прикасался. Только в самом конце зала, на полках стояли чистенькие, новенькие круглые футляры. Папирусы в них засушили явно совсем недавно.

Неф вовсе не интересовали древние времена. Ей важно было узнать, что произошло вчера... Вернее, что происходило в Фивах за последние несколько лет...

После нескольких посещений хранилища Неф поняла, почему у нее возникало ощущение, что она — не такая, как все. Из всего прочитанного было ясно, единственной законной наследницей трона фараонов является она. Девочка по имени Неф.

Наследнице трона фараонов было шесть с половиной лет.

— Я запрещаю!!!

Неф никогда еще не видела Эйе таким взволнованным. Он даже вспотел. Метался взад-вперед по маленькой беседке, сверкал на Неф глазами и обеими руками лохматил волосы на голове. Вернее, пытался лохматить. Они у него были настолько густые, что взлохматить их по-настоящему было невозможно.

Пара любопытных воробьев, обычно сидевших в самой беседке под крышей на незаметном выступе и уже давно наблюдавших за развитием отношений Неф и Эйе, в этот раз благоразумно расположились на соседнем кусте. Чуть в отдалении. Все видно, все слышно. И безопасно.

Неф, конечно, не утерпела и на первом же тайном свидании доложила Эйе обо всем. О своих посещениях Главного храма и о потрясшем ее воображение открытии — почему она не такая как все.

— Ты меня слышишь!? — понизив голос, говорил Эйе. — Запрещаю ходить туда одной!

Неф подняла на него свои грустные глаза.

«Я люблю...тебя!» — неожиданно для себя самой чуть не сказала она вслух. Но вместо этого тихо прошептала:

— Ты не можешь мне запретить...

Эйе опешил. Остановился, как вкопанный посреди беседки. И долго, нахмурившись, всматривался в глаза Неф.

— Тогда... дай слово, больше не пойдешь туда одна!

— Даю слово. — с готовностью, кивнула Неф.

Честно говоря, она уже пожалела, что все рассказала Эйе. Вот уж не думала, что он будет так переживать. Думала, будет наоборот.

Эйе удивиться, обрадуется и поздравит ее с такой возможностью, стать царицей всего Египта. Но он только нервничал.

— Я приставлю к тебе охрану...

Эйе, наконец, перестал метаться взад-вперед по беседке и плюхнулся на скамейку напротив Неф.

Долгое время оба молчали. Неф вздохнула. Сегодня о том, чтобы сесть к нему на колени и мечтать было нечего.

Ночью прошел сильный ливень, но к обеду все дорожки и кусты в саду подсохли. Изредка, со стороны Нила налетал, едва уловимый, свежий ветер. Во всем поместье стояла удивительная тишина. Даже со стороны кузнецы не доносилось никаких стуков.

— Разве Боги не такие, как мы? — неожиданно спросила Неф.

Эйе резко повернулся к ней. Вообще, в последнее время он стал какой-то нервный, дерганый.

— А ты... как думаешь? — медленно произнес он.

— Такие же. Только лучше.

Неф помолчала, почесала коленку и продолжила:

— Я, например, не хочу никого убивать, мучить...

Если Боги лучше нас, они тоже не хотят убивать.

— Ве-ерно-о! — усмехнулся Эйе.

— Тогда зачем убивать врагов? Зачем вообще воевать? Зачем приносить в жертву рабов и животных? Они все хотят жить.

Эйе вытер со лба пот и оглянулся по сторонам. Двое его охранников в этот раз стояли у самых дальних ворот.

— Кто тебя этому научил? — шепотом спросил он.

— Ты! Кто еще. — искренне удивилась Неф.

Эйе долго смотрел в ее зеленые глаза и покачивал головой. Он не помнил, чтоб говорил что-либо подобное.

Самое поразительное, она высказала вслух то, что ему самому не давало покоя. И довольно давно. Эйе был воином. Как все настоящие воины, терпеть не мог кровь, страдания, насилие...

В тот вечер они впервые мало говорили. Но у обоих возникло странное ощущение, будто их диалог не прерывался ни на минуту.

Пара любопытных воробьев, так и не дождавшись ничего интересного, легко вспорхнули с куста и полетели в сторону конюшен.

Уже уходя, Эйе вдруг задержался на миг, повернулся к Неф и, помотав головой, сказал:

— Я хотел... чтоб ты не знала этого... как можно дольше!

Еще раз помотал головой и стремительно вышел из беседки.

Неф поначалу и сама испугалась, когда на нее свалилась эта, ошеломляющая новость. Но постепенно, постепенно как-то свыклась с ней. И даже начала строить планы.

Она и не думала ограничивать свою свободу. Вот еще! Но Эйе сдержал слово. Теперь за ней неотступно следовали два эфиопа. Оба с серповидными мечами, как у самого Эйе, только меньшего размера.

Неф более внимательно вчитывалась в папирусы, более внимательно всматривалась в скульптуры богинь и цариц.

И пришла к выводу. Дальше так жить нельзя. Надо измениться!

Скульптор Тутмес был мрачным человеком. Неразговорчивым. Левый глаз его крупного лица был всегда слегка прищурен. То ли, постоянно оценивал окружающее с точки зрения скульптора, то ли, просто в детстве мраморная крошка в глаз попала, никто не знал. Вытянуть из него хоть одно слово удавалось немногим.

В глазах всех женщин Фив, Тутмес был загадочной фигурой. Загадочной и романтической. В молодости он пережил очень бурную романтическую любовь к одной молоденькой особе знатного рода. (Имени ее для исто-

рии не сохранилось!). Воспылав друг к другу страстью, молодые люди хотели тайком бежать из Фив, покинуть страну, быть навеки вместе, умереть в один день. И все такое.

Но что-то у них не заладилось. То ли, родители пронюхали раньше времени. То ли, денег на дорогу не оказалось в достаточном количестве. Словом, бегство сорвалось.

Хотя, некоторые утверждали, бегство все-таки состоялось. Лихую парочку успели перехватить в порту при посадке на корабль. Взяли под белые руки и отправили обратно по домам.

— Мы все равно будем вместе! — кричала худенькая девочка знатного происхождения, когда слуги под руки волокли их в разные стороны.

— Даже смерть не разлучит нас!!! — кричал сам Тутмес. Справедливости ради, надо уточнить, ему тогда не было еще и шестнадцати.

Поговаривали, кто-то из них двоих потом пытался покончить жизнь самоубийством. То ли, скульптор, то ли его возлюбленная, никто точно не помнил, но что-то такое безусловно было. Это обстоятельство придало фигуре Тутмеса, в глазах всего женского населения Фив, особую загадочность и привлекательность.

Через пару лет его избранница, худенькая девочка знатного происхождения, благополучно вышла замуж за состоятельного сановника. Сразу же раздобрела, родила нескольких детей и превратилась в пышную, склочную, истеричную матрону. Любимым его занятием стало, хлестать по щекам рабынь и служанок за малей-

шую провинность. Она испытывала прямо-таки наслаждение, унижая и доводя до слез очередную, чаще всего смазливую девчонку.

Тутмес так никогда и не женился. Женская часть населения Фив дружно фантазировала, он хранит верность той самой худенькой девочке, с которой когда-то пытался бежать из страны, жить счастливо, умереть в один день. И все такое.

Но каждым ранним утром у задней двери его мастерской можно было увидеть пару каких-нибудь женских сандалий. Хотя все Фивы знали, он избегает женщин. И даже не имеет молоденьких рабынь.

Вся его мастерская была завалена торсами богов, скульптурами натурщиц в разных позах. По стенам на стеллажах, как на параде, стояли головы всех фараонов и военачальников Египта. Тутмес мог по памяти вырубить любого из песчаника. Или даже из мрамора.

Неф очень волновалась, когда переступила порог его мастерской. Тутмес удивленно поднял густые брови, но промолчал. Продолжал обтачивать серый песчаник, стоявший перед ним на верстаке.

Неф побродила по мастерской, осмотрелась. Особенно внимательно рассматривала женские бюсты. Потом, набравшись смелости, решительно повернулась к Тутмесу.

— Ты знаешь...кто я? — звонко спросила она дрожащим голосом.

Вся ее фигурка, особенно сверкающие глаза и раздувающиеся ноздри, выражали отчаянную решимость.

Тутмес сдержанно, с уважением, кивнул головой.

Неф еще некоторое время побродила по мастерской. Явно что-то выискивала. Потом спросила:

— Где обычно сидят твои натурщицы?

— Во-он... на том помосте...

Тутмес кивнул на центр мастерской, продолжая исподлобья наблюдать за Неф.

Неф подставила к помосту скамеечку, поднялась на него и уселась в кресло. Выпрямила спину, гордо вскинула голову.

— Ты ведь...много видел красивых женщин?

— Приходилось... — едва заметно усмехнулся Тутмес.

— Помнишь их всех?

— До единой. Красота не забывается.

— Выбери самую красивую из всех!

— Зачем тебе это, Неф? — изумился Тутмес.

— Надо! — довольно жестко ответила Неф. Впервые в ее голосе появились эти, непривычные ей самой, властные нотки.

Она помедлила и добавила, тем же властным тоном:

— Нужно, чтоб ты сделал мой бюст!

— Всего-то! — облегченно выдохнул Тутмес. — Я уж испугался.

— Ты должен выбрать самую красивую женщину, из тех, что помнишь. И соединить с моими дурацкими чертами.

— У тебя очень...своеобразное лицо... — начал было Тутмес.

Но Неф опять довольно жестким тоном прервала его.

— Я знаю! — отрезала она. — Я знаю все.

Тутмес, пораженный ее жесткостью, удивленно, как бы заново, рассматривал ее маленькую фигурку.

— Я должна стать красивой! — произнесла Неф. Потом, помолчав, добавила. — Я должна стать самой красивой... Ты понял?

Тутмес долго всматривался в лицо девочки, сидящей на помосте в неестественной, напряженной позе.

— В камне возможно сделать все...

Он отложил инструменты, вытер руки о передник, обошел помост вокруг, внимательно рассматривая Неф. Наконец спросил:

— Какого размера нужен бюст?

— Во-от... такой!

Неф приподняла руку над своей коленкой.

— Ты должна будешь позировать несколько дней подряд. Это довольно трудно, сидеть неподвижно. Многие натурщицы...

— Я готова! — ответила Неф.

Неф действительно была готова. И не только к таким пустякам, как сидеть неподвижно в течение нескольких часов.

Наследнице трона фараонов было уже девять с половиной лет...

Какими должны быть зубы у эстрадной звезды? Имеется в виду, улыбка. Нет вопроса. Ослепительной. Чтоб бросалась в глаза и запоминалась на всю оставшуюся жизнь. Чтоб от уха до уха. При наличии соответствующего чувственного рта, разумеется. И ровного ряда ослепительных белых кораллов. Чтоб все тридцать два — как один. Можно даже больше. Тридцать четыре или тридцать шесть. Ходят упорные слухи, у звезд Голливуда на сегодняшний день это самый всхлип. Полный рот, тридцать шесть штук, искусственных белых зубов. Можно и еще больше. Чем больше, тем лучше. Впрочем, Америка, как известно, нам не указ. Сами с усами. Нам и тридцати двух за глаза хватит. Лишь бы были здоровенькими. И желательно ровными.

Если откровенно, Наде ни одна из современных эстрадных певиц категорически не нравилась. Ни одной не хотелось подражать, быть даже внешне похожей и все такое. И дело было, конечно, не только в зубах. Например, Валерий Леонтьев почему-то волновал. Хотя зубы у него явно оставляют желать лучшего. В его слегка отстраненной манере исполнения Наде чудились отзвуки средневековых турниров, образы рыцарей на лошадях с головы до ног в железных доспехах, загадочные замы под вуалями в длинных до пят платьях. Прекрасный загадочный далекий мир благородных мужчин и верных отважных преданных женщин. И зубы тут абсолютно ни при чем.

У девушки Нади из-под Волоколамска у самой с зубами была «напряженка». А без хороших зубов вылезать на сцену, все равно что пытаться взлететь с одним

крылом. Это вам любой вахтер растолкует как бином Ньютона.

Самый востребованный в артистической среде стоматолог Ефим Жигора пребывал в мрачном расположении духа. Об этом никто даже не догадывался. Ни медсестры, которых в его маленьком кабинете кучковалось сразу три, (поскольку Ефим был многостаночником и обслуживал сходу двоих-троих), ни многочисленные посетители, терпеливо ожидавшие своей очереди в тесном коридоре невзрачной районной поликлиники. Внешне в жизни Жигоры все обстояло более чем. Коллеги люто завидовали. В самом деле, иномарка «Ауди» предпоследнего года выпуска, прекрасная квартира на Цветном бульваре, загородный дом в Подлипках, жена, двое детей, счета в двух банках, скромная молоденькая любовница. Живи, да радуйся. Но именно ее-то, этой самой радости жизни и не было. Улетучилось куда-то радость от собственной удачливости, от самодостаточности, как любят выражаться на телевидении.

Нет, Ефим Жигора вида не подавал, что на душе у него сгребется целая стая озверевших дворовых кошек. Не расслаблялся. Надо было соответствовать имиджу. И Жигора старался, изо всей мочи соответствовал. Ведь он был даже внешне похож на певца Джо Кокера. Вот и старался. Во всю демонстрировал окружающим свою фантастическую энергию и жизнелюбие. Посещал самые модные тусовки, благо приглашений было хоть отбавляй, театральные премьеры и просто любые худо-

жественные акции. Был всегда в курсе всех новостей, событий и сплетен.

— Великий и ужасный Жигора! — умилялись женщины. поголовно.

— Ефим — это праздник, который всегда! — ухмылялись мужчины.

Одни лечили у него детей и лечились сами, другие просто знали как обязательного участника юбилеев и бесконечных презентаций. Ни одно мало-мальски значимое событие в Москве не обходилось без Ефима Жигоры. Пригласить популярного стоматолога к себе на день рождения в загородный дом считали за честь даже иные помощники депутатов государственной Думы.

Жигора знал всех. Все знали Жигору. Но счастья не было.

Так было до того момента, когда дверь в его кабинет не распахнулась и на пороге не появились две девушки. Одна так себе, ничего особенного. Лицо, вроде, знакомое, где-то видел. Кажется, одна из бывших пациенток подмосковного разлива. Вторая совсем девочка, почти ребенок. Вся рыжая, в веснушках. Как подсолнух.

— Здравствуйте, великий и ужасный Жигора! Мы к вам с поклоном! — сказала та, что была постарше. — Выручайте, дорогой вы наш! Золотых рук мастер!

— Скорее золотых зубов! — пробормотал Жигора, не отрывая глаз от рыжей девчонки. Было в ней что-то эдакое, диковатое и завораживающее.

Само собой на любого неподготовленного мужчину Надя производила эдакое... стрессовое впечатление. Она, как бы, аккумулировала в себе все тайные мечта-

ния, сны и фантазии замордованного ритмами мегаполиса среднестатистического москвича. Ее огромные глазищи так и манили в дали светлые. Казалось, в них можно без труда прочесть призыв. Все еще возможно, все достижимо, ты еще ого-го!, еще не вся черемуха в окошко брошена. И все такое, в том же духе.

— Здравствуйте! — поздоровалась девчонка, держа руки за спиной.

— Красавицы мои! Какие люди! Одни, без охраны! — встряхнувшись, обаятельно улыбаясь, мгновенно среагировал Жигора. Хотя так и не вспомнил, кто такая и откуда старшая из них. Если бы взглянул в рот, тут же бы вспомнил. Большинство пациентов он помнил исключительно по полости рта. Кстати, «красавицами» Ефим щедро награждал всех посетительниц без разбора. Никакой дискриминации. Вне зависимости от возраста, живого веса и положения в обществе. За что его и обожали эти самые представительницы прекрасной половины человечества.

— Красавицы мои! — пел Жигора, поднимаясь из-за стола, хотя смотрел при этом только на младшую. Пристально и оценивающе.

«Бесаме-е, бесаме-е мучо-о-о!» — загудело у него в голове. Что неудивительно. Ведь слова этой некогда популярной во всем мире песенки написала такая же четырнадцатилетняя особа. Только жившая в другое время, на другом континенте.

— Здравствуйте! — строго повторила младшая.

В это мгновение Жигоре захотелось схватить эту рыжую девчонку за руку, выбежать из тесного кабинета

и... побежать с ней по пустынному песчаному пляжу, чтоб упругий речной воздух бил им в лица, свистел в ушах и лохматил им волосы. А она чтоб смеялась. Беспричинно, беззаботно, весело! Просто так! От молодости и здоровья. Чтоб они бежали, бежали, заглядывая друг другу в глаза и все громче смеялись.

«Я готов целовать пе-есок! По которому ты ходила-а!».

Они мчались бы и только ветер гудел бы в ушах. Только гулко стучали бы пятки по плотному, как городской асфальт песку туда, где река делает плавный поворот и под кронами раскидистых деревьев уже дожидается сооруженный его умелыми руками шалаш. А перед ним на затухающем костре в котелке бурлит ошеломительного вкуса уха.

«Милая моя! Солнышко лесное!».

Они будут по очереди зачерпывать ложками прямо из котелка уху и осторожно, ощущая зубами непривычную твердь деревянных ложек, жадно глотать, как первобытные люди куски белой рыбы. Их зубы будет ломить... Зубы, зубы!

Жигора встряхнулся. И незаметно провел языком по своим собственным зубам. Как и многие стоматологи, Ефим наплевательски относился к своим персональным зубам. Все откладывал визит к своему другу, с которым когда-то вместе грызли буквари в первом медицинском. Сапожник, как известно, всегда без сапог. А ни у одного приличного писателя никогда не найдется в кармане и завалящего карандаша. Не говоря уж о шариковых или перьевых ручках. Се ля ви!

— Жигора! Миленький! Выручай! — донесся до его ушей голос той, что постарше.

Она решительно подталкивала вперед рыжую девчонку.

— Так, красавица! Прошу на трон!

Жигора широким жестом, вежливо и уважительно, пригласил Надю в кресло. Начал перекладывать на стеклянном столике свои никелированные предметы из арсенала средневековой инквизиции.

Надя, тяжело вздохнув, уселась в полу-кресло полу-кровать. Она с детства панически боялась стоматологов и мышей. Стоматологов больше.

Две безмолвные помощницы, (за все время пребывания Нади и Натальи в кабинете они не произнесли ни звука!), моментально укутали Надю какой-то шелковистой тканью зеленого цвета и подвязали под подбородок слюнявчик, как грудному младенцу.

— Откроем ротик, красавица! — журчал над ней Жигора. Как сытый кот.

— Так, так, так... Все ясно. Что будем делать? — не оборачиваясь через плечо спросил он Наталью, сидевшую на стуле возле двери.

— Голливудскую улыбку! — ответила Наталья.

— Легко! — кивнул Жигора. И улыбнулся Наде.

Лучше бы он этого не делал. Не улыбался. У него самого зубы были сплошь кривыми и желтыми, как клыки у моржа. Лучшей антирекламы не придумаешь.

Надя набрала в легкие побольше воздуха и зажмурила глаза. Будь что будет. Раз надо, придется потерпеть.

— Поставим пару коронок, — журчал Жигора, — Сделаем три пломбы. Тут и вот тут. Может быть, придется месяц другой поносить пружину.

Надя молчала. Терпела и молчала. С открытым ртом не много возразишь.

— Ничего сверхсложного! — весело заключил Жигора. — Все в наших руках.

— Все? — враждебно спросила Надя.

И сплюнула в специальную плевательницу.

— Песенка такая есть, слышала? «Все в твоих руках! И даже я!». На сегодня все.

Надя моментально вскочила с кресла и отошла от него подальше. К окну.

— Надя! Выйди, подожди меня в коридоре, — строго сказала старшая.

Надя презрительно фыркнула, бросила яростный взгляд на подругу и медленно вышла из кабинета.

Она терпеть не могла когда ей указывают. Выйди, подожди, помолчи и все такое. Но приходилось терпеть.

— погоди, Наташенька! — раздраженно шептала Надя, спускаясь по лестнице.

— Скоро все это кончится. Мне осталось потерпеть совсем немного. После первого же успеха на сцене у нас состоится серьезный разговор. Очень серьезный. Мы расставим все по своим местам. Раз и навсегда.

Надя спустилась по обшарпанной лестнице, толкнула скрипучую дверь и вышла во двор поликлиники. Здесь можно спокойно посидеть на скамеечке. В тени под деревьями. Вокруг ни души. Только озабоченные

голуби с шумом и хлопанием крыльев штурмовали мусорные баки в углу двора.

Вчера в ее жизни свершилось то, о чем каждая женщина помнит всю жизнь.

— Жигора! Миленький, помоги!

Наталья пересела на другой стул поближе к столу, закинула ногу на ногу так, чтоб он мог максимально лицезреть ее достоинства и начала откровенно канючить. Всем друзьям и знакомым было доподлинно известно, у Жигоры можно выпростить что угодно. Главное, давить на жалость, на сострадание и сочувствие.

У Жигоры женский характер. Он и сам неоднократно объявлял, что если бы был женщиной, кончил бы на панели. Он не умел сказать «Нет!».

— У тебя друзей пол-Москвы!

— Что достать?

— Надо устроить девочку на эстраду. Петь, — пожав плечами, так, словно речь шла о сущей безделице, сказала Наталья.

— Легко!

— Это серьезно. Это очень серьезно! — даже зачем-то понизив голос, продолжала напирать Наталья. — У нее талант. Без дураков.

— Прости, я запамятовал. Ты ей кто? Сестра?

— И сестра, и мать, и подруга и поклонница. Все сразу. Не в этом дело. Я ничуть не преувеличиваю. У девочки талант.

— Ну, если так... — нахмурившись, протянул Ефим. — Какое-какие связи есть, конечно. Меня многие знают.

— Для начала сойдет любой вокально-инструментальный ансамбль. Но солисткой.

— Замашки у тебя, девушка... — усмехнулся Жигора и слегка передразнил, — Любой инструментальный... Знаешь, какая у них там конкуренция? За место солистки идет всегда борьба без всяких правил. Только кости соперниц хрустят на зубах. В шоу бизнесе ведь огромные деньги возвращаются...

— Денег у нас нет! — жестко сказала Наталья. — У нас только талант.

— Что же мне с вами делать, девочки? — задумчиво протянул Жигора. — Талант, говоришь? У нее хоть голос-то есть?

— Еще какой! — взвилась Наталья. — Эдит Пиаф и Жанна Агузарова в одном флаконе!

— Я в этой эстраде, честно говоря, мало что помню... — улыбнулся Жигора. — Со слухом у меня... не очень. Медведь в детстве на ухо наступил. Но слушать хорошую музыку люблю.

— Поможешь?

Наталья затаила дыхание. И придала своему лицу максимально страдальческое выражение. На иных мужчин это действовало безотказно.

— Устроить просмотр можно. Это без проблем.

— Нужно, чтоб с гарантией!

— Не дави на меня, красавица! Гарантию дают только на кладбище. В наше время, сама знаешь, все решают деньги. Поскольку у вас их нет... Ладно, попробую, но ничего не обещаю. Говоришь, талант?

Наталья многозначительно кивнула. И даже зачем-то оглянулась на дверь. Она давно освоила этот прием. Надо сделать собеседника своим сообщником. Желательно, с налетом некой таинственности. Намекнуть на некую тайну, в которую не каждый может быть посвящен. Это всегда действует завораживающе.

— Что мне за это будет? — прищурившись, спросил Жигора.

— Все! — со значением ответила Наталья.

Предыдущей ночью Леонид по привычке низко склонившись над столом сосредоточенно писал. Последние две недели он работал именно ночами. Утром и днем почему-то не приходило то странное волнение, состояние необычного, даже какого-то болезненного возбуждения, которое и толкало его всегда к столу. Обычно черновик он писал от руки. На оборотной стороне старых рукописей. Черкал, дописывал, вычеркивал и только потом переносил на машинку.

С каждым днем роман давался все труднее и труднее. Обычно бывало наоборот. Перевалив через «экватор», повести и рассказы писались, как бы, сами собой. Успевай записывай. Теперь же... Хотя общие контуры сюжета уже сложились довольно четко, слишком многое еще было в тумане, приблизительно. Именно этого он терпеть не мог. Ни в рукописях друзей, ни в своих собственных. Потому всегда, в каждой фразе, в каждом абзаце добивался предельной ясности, четкости и точности.

«Туманно выражают то, что туманно себе представляют!» — не раз заявлял он своим коллегам, друзьям-приятелям, отбивая обвинения в подражании прозаикам-примитивистам. Эту фразу он вполне мог взять своим девизом. И даже начертать ее углем на обоях прямо над письменным столом.

За темным окном монотонно шумел дождь. Унылый и какой-то угрюмый. Леонид, прикрыв глаза, покачивался из стороны в сторону, пытаясь ухватить одному ему ведомый ритм фразы. Казалось, вот-вот... сейчас, она опять вспыхнет в мозгу... ведь только что...

Выбил его из этого сомнамбулического состояния оглушительный дробный стук по стеклу окна. Хотя, каким «оглушительным» он не был. Просто неожиданным. Леонид вздрогнул, открыл глаза и, щурясь, начал вглядываться в темноту. Потом поднялся со стула, подошел к окну и, загородив ладонью, лицо от света настольной лампы, прислонился лбом к стеклу.

На улице прямо под окном между кустами темнела какая-то фигура.

Как и каждая творческая натура, Леонид терпеть не мог когда его отрывали от работы. Убить был готов любого! Он со злостью поднял нижний шпингалет на раме и одним движением распахнул окно.

Ночь брызнула в лицо каплями дождя.

Под окном стояла насквозь промокшая Надя. Она прижимала к груди руки со стиснутыми кулачками и, как собака встряхивала головой, пытаясь избавиться от струй дождя. Леонид перегнулся через подоконник, всматриваясь в ее лицо.

— Я к тебе... — прохрипела она. — В гости. Можно?

Он тут же протянул ей свои руки, она с готовностью ухватилась за них. Леонид одним движением оторвал ее от земли и она мгновенно оказалась сидящей на коленях у него на подоконнике. Он схватил ее за ремень джинсов, притянул к себе и решительно втащил в комнату. Так же закрыл окно. И задернул плотные портьеры.

Надя стояла посреди комнаты. По-прежнему, прижав к груди руки со стиснутыми кулачками. С ее одежды, кофты и джинсов на пол уже натекла приличная лужа.

— Как все нормальные люди через дверь ты не можешь? — вполголоса спросил он.

И раздраженно добавил:

— Чего проще. Вошла в подъезд, подошла к двери, нажала на кнопку звонка.

— Не хотела соседей будить, — прошептала Надя. — Зачем тебе неприятности?

— Где наше знаменитое «Отвали!»?

— Отвали! — послушно выдавила из себя Надя. Как-то без энтузиазма, без куража.

— Вытирай теперь за тобой! — недовольно пробурчал Леонид.

Он достал из скрипучего платяного шкафа большое махровое полотенце, перекинул его через плечо и, схватив Надю за руку, решительно потащил ее через темный узкий коридор напрямиком в ванную.

Газовая колонка конца шестидесятых безусловно гениальное изобретение человечества. Открыл кран,

полилась холодная вода. Чиркнул спичкой, потянул на себя рычажок и готово дело. Тут же польется из крана горячая. Плещись в свое удовольствие. Можешь даже заплыв кролем или брасом устроить, если размеры ванной позволяют. Регулировать силу струи и температуру воды проще простого. Манипулируй рычагом горелки и дело в шляпе.

— Раздевайся! — не оборачиваясь, приказал Чуприн.

Надя послушно начала стаскивать через голову насквозь промокший свитер. Не без трудностей, но все-таки справилась с этим нелегким занятием. Чуприн даже не смотрел в ее сторону. Подставив под струю воды указательный палец, регулировал напор воды и ее температуру.

— Совсем раздеваться? — спросила Надя.

— Будешь принимать душ в джинсах? — в свою очередь поинтересовался он.

Оба уже разговаривали почти в полный голос. У газовой колонки образца конца шестидесятых есть еще одно неоспоримое преимущество. В процессе работы она гудит, как набирающий силу двигатель небольшого самолета «Кукурузник». Можно не опасаться, что какая-то там глуховатая соседка что-то услышит. Ничего она не услышит. Даже если прикиннет ухом к стенке.

— Тебе необходима горячая ванна. Иначе простудишься. Заболеешь и умрешь.

— Бедная я, бедная! — хихикнула Надя.

Она стояла, прислонившись спиной к холодной кафельной стене ванной. В лифчике и джинсах. И по-

прежнему дрожала. Как осиновый лист на осеннем ветру. Или точнее, как домашняя собачонка, напуганная приближением грозы.

— Раздевайся, я не смотрю, — повторил Леонид.

— И напрасно! — ответила Надя.

Леонид взял в руки пластмассовую пробку на цепочке и тщательно заткнул ею дырку в ванне. Надя начала стаскивать с себя прилипшие мокрые джинсы. Кроссовки она успела скинуть еще в комнате. Облокотившись спиной о холодную кафельную стену, она довольно удачно вынула из джинсов одну ногу. Со второй дело обстояло значительно сложнее. Стоя на левой ноге, Надя начала стягивать с правой вторую штанину. Как кожуру с молочной сардельки фабрики «Миком». Тут определенный навык иметь надо. В какой-то момент Надя потеряла равновесие, покачнулась и, вскрикнув, ткнулась лицом в спину Леонида.

Чуприн вздрогнул, медленно повернувшись, взял ее за плечи, слегка встряхнул и поставил в строго вертикальное положение.

— Мочалка на полке. Мыло там же. Потом вот... — кивнул он в сторону вешалки, — наденешь мою байковую рубашку. Она чистая и очень теплая, — хмуро добавил он.

— Не сомневаюсь, — поддержала его Надя.

— Я пошел. Запрись на крючок. Мало ли...

— Действительно! — согласилась Надя. — Вдруг какой злой разбойник Бармалей вломится без стука. Или соседка.

— Ладно. Давай! — вполголоса закончил Леонид.

И он решительно вышел из ванной. И плотно прикрыл за собой дверь.

Надя вернулась в комнату через полчаса. Чуприн лежал под одеялом и при резким свете настольной лампы, повернутой от стола к изголовью тахты, сосредоточенно читал объемистую книгу. Что-то о древнем Египте.

— Ложись! И спи! — не поднимая головы, приказал он.

У противоположной стены уже стояла аккуратно застеленная, с матрасом, простыней, подушкой и байковым одеялом, (все как в лучших домах!), раскладушка.

Надя бесшумно на цыпочках подошла к раскладушке, так же бесшумно, (ни одна пружинка не скрипнула!), юркнула под одеяло.

За окном по-прежнему лил унылый дождь. На всю ночь затеялся, не иначе.

— Поговорим о чем-нибудь? — спросила она через некоторое время.

— Закрой глаза и спи!

— Нам воспитательница на ночь всегда сказки рассказывала, — нейтральным тоном сказала Надя.

— Какая еще воспитательница?

— Я одно время проживала в заграничном пансионе, — вздохнула Надя. — Для детей дипломатических работников. Там воспитательница была.

Леонид ничего не ответил. Только резко перевернул очередную страницу. Но читать в подобной обстановке он не мог. Не мог сосредоточиться. Потому уже

через минуту отложил книгу и, протянув руку к настольной лампе, щелкнул выключателем.

— Спокойной ночи! — сказал он уже в полной темноте.

— Не уверена! — нагло ответила Надя.

Чуприн уже начал задремывать, когда почувствовал, (именно, почувствовал! В темноте ни черта видно не было! И он пропустил момент, когда Надя бесшумно поднялась с раскладушки и присела на край его кровати!), что она совсем рядом.

Он услышал только ее прерывистое дыхание. И шепот:

— Леня! Ты не спишь? Мне холодно! Согрей меня, пожалуйста!

Леонид Чуприн не был «железным Феликсом». Любой на его месте поступил бы точно так. Он чуть отодвинулся к стене. И она мгновенно оказалась у него под одеялом. И мгновенно начала осыпать его лицо неумелыми короткими поцелуями.

— Я о тебе мечтала всю жизнь! Ты — мой мужчина!

«Будь все проклято!» — подумал Чуприн. И больше он ни о чем подумать не успел.

Ох, как жалобно скрипела всеми пружинами и стонала на разные голоса тонкими брусками перекладин старенькая тахта! И в страшном сне не могла она, смастеренная и собранная умелыми руками бригады № 2 на мебельной фабрике № 3 в 1978 году от Рождества Христова, представить, что в конце ее многотрудной, полной переездов и бестолковых перестановок, жизни ей предстоит еще подобное нелегкое испытание. На ее

месте любой бы кожаный массивный диван представительского типа не выдержал бы, дрогнул. И рассыпался бы на части. А она стойко терпела.

Скрипела, трещала и жалобно взвизгивала. И в этих звуках лейтмотивом звучала только одна мольба: «Не мучайте меня, изверги! Я не могу больше!». Если бы она умела, то заорала бы во всю мощь пронзительным голосом примадонны российской эстрады Аллы Пугачевой, «Эй вы, там-м, наверху! Я больше не могу терпеть!!!». Но само собой разговаривать бедная тахта не умела. Тем более кричать голосом Пугачевой. Оставалось одно. Терпеть и ждать. Когда это сумасшествие закончится.

Но этим двоим, голым и бесстыдным в своей страсти, было абсолютно наплевать на все мольбы, просьбы и увещевания какого-то там неодушевленного предмета. Они были заняты исключительно друг другом. Точнее, их вовсе не было в этой тесной комнатке. В эти мгновения они, то взлетали высоко-высоко, над горными кряжами и зелеными долинами, то в следующий миг летели в черную пропасть. Чтоб еще через миг опять взлететь на недостижимые высоты. Туда, туда, выше облаков, выше самого неба!

Все кончается в этой жизни. Даже безумные порывы внезапной страсти.

Чуприн лежал на спине и согнутой в локте рукой закрывал лицо. Он ощущал себя полнейшим ничтожеством.

«Подлая тварь! Ведь ты догадывался, подозревал, что она еще девочка! Совсем ребенок! Подлая эгоистическая тварь!».

В комнате было совсем темно. Только по потолку в отблесках света из окон соседнего дома напротив едва заметно шевелились причудливые тени от ветвей деревьев.

— Я люблю тебя! С первого взгляда! А ты?

Леонид Чуприн молчал.

— Я так счастлива...

А под утро случилось самое невероятное, удивительное...

Надя, сидя на скамейке во дворе районной поликлиники, рассеянно улыбнулась и продолжала перебирать в памяти все подробности той ночи.

Она вспомнила, как внезапно среди ночи проснулась и сильно испугалась. Во-первых, не сразу сообразила, где находится. Во-вторых, на тахте она лежала в полном одиночестве. Чуприна рядом не было и в помине.

И только когда услышала скрип стула и его глухое покашливание за столом, почему-то сразу успокоилась. Осторожно приподнялась на локте и, подперев голову кулачком, с изумлением и восторгом смотрела на него сонными, широко распахнутыми глазами.

Чуприн сидел за столом и как одержимый стенографист наносил на лист бумаги строку за строкой. Иногда бормотал что-то про себя и злорадно усмехался. Он

явно ничего не видел. И ничего не слышал. Он был где-то в другом измерении.

Потом Надя опять уснула. А когда проснулась, было уже ясное солнечное утро. И она подумала, что все на счет ночного бдения Чуприна на столе ей просто приснилось.

Теперь, сидя на скамейке во дворе районной поликлиники, Надя ясно осознала. Ей ничего не снилось ту ночь. Все это было наяву. Наявее не бывает.

— Я запрещаю!!!

Надя никогда еще не видела ЛорВасю Гонзалес такой взволнованной и агрессивной.

— Ты меня слышишь!? Запрещаю покидать территорию нашего дома!

Гонзалес никогда не произносила вслух слово «детдом». Исключительно, наш дом. В редких официальных случаях, «Журавлик».

Надя сидела на стуле в кабинете директрис закинув ногу на ногу, и весело улыбалась. Гонзалес по инерции произносила какие-то гневные и, наверняка, справедливые слова, но внутри нее просто пульсировало огромное изумление перед этой девчонкой. Надя, рыжая Надя, ее любимица и лучшая воспитанница, самая примерная и дисциплинированная, прошлявшись неизвестно где, как мартовская кошка, несколько суток, теперь сидела перед ее столом и весело, беззаботно улыбалась.

Ни тени смущения, испуга, раскаяния или чего-либо подобного.

— Сядь прилично! В такой позе сидят только... — продолжила Лариса Васильевна и неожиданно, запнулась. Будто споткнулась, увидев насмешливые глаза Нади.

— Только кто, Лариса Васильевна? — скромно поинтересовалась она.

— Сама знаешь!

— А-а... эти. Которые торгуют своим телом, — понимающе кивнула Надя.

— Прекрати-и!!! — рявкнула директриса Гонзалес.

— Что? — невинно спросила ее лучшая воспитанница.

— Разговаривать со мной подобным тоном! Кажется, я не давала тебе права...

— Что вы, что вы, Лариса Васильевна! Как вы могли даже подумать! У меня и в мыслях ничего такого не было! — затараторила Надя.

— Чем ты занималась в Москве? Где ночевала?

— У Наташи, где еще! — искренне удивилась Надя.

— А вы что подумали? Господи, Лариса Васильевна! Миленькая! Вы подумали, что я пошла по кривой дорожке!? Свернула с пути истинного Бог знает куда!? Подалась в путаны, на панель или еще чего похуже? Как вы могли обо мне такое подумать. Даже обидно.

Надя резко отвернулась, но ненадолго. На мгновение, не больше.

— Можете позвонить Наташе, она все подтвердит. — с еще большим пылом продолжила она. — Просто решили мне чуть подправить зубы и все такое. Сходили

пару раз на выставки, в книжные магазины. Вы знаете такого писателя, Леонида Чуприна?

Измученная Лариса Васильевна отрицательно качнула головой. Она, нахмурившись, всматривалась в искрящееся радостью лицо Нади.

«С девочкой что-то случилось. Надо непременно выяснить, потом будет поздно!» — судорожно вертелась в голове тревожная мысль.

— Замечательный писатель! — продолжала Надя. — В следующий раз привезу вам его книги. Вам обязательно надо почитать.

— Следующего раза не будет! — отрезала Гонзалес. — С этого дня ты из нашего дома ни ногой! Я запрещаю!

— Как скажите, Лариса Васильевна! Как скажите, так и будет! — с готовностью согласилась ее лучшая воспитанница рыжая Надя Соломатина.

— Я тебе больше не доверяю! Все! — отрезала ЛорВася.

— Лариса Васильевна! — удивленно воскликнула Надя. И даже руки к груди прижала, как заправская оперная певица.

— Наташке вы доверяете? Она меня, как щенка на поводке по Москве водит. Выставки, театры, концертные залы... Шаг вправо, шаг влево — расстрел на месте. Будто вы ее не знаете.

«Все врет!» — думала Лариса Васильевна. «И как убедительно!».

— Лариса Васильевна! Миленькая! — продолжала Надя, глядя на директрису наивными и слегка удивленными глазами.

— Вы ни о чем таком... и думать забудьте. Этот писатель он... совсем старый. Ему лет тридцать, если не больше.

— С чего ты взяла, что меня не интересует какой-то там писатель?

— По глазам вижу, — пожала плечами Надя. — Только напрасно переживаете. Я ведь давно уже не маленькая. Не какая-то... дурочка из переулочка.

Лариса Васильевна Гонзалес недовольно поморщилась.

— Не буду, не буду, не буду.... Извините, Лариса Васильевна! Я вас так люблю!

— Хорошо. Я позвоню Кочетковой, все выясню. Можешь идти.

Надя вскочила со стула, подбежала к директрисе, порывисто обняла ее и чмокнула в щеку. Прежде чем та успела среагировать и возмутиться. Хотя бы для приличия. Надя подбежала к двери и, уже распахнув ее, послала Гонзалес воздушный поцелуй. Чмокнула себя в ладошку, потом выставила ее перед собой и дунула в сторону директрисы. На манер западных кинозвезд. И исчезла за дверью.

«Кажется, я ее упустила!» — думала Лариса Васильевна Гонзалес. «Увы! Никакой воспитательницы из нее не выйдет. Совершенно очевидно. Оставлять «Журавлик» не на кого. Помощниц нет и уже не будет. Мое дело умрет вместе со мной. А я так на нее надеялась.

Дура старая. Ученики, ученицы, воспитанницы! Ты вкладываешь в каждую из них всю себя, всю душу, помыслы, и все свои несостоявшиеся мечты. И все как в песок. Первый в кого они бросают камень, это ты, их наставница, воспитатель, учитель! Только сейчас до конца понимаю свою мать. Она всегда твердила, надейся только на себя. Помощников в нашем деле нет и быть не может».

За окном кабинета по-прежнему, как и всегда, чирикали воробьи. За шоссе на поле как и обычно тарахтел трактор. Из коридора первого этажа доносились веселые голоса младших воспитанников.

6

...Исполнительные и пунктуальные помощницы врача Нахта были все сплошь финикийками. Чистенькие и аккуратные, как новенькие игрушки в одинаковых зеленых платочках, закрывавших почти все лицо, они бесшумно возникали и исчезали, как привидения. И понимали врача Нахта с полуслова.

Старик Нахт и сам был финикийцем. Кто же еще, кроме финикийца, мог быть врачом в Египте. У него были настолько густые, седые, нависающие над глазами брови, что и самих-то глаз почти не было видно. Неф всегда почему-то хотелось слегка, аккуратно так, раздвинуть их пальчиком. Чтоб ему самому было лучше видно. И еще одно. Хоть один разочек подергать за бороду.

Ходили слухи, Нахту более двухсот лет и он может абсолютно все. Даже отрастить воину новую ногу, если тот потеряет свою в сражении. Недавно он одному жрецу новый глаз вставил. Видел им жрец или нет, неизвестно, но глаз выглядел как настоящий.

Когда Неф впервые переступила порог его дома, (дом был одновременно и больницей), ее поразило количество кувшинчиков, баночек, шкатулок, стоявших длинными рядами на полках и на столах. Неф ходила между столами, приоткрывала крышечки.

А это для чего? А это зачем? А что будет, если это смешать с этим? А можно попробовать на язык? А ты сам пробовал? Откуда знаешь, если сам не пробовал?

Теперь же... Неф решительно прошла к главному столу, поставила на него свой бюст и одним движением сняла тряпку.

Старика Нахта трудно было удивить. Он и не удивился. Посмотрел на бюст. Потом на Неф. Потом опять на бюст.

— Вот! — сказала Неф. И облизнула губы.

Со стола на Нахта смотрела молодая женщина, редкостной красоты, чем-то отдаленно напоминающая саму Неф.

Нахт долго смотрел на очаровательное лицо, с нежным овалом, с прекрасно очерченным небольшим ртом, прямым носом, чудесными миндалевидными глазами, слегка прикрытыми широкими тяжелыми веками... и ему стало грустно. Красота всегда навеивает грусть.

За его спиной бесшумно возникла целая стайка помощниц. Они вылупились на бюст и едва слышно верещали по-финикийски. А на решетке окна появилась парочка любопытных воробьев. Они тоже, едва слышно, о чем-то чирикали.

Нахт кашлянул, помощницы бесшумно исчезли. Не отрывая взгляда от бюста, Нахт глубоко вздохнул и спросил:

— Хочешь, чтоб я сделал тебя такой?

Разумеется, Неф кивнула. Даже не просто кивнула, а несколько раз утвердительно потрясла головой. Нахт долго молчал.

— Ты говорила с Криклой?

Неф отрицательно помотала головой.

— У нас чисто дружеские отношения.

Нахт кивнул, но ничего не понял. Какие такие «чисто дружеские отношения» могут быть у воспитанницы со своей кормилицей и приемной матерью. Он опять долго молчал.

— Я должен поговорить с Эйе. — сказал он наконец.

Тут Неф решительно выступила вперед и начала растолковывать непонятливому старику Нахту:

— Между прочим, Эйе со своими отрядами находится на границе с Сирией. Вернется через две недели. А нубийская принцесса Крикла, между прочим, уехала на похороны двоюродной тети. А служанки, между прочим, если что, будут молчать. А вообще-то, это никого не касается. Кроме самой Неф. Между прочим, она уже

достаточно взрослый человек, чтоб самой решать. Что нужно, что не нужно. Между прочим!

Старик Нахт слушал и думал, эта худенькая девчонка с зелеными глазами уже все продумала. И выбить из нее эту идею уже невозможно.

Старик Нахт многое повидал на своем веку. Фараоны, царицы, военачальники, их жены, дети... Неоднократно ему приходилось отказывать женщинам в просьбах «сделать самой красивой». Но тут...

Эта девчонка с зелеными глазами, если ее чуть-чуть подтолкнуть, чуть-чуть помочь, сможет много полезного сделать для его страны. В ней явно играет кровь родителей. Особенно, отца.

Нахт по происхождению был финикийцем. Но своей родиной, своей страной считал Египет. И только его. Он был убежден, его страна достойна лучшей участи, нежели то, убогое состояние, в котором она пребывает сейчас...И Нахт решил.

Пара любопытным воробьев, с высоты оконной решетки, с изумлением наблюдала за той возмутительной сценой, которая разыгрывалась на их глазах в доме врача Нахта.

Нахт цепко ухватил Неф за плечо и усадил ее в кресло.

— Сиди и... не квакай! — строго сказал он.

Тут же опять появилась стайка помощниц. Они окружили Неф со всех сторон и зачем-то (!?) крепко ухватили за руки и за ноги.

А врач Нахт явно начал издеваться. Засовывал палец в рот и, соединив с другим пальцем снаружи, тер

кожу щек между ними. Оттягивал и вертел во все стороны нос. Дергал за уши... А потом, вообще!

Нахт взял в руки мухобойку и начал шлепать ее по щекам. Шлепнет, наклонится, посмотрит... Опять шлепнет, наклонится и опять очень внимательно рассматривает то место, по которому шлепнул.

Неф явно уже хотела разозлиться по-настоящему. Но Нахт закончил. Последний раз шлепнул ее мухобойкой по лбу и отвернулся.

— Тебе придется два дня лежать неподвижно. Ничего не есть. И дышать только через трубочки в носу.

— Могу вообще не дышать! — обиженно ответила Неф.

Нахт повернулся и долго смотрел ей прямо в глаза.

— Красивые женщины редко бывают счастливы. — пробурчал он.

Неф уже соскочила с кресла и поправляла свою одежду.

— Красивая царица может сделать счастливым свой народ! — торжественно провозгласила Неф.

И это был ответ, которого Нахт ожидал.

— Приходи завтра с утра. — вздохнув, сказал он. Еще раз вздохнул и пробурчал себе под нос. — Боги тебя покарают, Нахт!

— Царица Египта тебя наградит, Нахт! — откликнулась Неф.

Неф уже направилась к выходу, когда ей вдруг стало страшно. Она вернулась, оглянулась по сторонам и тихо спросила:

— Резать будешь?

— Обязательно! — кивнул головой Нахт. — Отрежу уши и нос. Потом пришью какие-нибудь другие. — пробурчал он.

Помолчал и добавил.

— Шутка.

Неф облегченно выдохнула. Она терпеть не могла крови.

После ухода Неф, старик Нахт еще долго разглядывал бюст. Трогал пальцами, хмурился. Потом завернул его в тряпку и поставил на пол в самый дальний угол комнаты...

...пройдет много-много веков...и однажды...немецкий археолог, под слоем песка и кирпичной пыли, обнаружит, чудом сохранившийся, в натуральную величину, бюст молоденькой прекрасной женщины. Он вздрогнет от неожиданности...замрет в восторге...и будет еще долго, не отрываясь, рассматривать его со всех сторон...

Неф задыхалась. Груды раскаленного песка давили ей на лицо и на все тело. Ей не хватало воздуха. Но крикнуть она не могла.

С самого начала помощницы Нахта начали обращаться с ней, как с бесчувственной куклой. Раздели до гола и, несмотря на все возражения, выкупали в ванной. Потом положили на длинный стол и спеленали ее всю, с ног до головы, льняными бинтами, пропитанными смолой. И накрепко привязали к ножкам стола кожаными ремнями.

Потом появился Нахт и началось самое страшное...Он какими-то овальными деревяшками закрепил ей голову так, что у нее сразу затекла шея. Потом вставил, как и обещал, в нос две трубочки. Приказал раскрыть рот и сунул в него комок особой глины, которую перед этим долго разминал в руках. Неф послушно стиснула зубы и больше уже целых два дня не могла их разжать.

А Нахт начал слой за слоем накладывать ей на лицо какую-то гадкую пасту. Запах стоял ужасающий! Неф терпела.

А Нахт все накладывал и накладывал, слой за слоем, ей на лицо эту вонючую пасту. Да еще бинтами сверху приклеивал.

Неф только успела подумать, наверное, именно так чувствуют себя мумии, когда их бальзамируют. И крепко уснула. Перед этим Нахт влил ей в рот большую чашку какой-то, тоже довольно противной жидкости.

Теперь она проснулась. И сразу начала задыхаться. Попыталась пошевелиться... бесполезно! Руки и ноги были по-прежнему крепко-накрепко связаны. Если б Неф могла плакать, заплакала бы. Но глаза у нее тоже были заклеены и обложены гадкой пастой...

Неф распеленали. Долго массировали лицо и все тело. Втирали какие-то мази. Особенно усердно финикийки почему-то массировали ноги и руки. Правда, в лицо тоже втирали всякие пахучие мази.

Потом, когда ее всю насухо вытерли и поднесли к лицу отполированное до нестерпимого блеска зеркало,

Неф увидела в нем... уже знакомое прекрасное лицо. У нее перехватило дыхание.

Такой она виделась себе только во сне...

Неф долго рассматривала свое отражение. Со всех возможных сторон. Щупала пальцами щеки. Они стали заметно меньше. Кожа на них стала мягкой, чуть смуглого цвета. Слегка припухлые губы образовывали чувственный, (Неф уже начинала в этом разбираться), изящный рот. Совсем приличного размера. Во всяком случае, ничего «лягушачьего» в нем уже не проглядывалось. Веснушки исчезли вовсе.

Нахт стоял сзади и, как обычно, хмурился. Но по всему было видно, он доволен. Финикийки тоже восторженно улыбались.

— Стану царицей, щедро награжу. — хрипло сказала Неф. Ее голос и язык еще не очень слушались. — Проси, чего хочешь!

— Позволь, царица... — усмехнулся Нахт. — До конца дней моих, называть тебя «лягушонком»!

Финикийки дружно захихикали. Улыбнулась и сама Неф.

Наследнице трона было одиннадцать с половиной лет.

В тот день в Фивах жара достигла своего апогея. Солнце абсолютно неподвижно висело в зените и, казалось, не собиралось больше никогда заходить за горизонт. Оно даже издавало, едва слышимый, звенящий гул, будто решило своими беспощадными лучами испепелить все живое в городе и его окрестностях.

Едва Неф ступила за порог дома Нахта, у нее возникло странное ощущение, будто она совсем одна в большом городе.

Обычно шумные и многолюдные улицы города вымерли.

Одиноким, черный коршун, с высоты своего парения, с удивлением наблюдал за странными, зигзагообразными движениями маленькой девочки по пустынному городу. Черному коршуну легче других. Там, высоко в небе движутся другие потоки воздуха. Более прохладные.

Черный коршун и не подозревал, что этой худенькой девочке предстоит трудный, полный опасностей, отчаяния и большой радости путь, и что сейчас она еще только делает первые шаги к самой вершине власти. Все это его не интересовало.

Он знал одно, обычно девочку на расстоянии сопровождают два пернатых существа, самая желанная добыча для хищника, но в этот раз их видно не было. Затаились где-то в тени, переждать жару.

Неф возвращалась домой зигзагами. От одной лужи к другой. Останавливалась перед каждой и, делая вид, будто поправляет сандалии, наклонялась, пытаясь рассмотреть свое отражение. В лужах мало что можно было разглядеть. Но все равно. От лужи к луже в ней росла уверенность в себе.

Уже у самой последней лужи, чуть в стороне от дороги, под кустом сидели три бродяги. Грязные, в лохмотьях. И кажется, нетрезвые.

Увидев проходящую мимо Неф, они восхищенно зацокали языками и начали наглыми жестами выказывать свое одобрение.

В другой ситуации Неф и внимания бы не обратила на них, но сегодня...Она сначала бросила на бродяг презрительный взгляд, а потом, проходя мимо, не выдержала и показала язык.

В ответ она услышала веселый смех.

В ворота усадьбы охранники не хотели ее впускать. Не узнали. Скрестили перед ее носом свои длинные копья. И еще больше выпучили огромные, сверкающие белками на черных лицах, глаза.

Неф постояла, подумала. Охранники застыли, как статуи фараонов перед входом в Главный храм.

Неф хотела уже наплевать и проникнуть в поместье старым, испытанным способом, которым пользовалась не раз. Перелезть в стороне через низкий глиняный забор, но передумала.

Скрестила руки на груди и топнула ногой.

— Та-аратумбия! — грозно сказала она. И еще раз топнула ногой.

Охранники тут в страхе отступили. Прижали к себе копья.

Топая по дорожке к своему маленькому дому, Неф подумала, надо обязательно выяснить у Криклы, что это слово означает.

За своей спиной она слышала сдержанный смех охранников. Раньше они себе такого не позволяли.

Непосредственно сама Неф не видела, как едят крокодилы. За всю жизнь она и видела-то только одно-

го, да и то, издали. Плыла какая-то деревяшка с выпученными глазами мимо их прогулочной лодки. Но она допускала, крокодилы едят они очень быстро.

За обедом Неф почему-то подумалось, она ест, как крокодил. И действительно! С ужасающей скоростью она поедала — лук и тыкву, финики и виноград, яблоки и инжир, арбузы и репу... И все с хлебом, с хлебом! Служанки едва успевали подносить к столу все новые и новые блюда. И просто поражались, как в такую худенькую девочку все это влезает!

Наконец, она насытилась. Откинулась на высокую, (специально сделанную, чтоб не сутулилась), спинку стула, зевнула и произнесла царственным тоном:

— Я вами довольна!

Опустила голову на руки. И тут же за столом уснула.

Служанки перенесли ее в спальню. Раздели, укрыли легким льняным покрывалом и долго стояли рядом, впившись в нее глазами.

Во сне Неф была еще красивее.

Главная встреча произошла на следующий день ближе к вечеру. Неф сидела в маленькой беседке, поджав ноги под скамейку. Под потолком, на едва заметном выступе пристроилась уже знакомая пара любопытных воробьев. Они просто сгорали от нетерпения.

Длинные тени от высоких пирамидальных сосен тянулись через весь сад резкими, темными полосами и казались нарисованными.

Еще задолго до окончания ужина, Неф услышала знакомый топот ног по дорожке.

В беседку вошел Эйе. Стукнулся по привычке головой о притолоку, но даже не заметил этого. Он, не отрываясь, смотрел на Неф.

Нависла гнетущая пауза.

— Ква-ква! — пискнула Неф. Так, на всякий случай.

Эйе отрицательно помотал головой и, тяжело вздохнув, опустился на скамейку напротив Неф.

— Это не ты, лягушонок! — со всей прямоотой, заявил Эйе. Еще раз помотал головой и добавил. — Тебя подменили.

— А так...

Неф засунула мизинцы в рот, растянула его в разные стороны и, как могла, выпучила глаза.

Пара воробьев под крышей беседки возмущенно зачирикали.

— Так...получше... — неуверенно сказал Эйе. Но сомнение в его голосе все-таки осталось.

«Я люблю тебя!» — чуть не вырвалось у Неф. «Любила всегда! Еще до своего рождения! И буду любить вечно!».

Но вместо этого она сказала:

— У тебя очень усталый вид.

Эйе смотрел на нее во все глаза. Лицо его менялось ежесекундно. Но совсем не так, как бывало, когда он корчил забавные рожи.

— Послушай, Неф! — каким-то незнакомым, почти официальным тоном сказал Эйе. — Ты уже совсем взрослая. Теперь у нас будут другие отношения.

— Хорошо! — послушно кивнула Неф. — Будет, как скажешь.

А сама подумала: «Будет так, как решила я!».

Другое дело Крикла. Она узнала бы Неф, даже если бы та переделалась в эфиопку. Еще утром она все оценила по достоинству.

— Лягушонок! Ты что с собой наделала-а! — вскричала она, в ужасе всплеснув руками. — Кто это тебя...так?

Мгновенно сообразила, «кто ее так!». И тут же перешла на свой родной, нубийский язык.

— Трын, туру, тын, этому Нахту! Трум, бум, туру, дык!

— Что значит, «туру, тын, дык»? — поинтересовалась Неф.

Крикла как-то странно дернулась и покраснела.

— Вырастешь, узнаешь! — отрезала она.

— А «Таратумбия»? —спросила Неф.

— Еще хуже. — пробормотала Крикла и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Неф не настаивала, хотя ей очень хотелось знать, что означает «Таратумбия». В поместье уже очень многие так выражались.

Встретилась Неф и с Хотепом. Специально подкараулила его у большого пруда. Он шел с удочкой в руках и смотрел себе под ноги.

Неф вышла из-за дерева и встала на его пути. Хотеп поднял глаза и, естественно, остановился, как вкопанный.

Хотеп сильно изменился за это время. Подрос и стал совсем какой-то непропорциональный. Худые, очень тонкие ноги. Длинное, узкое, как у лошади, лицо с выдающимся вперед подбородком. Большой нос и крупный рот с отвислой нижней губой.

Но глаза, глаза стали совсем другими. В них появилось что-то новое... Какая-то затаенная грусть, что ли.

Некоторое время оба молчали. Рассматривали друг друга.

На дорожках вокруг пруда в этот час не было ни души. Только пара проворных воробьев с соседнего куста о чем-то громко и настойчиво чирикали. Явно предупреждали Неф об опасности.

— Ты все еще...злисься на меня? — опустив глаза и чуть отвернувшись в сторону, спросил Хотеп.

— Что ты! Я забыла давным-давно! — с готовностью соврала Неф. Она, действительно, уже давно хотела его простить. Все как-то подходящего случая не было.

Опять оба долго молчали. Воробьи на кусте замерли в ожидании.

— Я пойду? — неуверенно спросил Хотеп.

Неф пожала плечами и отступила чуть в сторону. Хотеп, не оглядываясь, пошел к пруду. Ходил он тоже довольно странно. Передвигался на своих тонких, длинных ногах, будто на ходулях.

Неф смотрела ему вслед и вдруг ей стало его безумно жалко. До слез. Подобное чувство она испытала только раз в жизни, когда увидела молодого пса с перебитыми задними лапами. Пес был совсем молодой и

веселый. Он все пытался присоединиться к своре играющих щенков и не мог. Не мог угнаться за ними...

Глаза у юной Неф были полны отнюдь не детской печали. Печаль ее не была светла.

7

Какими должны быть глаза у эстрадной звезды? Ответ однозначен. Неотразимыми. Размер не имеет значения. Хотя насчет цвета существуют разные точки зрения. Двух одинаковых не услышишь. Спросите у первого встречного. Какого цвета глаза у очень народной артистки примадонны эстрады всея Руси Аллы свет Борисовны Пугачевой? Получите массу самых разнообразных ответов.

Дотошные журналисты газеты «Кумиры» на этот счет провели эксклюзивный опрос населения. Выборочно, разумеется. По всем международным нормам и правилам. Ответы поразили даже издавших виды журналюг. Разброс мнений был фантастическим. Выяснилось, у примадонны они всех цветов радуги. Одновременно. От небесно-василькового, эдакого нестеровского или лазурно-бирюзового цвета до жгуче коричневого, почти черного. Причем, женщины склонялись к темным, агрессивным цветам, мужчины наоборот, к нежным и романтическим.

Словом, глаза у эстрадной звезды должны быть неотразимыми. И точка. Желательно бездонными. Манящими, привлекающими, запоминающимися.

В один из очередных несанкционированных визитов Нади, Наталья решила больше не откладывать в долгий ящик столь важное мероприятие и повела ее в салон «Каприз», что расположен вблизи станции метро «Сокол».

Салон в котором работала врачом-офтальмологом знакомая Наталья, напоминал приемную шикарной адвокатской конторы, какими из преподносят в телевизионных сериалах про бандитов. Традиционно улыбчивая секретарша радостно, будто увидела родных, поздоровалась с девушками и попросила подождать, посидеть в креслах. Расслабиться и получить удовольствие.

Вокруг по стенам картины. В углах причудливые цветы в не менее причудливых горшках. У стены напротив окон, тактично закрытых жалюзями, чтоб посетители не глазели на унылый индустриальный пейзаж, громадный аквариум. В нем, в такт медленной успокаивающей музыке из невидимых динамиков, лениво двигали плавниками сплошь золотые рыбки. При желании стаяй они могли бы осчастливить пол-Москвы.

Кабинет Ларисы, так звали подругу, напоминал кабину космического корабля. Вокруг столько приборов и чудных приспособлений, простому смертному не стоит и пытаться понять их назначение. Сама Лариса тоже произвела на Надю неизгладимое впечатление. В белом обтягивающем комбинезоне, (хотя с ее бедрами впору носить паранджу), огромные в пол-лица очки и ярко-оранжевые во все стороны пряди волос.

Надя, естественно, знать не знала названий всех этих причудливых приборов и приспособлений. Ясно

было одно. Надо потерпеть, тогда получишь глаза от которых окружающие в свою очередь не смогут отвести своих глаз.

— Сядь в кресло! — тоном сержанта распорядилась Лариса. — И помалкивай.

— Терпеть не могу, когда пациенты болтают. Все меня чего-то учат, учат.. — пояснила она Наталье.

Между прочим, Надя и не собиралась ни о чем разговаривать. Она уселась в кресло, похожее стоматологическое, и опять приготовилась терпеть.

Надя с раннего детства ненавидела когда ее осматривают, осматривают. Вообще не любила посторонних прикосновений. Исключение составлял только, разумеется, Леонид Чуприн. Наде очень нравилось когда случайно ее касался. И намеренно тоже.

Сначала Лариса рассматривала каждый глаз Нади по очереди в микроскоп. Потом в телескоп. Во всяком случае у Нади сложилось такое впечатление. Она со своей стороны видела глаза Ларисы сначала близко-близко, потом далеко-далеко. И слегка позавидовала. У Ларисы глаза были огромными, черными, как спелые вишни. Хоть сейчас на экран любого телевизора. Потом Лариса придвинула к лицу Нади еще какой-то прибор, уже третий по счету и начала что-то там измерять с точностью до долей миллиметра.

Наталья в течение всей процедуры сидела в стороне и листала журнал «Вог».

Наде уже через десять минут порядком надоела эта тягомотина. Кому понравиться ощущать себя каким-то подопытным кроликом? Но приходилось терпеть.

Еще кто-то из великих римлян очень точно подметил: «Искусство требует жертв!». Хотя, кажется, он имел ввиду бои гладиаторов.

Наконец Лариса отвернулась от Нади, подъехала прямо в кресле к столу и вывела на экран компьютера физиономию, отдаленно похожую на лицо Нади.

Поморщилась и подозвала Наталью:

— Давай решать! Темный ей явно не к лицу.

Подруги, перебивая друг друга, взялись обсуждать эту проблему. Какие именно глаза требуются Наде. На нее вовсе не обращали внимания. Словно она пустое место. Или ее вообще нет в кабинете.

— Васильковые тоже не сахар.

Лариса пощелкала клавишами компьютера. На экране монитора, как в мультфильме калейдоскопом замелькали разного цвета и разреза глаза. Всех цветов радуги.

— Лазурные носят только парикмахерши!

— Темно-коричневые для кавказских официанток!

— Может, сделаем просто. Обычные серые.

— Ты с ума спрыгнула? Кто сейчас носит серые глаза?

— Решайте, девочки! Вам жить. Вам покорять зрителей.

На Надю обе по-прежнему не обращали внимания. Даже не смотрели в ее сторону.

— Может, моим мнением поинтересуетесь? — не выдержала она.

Подруги одновременно посмотрели на нее так, будто она древний холодильник «Север», который

вдруг заговорил человеческим голосом. Или вдруг закашлялся и неприлично высморкался прямо на пол, а не в платок как подобает всем воспитанным холодильникам. То есть, людям, разумеется. Холодильники здесь вообще ни при чем.

— Давай, свое мнение! — распорядилась Наталья.

— Мои глаза, мне лучше знать, какие мне лучше идут.

— Ну, какие?

— Зеленые! — с вызовом ответила Надя. И для убедительности потрянула головой.

— Как у лягушки? — съязвила Наталья.

— Как у ведьмы! — огрызнулась Надя.

— Девочки, девочки! Давайте что-то решать! — поморщилась Лариса. — У меня времени в обрез. Солидный клиент на подходе.

— Очередной мешок? — с усмешкой поинтересовалась Наталья. И бросив быстрый взгляд в сторону Нади, распорядилась, — Выйди в коридор. Подожди меня там.

Подруга Лариса взяла в руки микрокалькулятор, что-то долго на нем подсчитывала. Потом указала Наталье пальцем на миниатюрный экран, на нем высветилась сумма, которую они должны были заплатить за «новые глаза».

Наталья только тяжело вздохнула и кивнула головой.

Надя в очередной раз вышла из очередного кабинета и спустилась по лестнице во двор. Все московские дворы до ужаса походят один на другой.

Двор дома в котором располагался салон Ларисы был точной копией двора поликлиники Ефима Жигоры. Тот же неухоженный скверик, те же сломанные скамейки, те же мусорные баки с традиционными голубями.

Надя отряхнула ладошкой со скамейки песок, явно оставленный каким-то ребенком и осторожно присела на краешек.

— Рыжее солнышко! — услышала она удивленный возглас Чуприна. Разумеется, не он оказался во дворе салона, сама Надя перенеслась в свои воспоминания о предыдущей встрече. Последние дни она только тем и занималась. Встречалась с Чуприным или вспоминала о встречах с ним.

В тот раз она возникла на гаражной площадке «Тайваня» со стороны железной дороги. Чуприн не мог ее видеть. Она специально зашла со спины. Он клеил эпоксидной смолой борта катера. Руки его были по локоть в чем-то липком и темном.

Надя поставила на деревянный ящик полиэтиленовый пакет. Достала из него бутылку томатного сока и целых четыре чебурека. Почему-то была уверена, Чуприн должен любить именно чебуреки и запивать их томатным соком.

Она не ошиблась. Чуприн расплылся в обаятельной улыбке.

— Откуда узнала про чебуреки и томатный сок? Моя любимая еда...

— Я все про тебя знаю. Я ведь люблю тебя. Что тут удивительного.

Чуприн понимающе кивнул. Принял это как нечто само собой разумеющееся. И тут же потянулся грязными руками к чебурекам.

— Стоя-ять! — крикнула Надя. — Сядь вот сюда! И держи свои руки при себе. Сама буду тебя кормить!

Чуприн покорно вздохнул и послушно уселся на указанный ящик. Надя откупорила бутылку с соком, напала в пластмассовый стаканчик, поднесла к его рту.

У каждой женщины это в крови. Заложено на генном уровне. Хлебом их не корми, дай покормить мужчину с ложечки. Из своих рук. Как грудного младенца.

— За папу! За маму!

Так кормят своих птенцов хлопотливые птицы. Стараются, порхают с ветки на ветку, в поте клюва своего добывают жуков и червяков. И сразу в клюв прожорливому птенцу. А тот уже вымахал размером с мамашу.

— За папу! За маму! — приговаривала Надя.

Чуприн послушно кивал и уплетал за обе щеки из ее рук еще теплые чебуреки. Отрывал зубами, как голодная собака куски плоского теста, прихлебывал из пластмассового стаканчика томатный сок.

Красный сок стекал по его небритым щекам. Надя тщательно и аккуратно вытирала ему салфеткой подбородок. И улыбалась.

В жаркий и знойный полдень приезжому по центру Москвы лучше не шляться. Самое милое дело, если времени девать некуда, спуститься в метро и покататься по кольцевой. Прохладно и людей не так много. Можно почитать или просто подумать о чем-то своем. А вече-

ром лучше всего сходить в кино. В настоящий кинотеатр. Купить пакетик жареной картошки, сесть на последний ряд, и сидеть себе в свое удовольствие. Можно даже ноги закинуть на спинку кресла переднего ряда. Все равно никто не увидит, не сделает замечания. На вечерних сеансах зрителей от силы наберется четверть зала. Парочки, которым некуда податься, командировочные и энергичные одинокие пенсионерки. Контингент всегда один и тот же.

Надя торжественно поклялась Наталье, от нее прямо пилит прямо на вокзал. Но сама и не подумала сдержать клятву. Решила по полной программе пошататься по центру. На людей посмотреть, себя показать. В общении с Чуприным Надя стиснув зубы решила сделать перерыв. На один день.

Выйдя из кинотеатра «Мир» после сеанса, Надя поняла, она опоздала на последнюю электричку. Не беда. На тихом Рижском вокзале можно всегда найти укромное место, где никто не помешает переждать два-три часа.

Надя расположилась на скамейке в маленьком уютном сквере. Вокруг кусты, деревья, несколько скамеек ярко-зеленого цвета.

Ночной воздух наполнен той тревожной волнующей белесой дымкой, которая появляется только весной, и держится всего несколько дней. Было уже довольно поздно, но в скверике совсем светло. Изредка сюда доносятся обрывки разговоров, смех, дальние гудки тепловозов, шелест шин такси по влажному асфальту.

Все вместе эти звуки и дымка в воздухе создавали неповторимую атмосферу тихого Рижского вокзала, каким он бывает только весенней ночью.

Надя сидела на скамейке и внимательно рассматривала собачий ошейник. Не удержалась, купила Икару подарок. Беспородный Икар был любимцем всего «Журавлика». Жил как у Христа за пазухой. Все любили Икара, Икар в свою очередь любил всех своих. Ночами бдительно охранял территорию детдома от незваных гостей. В светлое время суток охранял столовую, кухню и продуктовый склад. Не безвозмездно, разумеется.

Надя хотела купить и длинный поводок, денег не хватило. Икару нужен был еще и намордник. Чтоб как у каждого порядочного пса. Ошейник с регистрационным номером, поводок, намордник. Чтоб можно было с полным правом выходить в город Волоколамск.

— Что, девочка, собачку потеряла?

Перед скамейкой возник худощавый парнишка. Лицо прыщавое, слегка прихрамывает на одну ногу. Будто из-под асфальта вырос.

— Черную или белую?

— В полосочку. Отвали!

Парнишка скинул с плеча небольшой рюкзачок, плюхнулся на скамейку.

— Угости сигареткой, девочка?

— Отвали-и!

— Неужели одну сигарету жалко? — обиженно сказал парнишка.

Надя небрежно вытащила из пачки одну сигарету, не глядя протянула парнишке. Тот взял, закурил, глубоко и жадно затянулся.

— Надюх! Ты меня в самом деле не узнаешь или притворяешься?

Надя быстро повернулась к парнишке. Нахмурившись, начала пристально рассматривать его. Кого-то он ей напоминал. Но кого?

— Не узнаешь, — глубоко затягиваясь сигаретой, укоризненно протянул парнишка. — По глазам вижу...

Надя недоуменно пожала плечами и отрицательно помотала головой. Кого-то ей напоминал этот прыщавый худощавый парнишка.

— Но пассаран! — неожиданно сказал тот. И знакомым жестом вскинул сжатую в кулак руку.

Надя тут же вспомнила. Гришка! Гришка из старшей группы... Выпуск... Господи, какого года их выпуск? Кажется, лет пять прошло. Или больше. И фамилия у него еще какая-то эстрадная. Не Пугачев, не Разин, а этот, как его? Распутин! Точно.

Гришка Распутин очень довольный собой, улыбался.

Надя слегка расслабилась. И совершенно напрасно. Даже она, выпускница того же «Журавлика» не знала о нем ничего.

Гришка Распутин стал профессиональным воров в пять лет. Сказались гены. Отец был воров, оба брата пошли по той же дорожке. Кажется, даже их дед был профессионалом. Гришка овладел наихудшей из разновидностей воровства. Бесчестной. Если вообще в дан-

ном случае уместно говорить о какой либо честности. Вор и честность так же совместимы, как молоко и ржавая селедка.

Неизгладимый след оставил в душе юного Гришки фильм Шукшина «Калина красная». Особенно фраза главного героя Егора Проскудина: «Никем не могу быть в этой жизни! Только вором!». В ней было столько смелости в этой фразе, столько удали и отваги. Дух захватывало!

Еще в «Журавлике» Гришка в совершенстве овладел «подставой». Воровал все подряд. Все и у всех. Но ни разу до самого выпуска не попался. Секрет его мастерства был прост, как огурец. Гришка ничего из украденного никогда не оставлял себе. Кроме наличных денег. Подкладывал в тумбочки, в карманы, в рюкзаки другим. Часы и книги, кошельки и компасы, фотографии любимых артистов и перочинные ножи — мало ли личных вещей у каждого из воспитанников. У педагогов и воспитательниц очищал сумочки и подбрасывал другим воспитательницам и педагогам.

Не раз в «Журавлике» проводились обыски и собрания. И всегда клеймили позором и бичевали ни в чем неповинных, «подставленных». Гришка только тихо посмеивался. То были миги его торжества. Пик его везения и удачливости.

Выйдя «на свободу» Гришка естественно тут же расширил поле своей деятельности. Вокруг столько растяп и раззяв. Столько кошельков, чемоданов и сумочек. Не говоря уж о тугих бумажниках. Глаза разбегаются.

«Вот она, жизнь! Бери, хватай обеими руками! Все твое!».

Попался Гришка Распутин на первой же краже. Его взяли опытные оперативники, специалисты по карманным кражам при Ярославском вокзале. Гришке сходу впаяли три года. Но условно. И даже помогли, учитывая его юный возраст и незавидное положение выпускника детдома, с работой. Устроили учеником повара в вагон-ресторан.

Через неделю Гришка попался на краже сумочки у пассажирки из пятого вагона и был в позором изгнан из лучшей поездной бригады Ярославского направления Северной железной дороги.

Какое-то время Гришка промышлял настоящей «подставой». Катался «штурманом» с широкоплечим угрюмым пареньком-водилой Коляном на задрипанном «Форде». Обычно они поддавливали неопытных женщин на новеньких иномарках или хилых интеллигентов-подснежников на «Жигулях» и «Москвичах». Колян профессионально слегка царапал крыло или дверь очередной машины. Гришка выскакивал и картинно хватался за голову. Начинал плакать и причитать, что машина не их, только покататься разрешили, что его теперь убьют, измордуют и все такое. Давил на жалость и сострадание. Плечистый и угрюмый Колян параллельно запугивал, угрожал расправой и связями с братвой.

Обычно они неплохо зарабатывали. По несколько тысяч на брата. Не считая тех, что отстегивали районному гаишнику и хозяину гаража. За прокат машины.

Кончилось и это везение. Парочка нарвалась на одного «хилого интеллигента». Тот не стал ничего слушать. Вылез из своей «Оки» и сходу прямым в челюсть выбил Гришке два зуба. И ударом ноги повредил ему ногу. Колян, естественно, дал деру. Гришку опять заловили. И опять отпустили. Доказательств-то никак.

Теперь он промышлял только квартирными кражами. Работал в одиночку. Выбирал «средняк». Чтоб не из очень богатых. Брал немного, сдержанно, чтоб хозяева потом особой паники не поднимали. В милицию заявлений не писали. Все самое ценное оставлял на виду. Но и чтоб ему на пепси с пивом и шашлыком перепало.

Поврежденная нога сильно болела, мешала точно и четко работать. Кровь из носа, необходим был помощник. Встреча с Надей для него была подарком судьбы.

— Ты сильная, да? — неожиданно спросил Гришка.

— Не бойсь, за себя, если что, постоять смогу! — ответила Надя.

— Давай руками померяемся? — с усмешкой предложил он. И с сомнением в голосе добавил, — Какая ты худая стала, хилая наверное?

— Кто, я!? — завелась с места карьер Надя. — Ну. Давай!

Она поставила локоть на скамейку и выставила вперед свою ладошку.

Армреслинг! Кажется, так называется этот очень интеллектуальный вид спорта. Второй после перетягивая каната. Самое любопытное, Надя довольно легко

победила Гришку. Согнула его большую руку к самой скамейке.

— Все! Все! Сдаюсь! Победила! — засмеялся Гришка. И добавил странным тоном, потирая ладонь. — Это хорошо, что у тебя руки сильные. Может, выручишь меня?

— Денег нет, — отрезала Надя. И у нее и в самом деле в кошельке оставалось — кот заплакал. Даже на мороженное не хватит.

— Не в том дело, — поморщился Гришка. И продолжил каким-то нарочито небрежным тоном. — Не в деньгах счастье. Наплевать на них. Я почему на вокзале-то кукую? Бабка, у которой я сейчас живу, на участок укатила, рассаду высаживать. А ключи от квартиры соседке оставить забыла, старая... гантеля.

— Почему «гантеля»? — усмехнулась Надя.

— Похожа очень. Ладно, черт с ней, с гантелей. Как в квартиру попасть, вопрос? Есть один вариант... Только помощник требуется. С сильными руками.

— Дверь что ли вышибать?

— Зачем такие глупости? — изумился Гришка. — Влезть через форточку, самое милое дело. Она форточку никогда не закрывает.

— На каком этаже квартира? — поинтересовалась Надя.

— В том-то и дело, на последнем. На шестнадцатом, — вздохнул Гришка. — Я бы и сам спустился в одиночку. У меня и веревка есть. Только тут без помощника без страховки не обойтись. Нужен парень с сильными

руками. Я бы спустился, влез бы в форточку и спокойно открыл бы дверь.

— Где твой дом? Далеко отсюда? — решительно спросила Надя.

Ничто ее не насторожило, ничто не смутило. Ни отсутствие у Гришки своих ключей от квартиры, ни «совершенно случайно» заготовленная веревка. Она почему-то поверила ему совершенно бездумно. Как же! Свой, такой же детдомовский, из «Журавлика», своих в беде не оставляют.

Сам погибай, товарища выручай! Но пассаран! И все такое.

Дом Гришки Распутина располагался в десяти минутах ходьбы от Рижского.

По дороге болтали, вспоминали «Журавлик».

— А помнишь...

— А помнишь...

Общих воспоминаний у них не было, каждый говорил о своих. Но Надю и это не смутило. Даже уголовный блатной жаргон на грани мата.

Гришкин дом оказался обычной шестнадцатиэтажкой. Спокойно вошли в третий подъезд, поднялись на лифте на последний этаж. По железной лестнице вскарабкались под потолок и открыли люк на крышу.

С высоты шестнадцатиэтажки открывался потрясающий вид. Вся Москва как ладони. Мириады больших и маленьких огней. На фоне фиолетового ночного неба фонари проспектов и огни в окнах казались лесными светлячками.

Гриша делово осмотрелся, подошел к краю крыши, свесившись, долго всматривался вниз. Надя близко к краю не подходила. Побаивалась высоты. Смотрела вдаль. В сторону Волоколамского шоссе. Пыталась разглядеть дом Чуприна.

— Значит, так! — весело прошептал Гришка. — Веревку я привязал к решетке, будешь страховать. А вот эту веревку, когда я три раза дерну, тяни на себя.

Гришка Распутин решительно сунул Наде в руки вторую веревку, чуть потоньше, но тоже очень крепкую, явно из синтетики.

— Зачем все это? — недоуменно спросила Надя. — Ты сказал, просто спустишься, отопрешь изнутри дверь и все дела.

— Так надо! — жестко сказал Гришка.

И усмехнулся. Странная эта была усмешка. Какая-то нехорошая. Недобрая.

Щуплый Гришка, несмотря на поврежденную ногу, ловко, как обезьяна спустился по веревке вниз. Надя на всякий случай крепко ее держала, страховала.

Через несколько томительных минут начала дергаться вторая веревка. Надя осторожно отпустила первую, потянула на себя вторую и довольно легко вытащила на крышу объемистую сумку. Буквально через мгновение на крышу выбрался запыхавшийся Гриша. Лицо его сияло.

— На кофе с какавой мы сегодня заработали! — прошептал он.

Гришка опустился на колени и начал с восторгом копаться в сумке. Вещей в ней оказалось много. Все

сплошь женские, очень модные. Кофточки, туфли, брюки, коробка из-под туфель с какими-то украшениями. Гришка, заходясь от веселого смеха, точнее, какого-то икания и взлаивания, перебирал в руках вещи. Некоторые даже нюхал.

Только тут Надя прозрела. Только в это мгновение поняла, что стала жертвой банального квартирного вора. Поверила на слово первому встречному, только потому, что он тоже из «Журавлика». Сходу влипла в преступление и как теперь выкарабкаться из этой пакости, неясно.

— Ах, ты, га-ад! — захлебнулась от возмущения Надя.

Она дико разозлилась. Больше на себя, чем на этого недоноска. Это надо же, быть такой доверчивой душой. Попасться на удочку для простаков, стать сообщницей самого подлого квартирного вора.

Гришка изменился в лице. Поднялся с колен и уставился тяжелым взглядом прямо в переносицу Наде. Такого взгляду его научил один профессиональный карманник. Редко кто, даже из мужчин выдерживал такой взгляд.

Надя выдержала.

Даже когда Гришка медленно достал из кармана нож и демонстративно начал им поигрывать, и тут не отвела взгляда.

— Мы с тобой теперь одного поля ягоды. Как иголка с ниткой, — угрожающе ухмылялся он, — Куда я, туда теперь и ты. Учти, рыжая...

И в это мгновение оба услышали приближающийся вой милицейской сирены.

— Ах, ты, гад! — повторила она.

Надя молниеносно, изо всей силы, въехала ему ногой туда, куда даже профессиональные футболисты опасаются попадания мяча. Сказались жесткие, подчас жестокие детдомовские ночные разборки, о которых воспитатели и педагоги даже не догадывались. Встречаясь со злом, бей первым!

Гриша охнул, схватился руками за живот и, широко раскрыв рот, медленно повалился на землю. Вернее, на мокрую от недавнего легкого дождя бетонную крышу.

— Сука-а, сука-а... Я тебя... замочу-у...

Гришка катался по крыше дома, выл, переваливаясь с бока на бок.

Надя схватила свою сумочку и побежала. По крыше. В противоположный конец здания. Там должен быть еще один люк. Так на всякий пожарный ее проинструктировал сам Гришка. Она ясней ясного понимала, через пару минут он очухается и бросится в погоню. Тогда ей несдобровать. У него нож.

«Только бы этот чертов люк был не заперт!» — пульсировала у нее в голове.

Люк оказался открытым. Надя нырнула в него с ловкостью цирковой акробатки. Кубарем скатилась по железной лестнице и, не дожидаясь лифта, прыгая через три-четыре ступеньки понеслась вниз. Все шестнадцать этажей, тридцать два лестничных пролета она одолела на одной дыхании. Наверняка, какой-нибудь мировой рекорд поставила. А то и в книгу рекордов

Гиннеса вляпалась. Но в те мгновения ей было не до мировых рекордов, не до Гиннеса. Только бы успеть выскочить из подъезда. Пока те, в милицейском УАЗике не сообразили и не перекрыли и дальний подъезд тоже. Только бы успеть.

Ей повезло. Относительно, конечно. Когда она выскочила из последнего подъезда, милицейский УАЗик, мирно урча, еще только к нему подъезжал. Разумеется, она не стала дожидаться, когда менты соблаговолят выбраться из машины и потребуют у нее документы. Паспорт, регистрацию и все такое. Надя сходу перемахнула через низкую железную ограду, продралась сквозь ровный ряд подстриженных кустов и, что есть сил, рванула по узкой асфальтовой тропинке. В сторону Окружной железной дороги.

Надя бежала.

Гулко стучало в груди сердце, гулко ухали подошвы кроссовок по теплomu асфальту, гулко гудел в ушах теплый весенний воздух. Надя бежала очень быстро.

Даже тренированные в забегах на длинные дистанции менты при всем желании не могли ее догнать. Дистанция между ней и двумя преследователями не сокращалась. Удача явно была на ее стороне. Уже подбегая к гаражам, раскинувшимся вдоль полотна всей Окружной железной дороги, Надя услышала впереди зловещий вой еще одной милицейской машины. Глаза на секунду ослепили фары еще одного УАЗика.

Ни секунды не раздумывая, Надя свернула направо и побежала по самой середине улицы, ведущей к Ленинградского проспекту.

Туда, туда, где ярко сверкали спасительные яркие огни большого города. На Ленинградском проспекте, даже ночью, полно народа. Легко затеряться среди прохожих. Можно и в проходящий троллейбус вскочить.

Надя стремительно бежала. По самой осевой линии.

Ах, какое это было поразительно красивое зрелище! По ночной Москве бежала, да что там «бежала», летела! Стройная, изящная рыжая девчонка.

Бегущая по мокрому асфальту!

Где вы, помощники тренеров сборной страны по легкой атлетике? В каких кустах засели со своими секундомерами? Почему не выходите и не мчитесь вслед за этой девушкой? А где вы, ассистенты режиссеров со знаменитого киноконцерна «Мосфильм»? Куда смотрите? В телевизор вы смотрите! Тупо глазеете в этот поганный ящик, а на реальную жизнь, порыв, полет, подлинное вдохновение наплевать! Даже обидно!

Длинноногая стройная девушка летела по ночной Москве, едва касаясь кроссовками мокрого асфальта. Развевались шлейфом длинные рыжие волосы... Нет, стоп! Не совсем. Вставали дыбом в такт стремительному бегу и светились рыжим нимбом вокруг головы ее короткие волосы!

Правда, если совсем честно, романтичность, порыв и вдохновение полета слегка портили милицейские сирены. Вносили ненужный диссонанс в гармонию.

Но все равно, было очень красиво!

Теплые весенние вечера на окраинах Москвы полны своеобразной прелести. В воздухе висит белесая дымка. Дышится легко и спокойно.

В такие вечера особенно хорошо работается. Можно распахнуть окно и когда на унылый двор наползут мягкие летние сумерки, самое время садиться за работу.

Чуприн давно заметил. Днем при ярком освещении не работаетя совсем. Хоть головой об стенку бейся. Со всем другое дело, раннее утро или поздний вечер. Достаточно сесть за стол и чуть прикрыть глаза, как весь реальный мир с его дрязгами, склоками, мелкими и ничтожными проблемами, куда-то отходит на периферию сознания, потом и вовсе растворяется.

В то раннее утро, (еще не было и восьми!), оторвал Леонида от письменного стола резкий телефонный звонок в коридоре. Чертыхнувшись, он поднялся с кресла, вышел в коридор и поднес к уху трубку.

Телефон был общего пользования. Потому стоял в коридоре на низкой неудобной тумбочке. Разговаривая, всегда приходилось наклоняться в три погибели. Если б у Леонида был свой личный персональный аппарат, он бы его всегда отключал на время работы. Заблуждение, что может что-то страшное случиться, если отключать этот зловредный телефон на время работы. Кстати, так многие его друзья и делают. Выдергивают из розетки шнур и полный покой.

— Да! — раздраженно сказал Чуприн в трубку.

— Леонид Чуприн?

— Да!

— Вас беспокоит дежурный из восьмьдесят шестого отделения милиции. Нами задержала ваша дочь Олеся Леонидовна. Вы не могли бы подъехать...

«Только этого не хватало!» — пронеслось в голове у него.

Через полчаса он топтался перед стеклянным окошком дежурного. Тот куда-то отлучился. Во всем отделении не было ни души. Тишина. Какая-то зловещая и неопределенная. Лучше бы уж сразу узнать, что сотворила Олеся. Убила кого-нибудь по нелепой случайности? Наркотики? Или еще что похуже? Хотя, что может быть хуже.

Вернулся дежурный по отделению. Мрачный и очень полный молодой человек. Даже строгая милицмейская форма ничуть не стройнила его, не подтягивала. Он хмуро бросил на Леонида недоверчивый взгляд и попросил предъявить паспорт. Долго сличал фотографию с оригиналом. Потом полистал другие странички. Очевидно, искал вписана ли Олеся в его документы? Он ли является отцом.

— Что она натворила?

— Сейчас все проясним... — кивнул дежурный, возвращая паспорт.

Он вышел из своего стеклянного кабинета и пошел по коридору. Леонид последовал за ним. Повернув за угол, они оказались перед обезьянником. Так в народе кличут камеру предварительного содержания задержанных по подозрению в нарушениях закона.

За толстыми железными прутьями Леонид увидел... Надю.

— Вот, полюбуйтесь! — строго сказал сержант.

Надя смотрела из-за решетки на Чуприна весело и вызывающе. И сидела на скамье, закинув ногу на ногу. Ситуация ее явно только забавляла.

Чуприн несколько секунд в растерянности молчал. Потом выдал из себя:

— За что она задержала? Что натворила?

— Было одно подозрение, но оно не оправдалось...

— нудно начал сержант.

— Тогда почему она за решеткой? — начал заводить Чуприн.

— Ваша дочь — несовершеннолетняя. В ночное время самостоятельно не имеет права разгуливать по улицам. На этот счет есть специальное постановление московского правительства. Сам Лужков подписал...

— Наплевать мне на вашего Лужкова!

— Это вы напрасно! — хмуро покачал головой сержант. — Он много полезного и хорошего делает для города.

— Знаем мы его дела!

— Вам бы лучше заняться воспитанием своей дочери. Критиковать начальство мы все мастера. В чужом глазу соломинку видим, а в собственном? — спросил сержант.

— Ему некогда! — подала голос из-за решетки Надя. Она с нескрываемым весельем наблюдала за перепалкой Чуприна с сержантом.

— Помолчи! — не глядя на нее, быстро сказал Чуприн.

— Судя по всему, вы недостаточно уделяете внимания дочери.

— Некогда ему! Он себе молодую любовницу завел! — наябедничала из-за решетки Надя. — На дочь наплевать. На меня совсем не обращает внимания.

— Мы с тобой дома разберемся.

— Очень буду рада! — огрызнулась из-за решетки Надя. — Наконец-то обратишь на меня внимание. У меня, между прочим, самый трудный возраст. Переходный.

— Ага, — кивнул Леонид, — От детства к старости. Я уже слышал.

— Что будем делать, товарищ родитель? — строго спросил сержант. — На учет надо ставить. Как ребенка из группы риска?

— Зачем сразу «группа риска»? — невольно заволновался Чуприн.

— Из неблагополучной семьи потому что. С одного взгляда видно. Вы человек творческой профессии...

— Эгоист, короче, — вставила из-за решетки свое слово Надя.

— Помолчи! — опять раздраженно бросил Чуприн.

И почему-то произвольно начал оправдываться перед сержантом.

— Никакой я не эгоист. Я между прочим, работаю, как ломовая лошадь. Сплю по четыре часа в сутки...

— А дочери что остается? По чужим гаражам шляться? — с вызовом спросила Надя.

— Почему по гаражам? — нахмурился сержант.

Он достал из кармана связку ключей и начал ковырять одним из них в замке. Замок ни в какую не желал открываться.

— Не обращайтесь внимания. Это она так, не подумав брякнула. — быстро сказал Леонид. И бросил пронзительный взгляд на Надю.

— Это я так. Не подумав, брякнула, — легко согласилась Надя.

Сержант между тем никак не мог подобрать ключи к замку. Пробовал тот и этот. Даже вспотел слегка. Но открыть дверь обезьянника не мог. Чуприн разозлился.

— Вы ее когда-нибудь выпустите или нет? — спросил он.

Сержант снял фуражку, вытер платком пот со лба и глубоко вздохнул.

— Выпустить — дело нехитрое. Вопрос — куда выпустить? — заявил он.

— На свободу! — с патетикой в голосе заявила Надя. — Свобода — осознанная необходимость. Каждый дурак знает.

Сержант наконец-то справился с замком. Он даже радостно улыбнулся. Очевидно, и сам не ожидал. Широко распахнул железную дверцу и жестом пригласил Надю выйти на волю. Надя выпорхнула из обезьянника пулей. И почти мгновенно оказалась в конце коридора. Ближе к выходу из отделения.

Чуприн с сержантом шли прямо на нее. Она улыбалась и, непрерывно делая реверансы, отступала к выходу.

— Значит, на первый раз протокол задержания составлять не будем? — зачем-то спросил у Чуприна сержант.

— Первый раз — прощается! — бросила Надя. Она уже приоткрыла дверь на улицу.

— Если еще раз попадетесь. В неурочное время. Будем решать по всей строгости.

— С непредсказуемыми последствиями! — понимающе кивнула Надя.

— Спасибо вам! — с чувством сказал Чуприн. И пожал сержанту руку.

— Не за что! — хмуро ответил тот. И добавил. — Присматривайте за ней!

Леонид вел свои старенькие «Жигули» быстро, жестко. Раздраженно тормозил перед редкими светофорами, резко бил по газу, как только зажигался «зеленый», быстро, не сбрасывая скорости, поворачивал в узкие переулки.

В районе метро «Сокол» их полно. Чуприн знал с десяток вариантов проезда на свой «Тайвань». Терпеть не мог Ленинградский проспект и начало Волоколамского шоссе. Даже утром пробки, гарь, вонь, духота. Всегда предпочитал ехать домой переулками.

Надя сидела рядом, закинув ногу на ногу, и весело поглядывала на него. Леониду стоило больших трудов, не смотреть на ее длинные ноги. И вообще. На нее. Он смотрел только прямо перед собой на дорогу.

Оба довольно долго молчали.

— Испугался? — весело спросила Надя. — Испугался, испугался...

— Зачем тебе это понадобилось? — наконец спросил он.

— Что? — чуть склонив голову набок, спросила она.

— То самое. Связываться со мной.

— Отвали-и! Так захотелось.

— Я старый, уставший человек...

Леонид и в самом деле в данный момент ощущал себя «старым и уставшим» человеком. У которого мало чего хорошего впереди.

— Ты девчонка. Ребенок совсем, — продолжал он раздраженным тоном, — Тебе хотя бы шестнадцать есть?

Надя поспешно кивнула головой. И опять весело улыбнулась. У нее было превосходное настроение. Ей казалось, старенькие «Жигули» стремительно летят над горячим асфальтом, совсем не касаясь колесами рытвин, ухабов и трещин. Она не чувствовала ни духоты, ни запаха бензина, ни шума надсадно гудящего мотора.

— Мне столько, сколько надо. В самый раз.

Леонид бросил на нее быстрый взгляд и еще крепче вцепился в баранку.

— Не хватало, чтоб меня привлекли за совращение малолеток! — пробурчал он.

— Опять испугался! — весело воскликнула Надя. — Я так и думала! Я тебя насквозь вижу! — строго добавила она. И секунду помолчав, еще строже объявила:

— Я не малолетка. Сама так решила. Сама тебя выбрала.

Леонид бросил на нее быстрый взгляд и возмущенно засопел.

— Да, да. Не удивляйся. Это я тебя выбрала. Вы мужчины, почему-то думаете, что вы выбираете. Ничего подобного. Всегда выбираем мы. Ты мне подходишь.

Леонид, вытаращив глаза, покачивал головой возмущенно сопел.

— Что молотишь!? Что ты молотишь, девчонка!?

— И не делай такие удивленные глаза. Можно подумать, для тебя это новость. Я тебя сама выбрала. Как увидела, сразу подумала: «Вот он!». Как Татьяна Ларина. «Он будет моим первым мужчиной! Я хочу именно такого!». Первый мужчина в жизни женщины — это очень важно и ответственно. А ты сильно испугался, когда позвонили из милиции?

— Подумал, Олеська что-то натворила.

— А когда меня увидел в обезьяннике?

— Мне уже бояться нечего, — опять раздраженным тоном бросил он.

— Я поняла, — язвительно сказала Надя, — Ты старый уставший молодой человек. Второй свежести. Талантливый, но невезучий. Ничего, теперь все пойдет по другому. Теперь у тебя есть я! — поучительным тоном, продолжала Надя.

Сидя рядом с Леонидом в дребезжащих «Жигулях», мчавшихся по узким переулкам, она, действительно, ощущала себя многоопытной расчетливой женщиной. Лет двадцати четырех. Никак не меньше.

Уже подъезжая к железнодорожному переезду, Леонид спросил:

— Чего ты хочешь?

— Вообще или конкретно? — уточнила Надя.

— От меня!

— Я тебя люблю! — просто сказала Надя.

— Чего ты хочешь?

— Хочу опять в твою роскошную ванную. Джакузи-и! — насмешливо протянула она. — Принять освещающий бодрящий душ. Потом завалиться в твою роскошную двуспальную кровать. С балдахином. И чтоб ты был рядом.

— Отвали! — неожиданно для себя брякнул Леонид. И добавил:

— Больше этого не будет. Никогда!

И разумеется, ошибся. Уже через полчаса они лежали на его несчастной старой рассохшейся тахте под одной только простыней. Тахта опять жалобно стонала, скрипела и повизгивала.

Они опять взлетали на гигантских качелях под самые небеса, и даже выше этих самых небес, в глубины черного космоса, и опять мгновенно возвращались, и опять стремительно падали в черную пропасть, чтоб в следующий миг опять взлететь, судорожно стискивая в объятиях друг друга.

Надя все время стискивала левую руку в кулачок и до боли закусывала костяшки пальцев. Только бы не закричать во все горло, только бы не застонать. Только бы не услышала, внезапно вернувшаяся соседка по коммуналке.

Время для этих двоих остановилось.

— Позор! Позор! — грохотала Лариса Васильевна Гонзалес, потрясая под головой белым листом бумаги.

Она стояла монументально, как статуя Свободы посреди своего кабинета. Ее голос разносился эхом по всем коридорам, комнатам и даже подсобным помещениям притихшего «Журавлика». Казалось, даже портреты Беллинского, Ушинского и примкнувшего к ним основоположника Макаренко на стенах кабинета в страхе зажмурили глаза и втянули головы в плечи.

— Позор!!

Грохотало неистовым громом и надвигающимся беспощадным ливнем над всей бескрайностью средней полосы России.

— Позор!!! Как это понимать? Что это такое?

Эхо того грома волной перекатилось через границы страны, пронеслось над притихшей Европой и, оттолкнувшись от гряды Альп и Пиренейских гор, значительное ослабевшее, но все еще угрожающее, покатилося над лесами, полями, многополосными шоссе и городами обратно, в сторону просторов нашей, действительно, необъятной и навсегда загадочной, которую умом не понять и все такое, Родины.

В кабинете на стуле перед столом сидела притихшая и значительно уменьшившаяся в размерах, что, кстати, ей было только к лицу, младшая воспитательница Нонна Юрьевна Шкаликова. Традиционно с красным носом и заплаканными глазами.

— Заявление об уходе, — скорбно сказала она. И всхлипнула. — Я некудышная воспитательница. Никто меня не слушается. Все от меня убегают.

— Ты не нашла Надю?!

Нонна отрицательно помотала головой.

— Чем ты занималась в Москве, в таком случае? Сначала исчезает Надя, потом исчезаешь ты! Я уже как таракан по стенкам бегаю!

Нонна Юрьевна достала из сумочки маленький блокнот, полистала несколько страничек. Все свои перемещения по столице она педантично записывала. Для последующего обстоятельного отчета.

— Я в общежитие, она в больницу. Я в больницу, она куда-то еще...

— Что она делала в больнице? — тревожно спросила ЛорВася.

— Аборт! — тихо произнесла Нонна Юрьевна. И покраснела.

— Кто, Надя?!

— Разумеется, нет! — искренне удивилась Нонна. — Как вы могли подумать. В больнице была Наталья. Она уже достаточно взрослая девушка.

— Это мне известно! Короче говоря, ты так их и не видела?

Нонна сначала кивнула. Потом отрицательно помотала головой. И опять понесла:

— Я в общежитие, они в больницу. Или на выставку. Я в больницу, говорят, только что были, обе ушли...

— Все понятно. Можешь не продолжать.

— Может, она просто влюбилась? — с надеждой спросила Шкаликова.

— Которая из них?

— Обе! — не успев подумать, брякнула Нонна.

— Опять с больной головы на здоровую!? Думаю, все значительно хуже! — отрезала Гонзалес. — Забирай свое заявление!

«Хотя, хуже уже некуда!» — подумала она. «Воистину, время разбрасывать камни, и время их собирать!».

8

...В четырнадцатом веке до Новой эры в Египте непосредственно само Время вело себя чрезвычайно своеобразно. То горячим арабским скакуном неслось вскачь, только минуты искрами вылетали из-под копыт, то ползло медленнее самой ленивой черепахи. Иные дни тянулись явно больше недели, другие мелькали быстрее взмаха ресниц.

Впрочем, египтяне мало обращали внимания на него.

Время текло само по себе, люди жили сами по себе. Строили речные суда и храмы, возделывали поля и добывали в горах руду, выходили замуж, женились, рожали детей и уходили в другой мир. В мир теней. И были убеждены, дети появляются тоже из того мира. Одни уходят, другие приходят. Это в порядке вещей.

И регулируют эти потоки сами Боги.

Каждое посещение Главного храма, хранилища папирусов, приносило Неф все новые и новые открытия. Она абсолютно четко поняла, в ее стране престолонас-

ледие передается исключительно по женской линии. Вот так! Но главным, все-таки, является фараон.

Во время самого последнего посещения храма, Неф сделала просто ошеломляющее открытие! Единственной законной наследницей трона фараонов является она, это ясно. Но чтоб взойти на трон она должна выйти замуж. И не за какого-то там, первого встречного. Она должна выйти замуж ...за Хотепа!?

Неф гнала свою маленькую колесницу по пыльных улицам Фив. Что есть силы хлопала бичом в воздухе и резвая кобылка неслась во весь опор. Прохожие в испуге шарахались в стороны и удивленно покачивали головами. Охранники-эфиопы, как ни старались, на своих неуклюжих, громоздких колесницах никак не могли угнаться за ней.

Эйе дал ей несколько уроков и, увидев как она ловко управляет с лошадью и колесницей, разрешил выезжать одной.

Неф все погоняла и погоняла свою резвую кобылку. И только когда уже последние жалкие пригородные лачуги остались далеко позади и колесница, свернув с дороги, выехала в открытое поле, она бросила поводья. Закрыла лицо руками, ссутулившись, уткнулась себе в колени и горько заплакала...

Подъехавшие охранники притормозили колесницы и, услышав рыдания подопечной, отъехали чуть в сторону, не решившись приблизиться. В конце концов в их обязанности входило оберегать ее жизнь, а не разби-

раться в тонкостях душевных переживаний юной девушки.

Резвая кобылка еще некоторое время топала по полю, замедляя шаг, потом, скосила глаза на хозяйку и вовсе остановилась. Долго и шумно фыркала, вздыхала. Потом принялась щипать молодую траву.

Неф, не поднимая головы, плакала. Еще никогда в жизни ей не было так больно и обидно. Плечи ее сотрясали уже не детские рыдания.

В тот же вечер у нее состоялось последнее тайное свидание с Эйе в маленькой беседке.

— Я все знаю... — с тоской в голосе, сказала Неф. — Я должна выйти замуж за Хотепа! Оказывается, он единственный сын последнего фараона Аменхотепа третьего.

Эйе кивнул. Но смотрел он почему-то в сторону.

— Но я не люблю его! — пожаловалась Неф. И уже со слезами в голосе, добавила. — Я люблю совсем другого...человека!

Неф подняла на него свои красивые глаза.

Эйе покраснел. С ним такого никогда не было. И быть не могло. Еще в далеком детстве Неф слышала, как он растолковывал Крикле, почему он просто физически не может краснеть. Вовсе не потому, что такой нахальный. Просто сосуды на лице у него так расположены. Ну, не может он краснеть, хоть тресни.

А тут... Все его лицо, до самых корней волос, покрылось красной краской, а на глазах появились слезы.

Он вскочил со скамьи и подошел к выходу из беседки. Но не ушел. Так и стоял, не оборачиваясь.

На сад стремительно опустились сумерки. Заверещали цикады. Казалось, весь сад заполнен только ими. Вокруг не было слышно ни звука. Только оглушительное верещание цикад.

— Запомни...Неф! — наконец сказал Эйе. — У тебя есть друг. Я всегда буду рядом.

— Ты мне не друг! — резко сказала, почти выкрикнула Неф.

Эйе очень долго молчал. Оглушительно верещали цикады, волнами накатывая по всему саду.

Во всем мире не было ни души. Только Неф и Эйе.

Неф сидела на скамейке, поджав ноги, и смотрела в пол. Эйе неподвижно застыл у выхода и боялся повернуться, чтоб посмотреть на нее.

Когда уже невозможно было дальше молчать, он тяжело вздохнул и, не оборачиваясь, проговорил глухим голосом:

— Есть еще двое-трое, на которых ты можешь положиться...

— Ты мне не друг! — повторила Неф.

Эйе словно не слышал. Или только делал вид, что не слышит.

— Очень надежные люди. Все были преданы твоему отцу.

— Ты мне не друг! — упрямо твердила Неф.

— Скоро тебе предстоит взойти на престол. Ты должна...

— Это когда еще будет... — уныло протянула Неф. При этом она как-то раздраженно передернула плечами.

— Это... — с ударением произнес Эйе. — ...произойдет раньше, чем ты предполагаешь. Как твой друг, предупреждаю...

— Ты не можешь быть мне другом!! — резко вскинулась Неф. — Ненавижу это слово!!!

Эйе помотал головой и стремительно выскочил из беседки. Из сада были слышны его удаляющиеся шаги по тропинке.

Неф порывисто вскочила со скамейки, подбежала в выходу и, глотая слезы, закричала в темноту сада:

— Ты мне не друг!!!

Но Эйе не вернулся. Неф медленно сползла на пол беседки и долго рыдала, вытирая ладонями слезы, непрерывным потоком льющиеся по ее красивому лицу. Даже вся в слезах она была прекрасна.

Наследнице трона фараонов было уже двенадцать с половиной лет.

Назначенный Верховными жрецами Временный наместник в Фивах, по сути, правитель всего Египта, за-немог. Уже не вставал со своего ложа. Не мог даже подписывать царские Указы, которые ему подсовывали жрецы. И неудивительно. Старцу было...ого-го!..сколько лет. Никто и не знал в точности, сколько именно.

Вызванный срочно врач Нахт, быстро осмотрел больного. Пощупал, постучал, тут и там, и ничего не сказал. Даже никаких лекарств не прописал. Уже на выходе

Верховные жрецы обступили его плотным кольцом и потребовали дать диагноз и прогноз.

Нахт только выразительно кивнул наверх. Мол, обращайтесь непосредственно к Богам. Это уже по их ведомству.

Сел в свою колесницу и уехал.

На следующий день Главный жрец, Панехси, собрал всех сановников у себя в Главном храме. Полагалось наиболее важные вопросы для судеб страны решать, якобы, всем вместе.

Высшие сановники не заставили себя долго ждать. Уже к полудню собрались в Главном храме. Кучковались перед лестницей, ведущей к большому жертвеннику.

И сразу разделились на две, явно враждебные друг другу, группы. Как-то так само собой получилось.

Одна группа состояла из самого Панехси, всех Верховных жрецов и жрецов рангом пониже. Маленький, лысый, щуплый Панехси, очевидно, чтоб хотя бы визуально прибавить себе значительности, справа и слева от себя постоянно держал двух слуг, еще более низкорослых. Со стороны эта троица производила довольно комичное впечатление. Эдакая надутая группа карликов. Она не внушала окружающим ни малейшего почтения или законного уважения.

Другая группа окружила Эйе и его сподвижников. В ней выделялись такие яркие личности, как начальник стражи Маху, хранитель печати и казны Маи. И другие, не менее влиятельные сановники и военачальники.

Они так и стояли друг против друга. Их разделяла только узкая полоска, ведущая как раз к лестнице, на которой перед жертвенником стоял, кем-то услужливо заготовленный трон.

Всех изумил зодчий Пареннефер. Его высокая, как жердь фигура, неожиданно появилась в проеме центральной двери и несколько секунд раскачивалась там будто от ветра. Постороннему могло показаться, Главный зодчий страны просто сильно пьян, но было заблуждением.

Во-первых, не было еще и полудня, а зодчий Пареннефер, хоть и пил ежедневно и в огромных количествах, начинал всегда исключительно после обеда.

Во-вторых, архитектор покачивался всегда, даже когда был абсолютно трезв, как стекла в его изумительном по красоте и легкости особняке, насквозь прозрачному и воздушному. Привычка у него была такая, своеобразная. Покачиваться с пятки на носок, с пятки на носок. Или из стороны в сторону, вправо влево.

Обычно на вопрос, почему он постоянно раскачивается, как одинокая сосна на ветру, Пареннефер отвечал:

— Так легче думается!

Чем озадачивал окружающих еще больше. Просто ставил в тупик. Впрочем, люди творческие, все слегка того... Не от мира сего.

Практически все храмы, здания и сооружения в Фивах были созданы по проектам Пареннефера. Он и вел себя в городе как в своей личной усадьбе. Мог запросто войти в любой дом и, не обращая внимания на

хозяев, упереться взглядом в потолок или какую-нибудь стену, покачаться несколько секунд, скорчить недовольную гримасу и, молча, выйти вон.

Главный зодчий никогда не примыкал ни к каким группировкам. Оно и неудивительно. Архитекторы народ творческий. Мыслят широкими категориями, историческими. Кем бы там не был новый фараон, храмы, дворцы и личные усадьбы ему тоже понадобятся. Стало быть, без Пареннефера никак не обойтись.

Пареннефер был лучшим из лучших. Это признавали даже его недруги, все остальные архитекторы Фив. Возможно потому, осознавая свою исключительность, он никогда не занимался политикой.

Пареннефер, покачавшись в проеме центральной двери положенное время, решительно кашлянул, явно чтоб обратить на себя внимание, и твердым шагом направился к Эйе.

Встал рядом с ним плечом к плечу. И даже раскачиваться перестал.

Присутствующие разом поняли, это серьезно.

В это мгновение на ступеньки лестницы поднялся Главный жрец Панехси. В контрасте с маленьким ростом и худощавостью, он обладал низким и мощным голосом. Но даже это не прибавляло ему солидности и внушительности.

Со скорбным выражением лица, он сообщил присутствующим:

— Нам всем вместе предстоит принять непростое, я бы даже сказал, судьбоносное решение! Возможно...

Панехси развел руками в стороны и горестно вздохнул.

— ...даже придется пойти на непопулярные меры, в отношении некоторых лиц, которые постоянно выступают против...

...Но тут вперед выступил Эйе. Он поднялся на ступеньки и встал рядом с Главным жрецом Панехси. Что само по себе уже было дерзким вызовом. Эйе, как минимум, был на три головы выше жреца.

Панехси хотел было продолжить, но Эйе мягко отодвинул его в сторону и решительно заявил собранию:

— Хватит передавать Верховную власть в стране из одних дряблых старческих рук в другие. Такие же старческие и дряблые! Египту сейчас как никогда нужна крепкая рука! Твердая власть!

Тут опять вперед выступил Панехси и, возвысив голос, заявил, чтоб никто из присутствующих не смел слушать этого бунтаря! Боги давно уже прокляли этого безбожника. И наказание его только дело времени!

Эйе опять мягко, отодвинул Панехси в сторону и громко заявил:

— Очевидно, в голове у Главного жреца завелись зловредные демоны, которые мешают ему нормально мыслить. Я могу помочь Главному жрецу. Могу сделать ему дырку в голове, чтоб зловредные демоны оттуда вылезли!

— Не слушайте его! — закричал трубным голосом Панехси.

Но Эйе тоже возвысил голос, а он у него тоже был отнюдь не писклявый, очень даже громкий. И повелевавший.

— Хватит кивать на Богов! — рявкнул Эйе во всю силу своих легких. — Боги дали нам, людям, законы! Пора начать эти законы соблюдать! Есть законная наследница трона! Царевна Нефертити! Все это отлично знают!

Эйе сделал шаг вперед и совсем загородил Панехси своей могучей фигурой. Голос его звучал под сводами храма, как гром небесный.

— Через неделю законная наследница выходит замуж...

Тут Эйе намеренно сделал долгую паузу.

Все затаили дыхание. Наступила оглушительная тишина.

— ...замуж за...сына Аменхотепа третьего. Как и положено по закону. За сына последнего законного фараона Египта!

Ответом ему было долгое молчание.

Эйе обвел тяжелым взглядом всех присутствующих. Особенно пристально он всматривался в лица сторонников Главного жреца, но ни один из них, даже сам Панехси, не рискнул что-либо возразить Главному начальнику конницы всего Египта.

В Фивах повсюду развернулись работы. Сносились скульптуры прежнего наместника, готовились постаменты для нового фараона и его жены. Как только чуть спадала жара, сотни строителей, скульпторов, просто

чернорабочих сновали по всему городу. Спорили до хрипоты, размахивали руками, кричали друг на друга и, конечно, на бесконечно ленивых рабов.

Ржание лошадей, щелканье бичей, мычание мулов...Словом, жители Фив надолго потеряли покой. И разумеется сон.

Неф застала скульптора Тутмеса за довольно странным занятием. Привязав к длинной палке яркую тряпку, он гонял ею по мастерской двух воробьев. Те явно не желали вылетать на улицу, ловко увертывались и перелетали под высоким потолком из одного угла в другой.

— Кыш, проклятые! Кы-ыш! — шипел Тутмес, яростно размахивая палкой. Он явно вошел в раж, даже не заметил появления Неф.

— Что ты делаешь? — удивилась она.

— Да, вот... Мерзавцы! — виновато пожал плечами Тутмес. И устало вытер со лба пот.

— Чем они тебе помешали?

— Извини, царица! Не виноват. Эти два мерзавца гадят на голову твоего избранника. Гадят и гадят. Я не виноват.

Неф посмотрела туда, куда указывал палкой Тутмес и весело засмеялась. Она увидела две внушительные монументальные скульптуры. Её и Хотепа. Голова Хотепа и впрямь была сплошь загажена воробьями. Ее скульптура отличалась девственной чистотой.

Неф продолжала весело смеяться. Тутмес был мрачнее тучи.

— Я не виноват! — еще раз повторил скульптор.

Неф внимательно осмотрела скульптуры. Она сама почему-то (!?) была похожа на богиню плодородия Исиду, Хотеп же больше смахивал на Эйе, чем на самого себя.

— Не годится. — со вздохом, сказала Неф.

— Почему? — изумился Тутмес. — По всем канонам...

— Плохо, что по канонам. — грустно сказала Неф. Посмотрела на Тутмеса и спросила. — У тебя на щеке что? Родинка?

— Знак гениальности. — скромно подтвердил Тутмес.

Неф кивнула и опять повернулась к скульптурам.

— А у них ничего нет. Почему? — наивно спросила она. — Ни морщинок, ни родинок, ни...даже веснушек. Они какие-то...уже мертвые! А я-то живая. И Хотеп живой. Мы не Боги. Мы оба живые люди. Сделай нас такими, какие мы есть!

— Народ не поймет! — убежденно сказал Тутмес.

— Народ...это ты...я...он... — Неф кивнула на скульптуру Хотепа. — Это Крикла...Нахт...служанки...все! Даже рабы, тоже народ.

Тутмес молчал. Подобное нельзя было произносить вслух. Но, как и все жители Фив, он уже почувствовал, надвигаются большие перемены. Впервые за долгие годы Тутмес улыбнулся и кивнул.

Уже на самом пороге мастерской Неф обернулась.

— Не обижай маленьких!

Она кивнула вверх, где под самым потолком на верхней полке стеллажа, нахохлившись, притаилась пара пернатых воителей.

Неф улыбнулась и помахала Тутмесу ручкой.

Аменхотеп и Нефертити сидели на тронах в красочных нарядах. Синий головной убор на Неф с вплетенной в него золотой коброй, из-под которого струились по шее две красные ленты, и жгуче-черный длинный парик только подчеркивали ее незаурядную красоту. На плечах царицы лежало разноцветное ожерелье из золота и самоцветов.

Хотеп держал в руках два символа власти: скипетр и плеть.

Чуть сзади Неф стоял Эйе. Рядом с Хотепом начальник стражи Маху. Справа и слева расположились, согласно субординации, остальные высшие сановники. Все в парадных одеждах.

Уже пора было начинать церемонию, но Эйе все медлил. Он стремительно ходил по залу и смотрел на группу сановников с разных точек. Его не устраивала общая композиция, она явно «заваливалась» вправо. Пришлось рядом с коротышкой Маху, поставить длинного, высокого зодчего Пареннефера. Для равновесия.

Музыкантши с систрами и многочисленные слуги замерли в напряженном ожидании. Эйе встал рядом с Неф и хлопнул в ладоши.

Толпа на центральной площади, ожидавшая торжественного выхода нового фараона и его красавицы жены из Главного храма, стала свидетелем незначи-

тельного, но неприятного происшествия. Седобородые старцы, старожилы Фив, помнившие назубок все приметы, сочли это дурным предзнаменованием.

Вся главная лестница была усыпана пшеничными зернами. Такой в Фивах был обычай, посыпать дорогу новобрачным зернами. Естественно, не обошлось без воробьев. Целая стая проворных пернатых расположилась на ступенях и пировала на ней с криками и стычками между собой.

Черный коршун, привычно паривший над центром Фив, внезапно камнем ринулся вниз и стайка воробьев на центральной лестнице рассыпалась в разные стороны по кустам. Только один, самый нерасторопный не успел скрыться. Вернее, это была Она.

Толпа любопытных, дружно задравшая головы вверх, успела заметить, как черный коршун схватил мертвой хваткой когтистых лап маленького воробья, и тут же, сильно взмахнув мощными крыльями, почти вертикально взмыл вверх. На головы любопытных, медленно кружась, опустились лишь несколько маленьких воробьиных перьев.

Наиболее внимательные успели разглядеть, как черного коршуна с пронзительным чириканьем высоко в небе преследовал второй воробей, но развязку этой маленькой драмы не видел никто.

На ступенях лестницы появились молодой фараон Аменхотеп четвертый и его красавица жена Нефертити.

Торжественный кортеж колесниц стремительно мчался по улицам. Первой шла парадная трехосная ко-

лесница, вся обтянутая кожей, украшенная позолотой и росписью, усыпанная драгоценными камнями.

Лошадьми правил сам Эйе. Нефертити и Аменхотеп стояли чуть сзади и приветствовали толпы горожан, высыпавших на улицы, несмотря на нестерпимое солнце и ужасающий зной.

Ремесленники и рыбаки, крестьяне с окрестных полей и слуги зажиточных вельмож, рабы всех мастей кидали под колеса колесниц цветы и кричали охрипшими голосами:

— Слава-а...Великому-у Аменхотепу-у...Сыну...Ра-а!!!

С противоположной стороны волнами накатывало:

— Слава-а...Царице-е...Нефертити-и-и!!!

На поворотах парадная трехосная колесница уходила далеко вперед и некоторое время мчалась в гордом одиночестве по пыльным улицам столицы. Стражники, соединив свои длинные копья в барьер, с трудом сдерживали ликующую толпу.

Основные торжества развернулись в поместье Эйе. Несколько дней специально нанятые плотники сколачивали праздничный стол.

Ах, какой знатный получился стол! Бесконечной длины, изящества и устойчивости. Чудо-стол! Произведение искусства. Его явно стоило занести в папирус рекордов Египта.

Начинался он у ступенек зала для торжественных приемов, тянулся через весь сад, плавно огибая широкой лентой пруды и беседки, и дальше, извиваясь, с не-

большими перерывами терялся уже где-то там, у хижин прислуги и рабов. Возможно, он не заканчивался и там.

Места хватило всем. Вина и угощений заготовили с расчетом как минимум на неделю. Десятки поваров, не покладая рук, в поте лица, пекли, жарили, готовили самые изысканные блюда и закуски.

Все поместье превратилось в гигантский муравейник, в котором служанки и повара бесконечно сновали по разным направлениям и, казалось, приготовления к свадебному ужину не закончатся никогда.

Но всему, как известно, приходит конец. Он, в свою очередь, является началом. Потому, тысячу раз правы седобородые старцы, старожилы Фив, когда, хитро прищурившись, вопрошают: «Где начало того конца, которым оканчивается начало?». В мире все взаимосвязано. Одно вытекает из другого, является началом и концом одновременно.

На ступеньках зала для торжественных приемов появился озабоченный, одетый в парадные одежды Эйе. К нему подбежал один из охранников и что-то прошептал на ухо.

Эйе кивнул и трижды громко хлопнул в ладоши.

Мгновенно во всем поместье наступила тишина. Был слышен даже лай собак, доносился из-за ограды с соседнего участка из поместья зодчего Пареннефера.

В этот момент к центральным воротам, одна за другой, начали подкатывать роскошно украшенные колесницы с гостями.

Все смешалось в поместье Эйе. Кто не пил, тот ел. Кто не делал ни того, ни другого, орал во все горло песни. Или танцевал. С кем-нибудь или даже в одиночку.

На коленях у многих подвыпивших мужей уже сидели служанки или чужие рабыни. А сами мужья не замечали или не хотели замечать, что их жены строят глазки или откровенно обнимаются с подчас вовсе незнакомыми мужчинами.

Отовсюду неслись звуки многочисленных музыкальных инструментов. Оркестры всю старались переиграть друг друга. Им вторили на все лады пьяные голоса. Вино лилось рекой. Все одновременно кричали и никто никого не слушал.

В самый разгар пиршества, Неф исчезла. Но никто не обратил на это никакого внимания. Все были уже абсолютно пьяны.

Через полчаса к Эйе, сидевшему в окружении друзей за центральным столом подошла служанка Неф и начала, выразительно вращая глазами, незаметными жестами отзывать его в сторону.

Эйе удивленно вскинул брови. В его доме прислуга такого себе не позволяла. Он хотел рявкнуть на нахальную служанку, но та продолжала вращать глазами, явно выманивая его из-за стола.

Эйе обвел глазами гостей. И не увидел Неф.

На почетном месте сидел только Хотеп. Подперев голову руками, он пьяными глазами смотрел перед собой в одну точку. За ним явно не уследили. Всем было известно, сыну последнего фараона Аменхотепа третьего нельзя спиртного. Ни капли.

Эйе вышел из-за стола, подошел к служанке. Та приподнялась на цыпочки и что-то прошептала ему в самое ухо. Эйе удивленно вскинулся, наклонившись, что-то быстро переспросил у нее. Служанка пожала плечами и растворилась в толпе гостей, которые, разбившись по парам, начали буйные танцы прямо у стола.

Эйе еще раз оглянулся по сторонам и быстро направился в самую удаленную часть сада.

На окраине поместья доживала свой век старая, заброшенная конюшня. Сюда со всего поместья стаскивали, пришедшие в негодность предметы. Чего здесь только не было!

Сломанная мебель, треснувшие колеса колесниц, горы стоптанных сандалий, кучи тряпья, оставшиеся после строительства плиты известняка и еще множество самого разнообразного хлама.

Посреди конюшни в рост человека почему-то возвышался стог сена, очевидно, кем-то из работников конюшен оставленный до лучших времен. Под потолком обитали дикие голуби. Их воркование Эйе услышал сразу войдя в конюшню.

Темень стояла беспросветная. Но Эйе сразу почувствовал, он здесь не один. Сделал пару шагов вперед и услышал тихий голос Неф.

— Я здесь...Справа от тебя!

Он повернул голову направо, но ничего не смог разглядеть. Услышал только прерывистое дыхание своей воспитанницы.

— Подойди ко мне!

— Что ты здесь делаешь, Неф? — шепотом спросил Эйе. Спросил и сам удивился. Он никогда, ни в каких ситуациях не разговаривал шепотом. Но сейчас...

— Протяни руку! Я совсем рядом!

Эйе вытянул руку. И тут же ощутил в ней холодную ладонь Неф.

И в это мгновение на поместье налетел ужасающий южный смерч. С завыванием, гулом и свистом, он закачал кронами деревьев, зашевелил кустами, разметал по праздничному столу салфетки, букеты цветов, опрокинул кувшины с вином, взлохматил старательно уложенные прически женщин и, с глухим воем, закрутил все видимое вокруг в каком-то неистовом и яростном хороводе.

Визг женщин, хохот пьяных мужчин, тревожное ржание лошадей в стойлах, мычание быков и коров, громкое пение музыкантов, все переплелось в невообразимую симфонию, которую никто из присутствующих никогда еще не слышал. Да и не мог слышать. Такой смерч встречается крайне редко. О нем вспоминают всю жизнь.

Такого смерча не помнили даже старожилы Фив, седобородые старцы. Хотя, если совсем начистоту, старожилы для того и существуют, чтобы чего-нибудь не помнить.

Над крышей заброшенной конюшни смерч кружил особенно рьяно. Гудел, постанывал, пел на разные голоса в стропилах и вскрикивал раненой чайкой в маленьких слуховых окошках.

Южный смерч стих так же внезапно, как и налетел. Гости начали приводить себя в порядок и, хохоча, показывали друг на друга пальцами. Вид у всех был далеко не торжественный.

Рабы и слуги опять засуетились, начали приводить в порядок праздничный стол. Появились кувшины, полные вина, новые, диковинные блюда. Оркестры с еще большим усердием грянули музыку.

Если б кто-то из многочисленных гостей или слуг, случайно забрел на окраину поместья, и в темноте наткнулся на старую заброшенную конюшню, то, подойдя поближе, он услышал бы голоса:

— Лягушонок! Прости. Я подлая тварь!

— Мой ласковый и нежный Эйе. Я люблю тебя! Любила еще до своего рождения...

— Отруби мне руку. Какую хочешь. Правую или левую. Пусть все знают, кто я такой...

— Буду любить, пока дышу...

— Подлая тварь. Нет мне прощения...

Голоса постепенно стихали, превращаясь в невнятное бормотание. Изредка только можно было расслышать счастливый девичий смех. Слава Богам, никому из гостей или слуг, в ту ночь и в голову не пришло шататься по окраинам поместья.

Все поголовно были захвачены водоворотом празднования свадьбы наследницы трона фараонов, несравненной красавицы Нефертити и ее молодого мужа, фараона Аменхотепа четвертого...

«Не волнуйся! Писал раньше, напишешь и теперь. Даже если ничего путного не выйдет из твоего исторического романа, тоже не трагедия. Ты ничего никому не должен. Не обязан ни перед кем отчитываться. В конце концов возможно, это просто не твой жанр. Отнесись в этому философски!» —уговаривал себя Чуприн.

Работа застопорилась. Никакого «философского отношения» не получалось.

Самое мучительное началось когда Надя и Неф, в его сознании начали сливаться в единое целое. Бред какой-то! Совсем распустились девушки. Что хотят, то и творят. Потом, не иначе по тайному сговору(?!), начали меняться местами.

Одна, в джинсах и дурацком свитере на голое тело разгуливала по Главному храму жрецов, как у себя дома, принимала посланников далеких стран и безаппеляционным тоном давала направо-налево указания слугам.

Другая, в длинных древне-египетских одеяниях, ежедневно объявлялась на «Тайване», в гаражном городке и тем же безаппеляционным тоном давала указания Чуприну, что, как и куда приколачивать на его судне.

Началось это когда? Где-то после второй встречи Чуприна с Надей? Или сразу после той ночи, когда он втащил ее в комнату через окно, а потом отволок в ванную. Или нет, еще раньше. Точно! Именно с момента,

когда она вылепила ему в лицо, что влюбилась. Да, да. Именно с этого момента и началась вся эта чертовня.

Чуприн уже не помнил, вся эта фантазмагория началась с момента их первой встречи. Их первого контакта. Когда Надя врезала ему бутылкой по голове. С этого момента все началось. Чем и когда закончится — неизвестно.

Чуприн уже начал путать, что говорила Неф, где когда и по какому поводу? Или это брякнула Надя? Уже в этой действительности? И где это все происходило? У него в голове или в той реальной действительности? Так недолго и с ума сойти.

На самом деле, эти фантастические «наплывы» и перемещения во времени были результатом самого банального удара бутылкой по голове. Что-то там слегка сместилось, что-то с чем-то закантачило и вот, пожалуйста!

Как известно, поэт в России больше чем поэт. Прозаик явно меньше. По сегодняшним временам только бизнесмен средней руки — в самый раз. Прозаику вообще жить на этом свете крайне трудно. Почти невозможно. Желательно, конечно, чтоб успешный прозаик был уже мертвым. Или чтоб внезапно и скоропостижно умер. На вершине популярности. Тогда моментально объявятся, как грибы после дождя группы поклонниц и, невесть откуда появившихся, никому доселе неизвестных друзей-единомышленников, о существовании которых никто даже не догадывался. И начнут еженедельно кучковаться по гостиным, Домам творчества и

прочим злачным местам. Вечера памяти, сборники воспоминаний, бескомпромиссная борьба за право обладания скандальными фактами из личной жизни прозаика. Словом, бесконечная созидательная морока, от которой покойные прозаики только успевают в гробах с боку на бок поворачиваться. Поклонники же зашуруют в какую-нибудь стену какую-нибудь памятную доску или даже бюст соорудят на малой родине прозаика, в Нижнем Уткинске. И все с чувством выполненного долга благополучно о нем забудут.

А пока жив, держись, прозаик! Стисни зубы, молчи и пиши. Утром, днем, вечером и даже ночью. И даже если вдруг навалится какое-то тревожное настроение и захочется куда-нибудь завяяться с друзьями-приятелями, в ресторан Дома литераторов или к кому-то в гости, а может и просто пошататься по улицам в толпе незнакомых и вечно озабоченных москвичей, выбрось из своей творческой головы эти подлые мысли и смутные желания! Садись за стол и работай!

— Мы писали! Наши пальчики устали! — зло бормотал Чуприн. Метался по своей тесной комнатке, как угрюмый зверь в зоопарке по клетке. Лохматил волосы и, поглядывая в маленькое зеркало на старом комоде, раздраженно хмурился. Когда не писалось, Чуприн самому себе категорически не нравился.

Когда не писалось, ему все виделось в мрачном свете. Он проклинал тот день и час, когда решился сесть за исторический роман.

К тому же занозой в мозгу сидела эта рыжая девчонка, которая трансформировалась в древнеегипет-

скую царицу. Ведь соплячка совсем, почти одного возраста с дочерью Олесей. Наверняка врет, что ей уже девятнадцать.

Что-то надо с этим делать! Дальше так продолжаться не может. Надо принять какое-то важное и ответственное решение. Насчет романа. И насчет Нади тоже.

Какое именно решение, этого Чуприн и сам не знал.

Наталья и Надя ждали Ефима Жигору у памятника Пушкину. Он почему-то всегда назначал встречи именно здесь. Более неудобного места в Москве не найти. С утра до вечера толчея, приезжие, местные попрошайки и свободного места для парковки машины ни за какие деньги не найдешь. Он предпочитал, чтоб его ждали именно у памятника Пушкину. Всегда опаздывал минут на двадцать. Особенно когда зависели от него. Шикарно подкатывал к тротуару, хотя в этом месте категорически запрещена даже остановка, высовывался из машины громко подзывал к себе очередного (ю) страждущего (ю). Так, чтоб видели и слышали все окружающие. Провинциальный артистизм и беспросветная жажда быть в центре внимания всегда отличали Жигору.

Наталья с Надей уже отстояли положенные двадцать минут. Жигоры не было.

— Девушки, милые! Как нам во МХАТ пройти?

Перед ними остановились две женщины среднего возраста. У каждой в одной руке по сумке, в другой по ребенку. Середина дня, но обе уже вконец замордова-

ны ритмами огромного города. Явно обе впервые в столице.

Надя стояла с каменным лицом. Наталья снизошла, пожалела провинциалок.

— Вам какой? Ефремовский или Доронинский? — снисходительным тоном поинтересовалась она.

Женщины растерянно переглянулись.

— Женский или мужской?

— Разве их два? — удивилась одна.

— У нас билеты на утренник, — пожаловалась другая.

— Там, где «Чайка».

— Сейчас в каждом театре «Чайка», — усмехнулась Наталья.

— Наташ! Не морочь людям голову! — не выдержав, вмещалась Надя, — Ефремов умер давным-давно. Там теперь Табаков всем заправляет.

— Помолчи, а? Стой и молчи!

— Девочки, милые, мы на спектакль опаздываем! — дуэтом взмолились женщины.

— Какой спектакль? — строго спросила Наталья.

— На «Синюю птицу», — опять дуэтом ответили женщины.

— Это к Дорониной, — уверенно заявила Наталья.

— По подземному переходу на ту сторону, — опять вмещалась Надя.

— По бульвару чуть пройдете, слева будет стоять урод...

— Какой урод? — испуганно спросила первая из женщин.

— Здание такое. Уродом в народе зовут.

— Спасибо вам, милые!

— Дай вам Бог женихов богатых!

И тут прямо в тротуару шикарно подъехал Жигора.

В машине Надя сидела на заднем сидении и недовольно хмурилась. В голову почему-то пришла странная фантазия. Она преступница, «Никита» из французского фильма, ее арестовали и теперь везут в тюрьму.

Никакого ощущения праздника не было.

Хотя она была спокойна. Олимпийски спокойна. Толпы конкуренток ее ничуть не волновали. Надя уже не раз и не два издали присматривалась к кастингам.

Толпы девочек школьного возраста и чуть постарше. Они осаждают приемные комиссии ВГИКа, ГИТИСа, школы-студии МХАТ. Они жаждут участвовать в конкурсах красоты, мечтают видеть свои фото на обложках модных глянцевого журналов. Они берут штурмом школы фотомоделей и рекламных агентств, которых расплодилось по Москве в последнее время, как сыроежек после обильного дождя. Они жаждут славы. И денег. Она, девочка из-под Волоколамска хочет только одного. Петь.

Их много. Их чудовищно много, их «тьмы, и тьмы». Она одна. Единственная и неповторимая. Но у нее есть то, чего нет ни у одной из них. У нее есть голос. Уникальный, посланный свыше Наталье. Она не одна. Их двое. Она и Наталья. Просто этого никто не видит. Не узнает, никогда не поймет. У них один голос на двоих. У них одна душа. Так распорядился кто-то там, наверху.

Значит, так надо. Так должно быть. Потому ей не страшны никакие конкурентки, никакие соперницы.

Пусть у них идеальные фигуры. Сто семьдесят пять, девяносто — шестьдесят — девяносто. Ни у одной нет ее голоса, ее таланта. Ни у одной не стоит за спиной Наталья, готовая отдать за нее жизнь, если понадобится. Потому и волноваться не о чем.

Жигора вез Наталью с Надей на кастинг.

Кастинг! Слово-то какое-то дремучее. Наде виделся какой-то бронтозавр или ихтиозавр из доисторических времен.

Ефим уверенно лавировал между машинами и, поглядывая на сидящих на заднем сидении девушек, говорил без умолку.

— Вы только не очень расстраивайтесь, если не получится. Это только один из возможным вариантов. Конечно, они мне кое-чем обязаны. Но боюсь, эта группа вам не очень подойдет.

Жигора пытался в зеркальце заднего вида разглядеть лицо Нади, у него ничего не получалось. Надя сидела, отвернувшись к окну, и смотрела на мелькавшие витрины магазинов. Она была абсолютно спокойна. Яркие броские витрины магазинов. Пестрая шумная толпа прохожих на тротуарах. Все как всегда. Надя ничуть не волновалась.

— Что это за группа? — спросила Наталья.

— Вокально-инструментальный ансамбль. «Ха-ха! Тушки!».

— Как называется? — не поняла Наталья.

— Так и называется, «Ха-ха! Тушки!», — на секунду обернувшись, ответил Ефим. — У них солистка в декрет ушла. Горят сразу несколько контрактов. Им, кровь из носа, нужна замена. У них сплошные гастроли.

Наталья выжидающе молчала. Надя, казалось вообще не прислушивалась к разговору. Равнодушно смотрела в окно. Будто это ее вовсе не касается.

— Я их сам на сцене не видел. Но отзываются о них неплохо. — почему-то извиняющимся тоном, продолжал Жигора. — Говорят, они делают, в общем-то, полезное и благородное дело. Катаются по отдаленным районам, новостройкам. Пусть вас это не пугает. Они и на московских площадках выступают. Не часто, но выступают.

И грянул кастинг! Никаких объявлений по радио и в газетах не было. Но толпы претенденток на одно единственное место солистки каким-то непостижимым образом пронюхали. Когда Жигора, свернул с Лесной улицы в узкий переулок и припарковал машину в тени раскидистой липы, около центрального входа в ДК им. Зуева уже кучковались несколько групп молодых девушек самого разного достоинства. Студентки театральных вузов, наглые школьницы из далеких провинциальных городов, певицы из областных хоров, мечтающие пробиться в солистки, выпускницы музыкальных училищ, аккомпаниаторши, домработницы эстрадных звездочек третьего разряда и просто фанатки, убивающие время перед очередной вечерней тусовкой.

Все они одновременно разговаривали, жестикулировали, сплетничали и беспричинно нервно смеялись.

— Купленную привезли!
— Почему, «купленную»? Продажную!
— Молчи, если не понимаешь! У них все везде куплено. Она и есть купленная.

— Видала, морда у любовника какая?
— Баксов, небось, наворовал. Черт на печку не вскинет.

— Ничего нам, девочки, тут не светит!

— А то! У них везде все схвачено, за все заплачено!

Надя слышала за спиной этот свистящий шепот, когда выходила из машины. Но не оглянулась, не бросила презрительного взгляда на кучку жалких неудачниц. Успела только подумать:

«Вам, девочки, лучше сразу в фанатки податься. Вам не обломится!».

— У этих все куплено!

— Чево зря время тратить! Пошли лучше в кафешке посидим.

Фатальное невезение началось еще до выхода на сцену. За кулисами.

Надя с Натальей шли прямо по коридору. Впереди была только сцена.

Далее произошло то, о чем бывалые актеры со страхом рассказывают друг другу только шепотом, с глазу на глаз. В самой дальней гримерной.

Надя споткнулась на непривычно высоких туфлях и упала на колени. Сломала левый каблук. На ровном месте.

— Спокойно! Все под контролем! — мгновенно среагировала Наталья.

Любой артист как «Отче наш» знает. Сломанный каблук перед выходом на сцену, страшнее страшного. Ужасней ужасного. Хуже только внезапно севшие связки. При этом бывалые актеры обязательно постоянно плюют через левое плечо. Все равно не помогает. Если сломал (а), левый каблук перед выходом на сцену, а еще, не дай Бог, перед премьерой, перед просмотром или дебютом, пиши пропало. Сливай воду, суши весла и все такое. На своей карьере можешь со спокойной совестью ставить крест. Ничто тебя не спасет. И никто уже не поможет.

Надя не верила ни в какие приметы. Про некоторые из них просто не знала. Потому наплевала на сломанный каблук и двинула на сцену решительной походкой восходящей звезды эстрады. Правда, когда она споткнулась и упала на колени, из левого глаза, (вдобавок к каблуку!!!), выпала линза. Говорят, такое просто не может случиться. Исключено. С Надей случилось. Кто-то там наверху решил крепко ей поднасолить. Линза выпала из левого глаза и укатилась куда-то... по полу. Далеко-далеко...

Не станешь же ползать за ней, как за клубочком с нитками из детской сказки.

— Наплевать! — решительно сказала Наталья и на эту подлость, — Не бери в голову! Ситуация под контролем!

Если бы только это! Еще когда Надя сидела на коленях на грязном полу и провожала взглядом вдаль катившуюся линзу, перед ее носом по диагонали прошептал наглый огромный черный кот. Не прав был Ми-

хаил Афанасьевич когда утверждал, коты бегают с вороватым видом. Ничего подобного. Этот шествовал презрительно и брезгливо оглядывая все вокруг. Особенно брезгливо он поморщился глядя явно на Надю.

Какие еще нужны знаки судьбы? Какие намеки и подсказки? Умеющий глаза, да увидит. Имеющий мозги, сообразит.

Дамы! Господа! Не относитесь так наплевательски, с таким небрежением и снисходительным высокомерием к очевидным знакам судьбы. Они, (там, наверху!), нам доброго хотят. Поверьте на слово предыдущим поколениям звездочетов, астрологов и прочих прорицателей. Они не даром ели свой трудный хлеб. Оставили нам в наследство огромные неисчерпаемые богатства знаний. Глупо ими пренебрегать.

Но девочка Надя из-под Волоколамска именно наплевательски отнеслась к этим самым знакам. Подзуживаемая своей подругой, она поднялась с колен и, гордо вскинув голову, направилась на сцену.

Наталья твердила ей вслед:

— Ситуация под контролем!

Надя кивнула и сделала вид, будто ей все эти намеки и знаки по барабану. Она отряхнула колени, поправила прическу и двинулась вперед! Только вперед!

Надя Соломатина вышла на сцену!

Наталья стояла в глубине сцены. Незаметная, крайне сосредоточенная. Если б какая-то из конкуренток смогла бы одновременно заглянуть в глаза обеим девушкам, она была бы потрясена. Глаза подруг в это

мгновение светились каким-то странным светом. В них пульсировали ритмы космоса.

Их слышат только избранные. Эти странные обрывки, наплывы неведомых мелодий и непривычных ритмов, доселе никогда, ни на каких музыкальных инструментах не звучали здесь, на этой голубой планете.

Счастлив тот, кому довелось хоть единожды в жизни услышать эти божественные звуки и ритмы. Трижды счастлив тот, кому выпало хотя бы отчасти их воспроизвести.

Надя Соломатина вышла на сцену!

Короче, Надя так и выперлась на сцену. Хромающая на одну ногу! С торчащими во все стороны рыжими лохмами! Один глаз жгуче-вишневый, другой серозеленый! Но очень решительная и мобилизованная. Готовая всех сразить и покорить.

Ведь никто не знал, не догадывался, за ее спиной за кулисами стоит Наталья. Никто не знал, у них в жилах вместо крови пульсирует музыка. Одна на двоих! Наталья — ее тыл, ее половина, ее Все! Она в любую секунду придет на помощь.

Надя вышла на сцену, победительно взглянула на приемную комиссию и отбросила в сторону второй туфель. Ее длинные ноги от этого ничуть не стали короче.

Приемная, точнее, отборочная комиссия состояла из трех девиц. Девичами их можно было назвать с большой натяжкой.

«Тушки!» оказались не какими-то тушканчиками, вполне увесистыми тушами. Каждая килограмм под девяносто. Все, как три капли воды похожи на актрису

Крачковскую Меж собой они различались только прическами. Точнее, париками. На одной белый, на другой, соответственно, черный. На третьей разноцветный. С желтыми, красными и синими прядями. Отпад!

Или точнее, полный отстой!

Несколько секунд трое в зале, одна на сцене оценивающе рассматривали друг друга.

Судя по всему, «тушки» и не такое выдвигали. Ни одна из них и нарисованной бровью не повела при виде Нади. Более того. «Тушки», склонив к друг другу головы, начали переговариваться между собой. Вполголоса, но достаточно внятно и отчетливо. С посылом в сторону Нади. Изредка даже визгливо похихатывали. Очевидно, это был их стиль.

— Что за чучело?

— Ты меня спрашиваешь?

— Кто ее привел?

— Может, послушаем сначала?

— Зря время тратим.

— Почему такая невезуха в последнее время? Нет, за что нам такое?

Наконец, все трое, перестав шептаться, одновременно выпрямились и откинулись на спинки кресел. «Три толстяка» Юрия Олеши.

— Ты чего такая тощая? — без затей спросила Черная.

— В детдоме совсем не кормят? — уточнила Белая.

Обе посмотрели на Надю с искренним сочувствием. Будто ее вывезли из Освенцима и представили им для диагноза, будет она дальше жить или окочуриться?

— Девочки, девочки! — вступилась за Надю третья, Разноцветная, — Чего вы на нее набросились? Может, ей так лучше. Сейчас модно быть вешалкой? Верно я говорю?

Она даже подмигнула Наде. Явно намекая, что у нее есть перспективы.

Надя не поняла никаких намеков.

— Я не вешалка! — мрачно сказала она. — Мне моя фигура очень даже нравится.

— Глаза почему разные?

— Так задумано, — отрезала Надя.

— Чем будешь удивлять?

— Талантом! — с вызовом ответила Надя.

— Да ну!

— Много его у тебя? — с усмешкой спросила Белая.

— На двоих в самый раз! — непонятно ответила Надя.

Непонятно для «тушек». Для нее с Натальей все очень даже понятно. Просто и естественно.

— Ну, давай! Удивляй! — пробормотала какая-то из «тушек».

Для начала Надя выдала по несколько куплетов из шлягеров телепередачи «Старые песни о главном».

Она обвела «Ха-ха-тушек» оценивающим взглядом и подняла глаза чуть повыше. Стала смотреть куда-то вдаль, поверх их голов.

«Ну, держитесь! Хи-хи, хо-хо, тушки!».

И Надя Соломатина запела:

«Вот кто-то с горочки спустился...»

Наверное, милый мой идет...»

Она чуть прикрыла глаза и увидела небольшую покатуемую горку, возвышающуюся над светлой рекой... По довольно крутой пыльной дорожке к реке спускался... Леонид Чуприн... Он нес на плече несколько обструганных досок и приветливо улыбался... И подмигивая, показывал Наде в сторону реки, на берегу которой, покачиваясь на миниатюрных волнах, стояло древнеегипетское судно...

«На нем защитна гимнастерка...

Она с ума меня сведет!».

Потом Надя без паузы выдала знаменитую некогда «Одинокую гармонь» на слова незаурядного, к сожалению сейчас почти забытого поэта Фатьянова.

И естественно опять перед ее мысленным взором на тихих улочках сонной деревни с гармонью в руках возник... Леонид Чуприн.

«Снова замерло все до рассвета,
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь,
Только слышно на улице где-то,
Одинокая бродит гармонь...»

Честно говоря, не очень вязалась эта самая деревенская гармонь с обликом насквозь городского человека Леонида Чуприна. Но в восприятии Нади не было никакого несоответствия. Все очень органично сочеталось.

«Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даешь?».

Третьим номером без перерыва Надя, не глядя на «Тушек», не беря в голову их реакции, исполнила, ни много, ни мало, «Элегию» Масне. Акапелло! Всем из-

вестно это прекрасное произведение в исполнении Федора Шаляпина. Надя явила миру свой вариант.

«О-о! Где же вы, дни любви...

Сладкие сны, юные грезы весны...»

Над полутемным залом ДК им. Зуева звенел чистый, сильный и высокий девичий голос. Он слегка дрожал, выпевая высокие ноты. Было в нем что-то такое... что не может оставить равнодушным самое черствое сердце.

«Все унесла ты — любовь!

Ты — солнца свет, и мечты, и...»

Где-то в середине исполнения, еще не подойдя к кульминации, Надя услышала в полутемном зале... смех. Она сделала крохотную паузу и в это мгновение отчетливо услышала. Из зала, действительно, доносился смех.

«Тушки» смеялись. Одна из них, кажется, самая противная, Черная, даже сдержанно похохатывала, закинув голову назад.

Надя на полуфразе замерла. Остановилась. Поднесла к глазам ладошку и, загородившись ею от лучей прожекторов, нещадно лупящих прямо в глаза, начала всматриваться в зрительный зал.

«Тушки» смеялись. Белая — сдержанно, прижав к пухлым щекам пухлые ладошки. Черная — нагло и вызывающе, как-то даже зло, откровенно зло. Разноцветная — как-то невразумительно и заискивающе подхихкивала подругам.

«Тушки» опять склонив головы друг к другу, переговаривались уже в полный голос.

- Пещерный век!
- С какого дерева она слезла?
- Кто ее привел?
- Ты меня спрашиваешь?
- Нет, девочки! В ней что-то есть. Надо брать. Подучим малость и... сойдет.
- С ума спрыгнула?
- Как хотите, мне она нравится.
- Ясно. Тебя теперь на девочек потянуло?
- «Тушки» громко хохотали. Открыто, не сдерживаясь. И не глядя на Надю.
- Разумеется, Надя не выдержала. Громко и выразительно, как ей показалось, кашлянула. «Тушки» на мгновение замолчали.
- Что, собственно, вас так веселит? — сдерживаясь, спросила Надя.
- Рыжая! Ты не обижайся! — отсмеявшись, сказала Белая. — Но уж больно ты какая-то... нескладная!
- Это почему? — все еще сдерживаясь, спросила Надя.
- Ты куда пришла?
- Собралась сеять разумное, вечное? Нести в массы высокое и чистое? Тебя, небось, неверно сориентировали...
- Тебя кто привел? Жигора? Тоже, нашла себе консультанта, посредника...
- Вам нужна солистка? — с вызовом спросила Надя. — Да или нет?
- Ну, допустим, — усмехнувшись, сказала Белая.

— Ну-ка, спустись в зал! — распорядилась Черная.
— Давай поговорим по душам.

— Постояю. Мне здесь удобнее, — мотнула головой Надя. Но все-таки подошла к краю рампы.

— Ты человек не без способностей. Только...

— Ты не туда попала! — отрезала Разноцветная.

— Думаешь, мы чистым искусством занимаемся? Не-а! Мы бабки зашибаем. Искусство оно там... — махнула рукой куда-то далеко в сторону Черная. — Мы рылами не вышли. А ты, видать, нацелилась завоевывать эстрадный Олимп?

— Взять мы тебя, конечно, можем. — поддержала ее Разноцветная. — Только ты, видать, девушка адресом ошиблась. Мы даем концерты в основном в тюрьмах и военных гарнизонах, поняла, рыжая? Контингент у нас специфический. И репертуар, сама понимаешь, тоже. Ты хоть «Мурку» наизусть знаешь? А «Шумел камыш»? А эту? «Когда качаются фонарики ночные... И все на улице бояться выходить...». — с чувством пропела она и, усмехаясь, уставилась на Надю.

— Вообще, ты сама-то как? С блатным репертуаром знакома? — рассудительно начала выяснять Черная.

— Мы без блатняжки и на кусок черного хлеба без масла не заработаем.

— Запомни, рыжик! — материнским тоном добавила Белая, — Искусством в шоу бизнесе и не пахнет. Кто быстрее и больше, тот и лучше. Кто успешнее, тот и талант.

Из зрительного зала на Надю смотрели три пары пустых выпученных глаз. Три рта, три распахнутые пасти изрыгали сиплый смех.

— Если настаиваешь, мы тебя возьмем...

Дальше «Тушки» продолжали разговор уже между собой. На Надю почти не обращали внимания. Изредка только обращались с вопросами.

— Тощая она очень.

— Задницу мы ей наростим. Пиво со сметаной. Три раза в день. Через неделю станет пышкой. Это я беру на себя.

— Не пью пиво! — вмешалась со сцены Надя. Громко и отчетливо.

— Придется, если хочешь на сцену.

— Если хочешь с нами работать...

— И одеваться придется по-другому...

— И переспать кое с кем, если понадобится. Ты, небось, давно уже не девочка. Так что, не ломайся. Тебе предлагают работу...

— Что-о!? — сморщившись, переспросила Надя. — Переспать!?

— Для дела, рыжик, для дела! — материнским тоном успокоила ее Белая. — Тебя ведь не убудет. Все мы через это прошли...

— А ты вообще-то, чего сама хочешь? — опять зло спросила Черная. — Большого и чистого? Слона в ванне?

— На елку влезть и не ободраться?

— Тебя кто привел? Жигора?

— Он тебе, небось, самого главного не сказал...

...Дальнейшее Надя почти не слышала. Как сквозь вату до нее долетали отдельные слова, восклицания, смех...

Она видела перед собой в зрительном зале отвратительные жирные физиономии, перекошенные от затаенной злобы рты, пустые глаза...

— Ты меня обманула! — кричала Надя в лицо Наталье за кулисами большой и пустой сцены ДК им. Зуева. Справа и слева маячили любопытные физиономии конкуренток. Но Надя их не видела.

— Ты меня предала! — кричала она уже со слезами в голосе, — Мы совсем о другом с тобой договаривались. О другом мечтали!

— Наденька! Надюха! Что с тобой? — пыталась успокоить ее Наталья.

Надя вырвала руку у Натальи и помчалась по длинному коридору. Вихрем пролетела по двум лестницам и выскочила прямо на улицу. Босиком. Без туфель.

— Держите ее! — орала ей вслед испуганным голосом Наталья.

Куда там! Удержать Надю не смогла бы даже дюжина тренированных охранников. Выбежав из дверей служебного входа, свернув за угол, она выскочила на проезжую часть и высоко подняла руку. Глаза у нее слезились, все вокруг было как в тумане.

Надя наклонила голову, вынула из глаза оставшуюся линзу и со злостью швырнула ее куда-то в сторону ближайшей урны.

Вслед за линзой над тротуаром, словно стайка голубей, порхнули несколько зеленых бумажек с портретами американского президента. Но ни один из прохожих на них не обратил внимания. Может быть, просто не видели, погруженные в свои бесконечные заботы и проблемы.

На проезжей части в самом центре Москвы стояла босая эффектная рыжая девушка. И голосовала. Никто из прохожих по-прежнему не обращал на нее и внимания. Подумаешь, босая! Ну и что? Может, ей так удобнее. По такому пеклу неудивительно.

Жара в центре Москвы в тот день и в самом деле стояла какая-то запредельная.

Пару раз около Нади останавливались какие-то машины, но одного взгляда на их владельцев было достаточно, чтоб брезгливо отмахнуться. Надя так и поступала.

Наконец с визгом остановилась потрепанная иномарка.

— Куда ехать, красавица?

Высунувшись из окна, спросил молоденький парнишка шофер. Явно подрабатывал на хлеб с маслом. Таких не стоит опасаться. Раз потрепанная иномарка, значит, просто бомбит парень, не уголовник.

— Начало Волоколамки!

— Сколько?

— Сколько надо, столько и получишь!

Надя плюхнулась на переднее сиденье и уставилась прямо перед собой в одну точку. Она по-прежнему находилась в состоянии близком к истерике.

Паренек поначалу попытался наладить контакт, но, видя, что симпатичная пассажирка не расположена, обиженно замолчал.

Город монотонно шумел, гудел, взревывал лошадиными силами и беспощадно отравлял окружающую среду выхлопными газами.

Подъезжая к метро Сокол, Надя приказала:

— В начале Волоколамки перед мостом направо!

Она по-прежнему широко раскрытыми глазами смотрела прямо перед собой. И явно ничего не видела. Молодой парнишка шофер только удивленно поглядывал на нее и кивал головой.

— Теперь через переезд! Вдоль домов, к гаражам...

Парнишка и на этот раз никак не отреагировал. Но напрягся. Если приказывают ехать в какой-то тупик, в безлюдное место или к гаражам, жди неприятностей.

— К гаражам? — переспросил он.

Надя не ответила, только подбородком указала направление.

Выехали на площадку со знакомой одинокой сосной. Надя, издали увидев Чуприна, на корточках сидящего перед своим кораблем, даже не стала дожидаться, пока машина остановится. Распахнула дверцу. Паренек шофер едва успел затормозить.

Она выскочила из машины и побежала к нему. Он, увидев ее, поднялся с земли и пошел навстречу. Даже издали разглядел, с Надей творится что-то неладное.

Она сходу бросилась ему на шею. И горько заплакала. Навзрыд.

— Гады! Гады-ы! Сволочи! Ненавижу-у! Всех ненавижу! — рыдала она, давясь слезами, судорожно обнимая Чуприна.

— Кто? Тебя не приняли? Почему? Ну... ничего, ничего...

— Гады! Они все против меня! Все против! Они все специально! Гады-ы! Сволочи-и! Ненавижу!

Чуприн крепко прижимал ее к себе. Осторожно гладил по волосам

— Успокойся, девочка моя! Не думал, что для тебя это так важно.

Так они и стояли посреди гаражного городка, сплетенные в крепкие объятия.

Оторвал их друг от друга протяжный гудок иномарки. Парнишка шофер, не вылезая из кабины, виновато развел руки в стороны. Мол, все вижу, все понимаю, но время деньги. Мол, неплохо бы и расплатиться.

Слава Богу, у Чуприна в карманах джинсов оказались несколько бумажек. Обычно бывало наоборот. Он осторожно освободился от Нади, подошел к машине и, не считая, сунул парнишке смятые купюры.

Парнишка взял их, расправил и удивленно поднял брови.

— Эй, шеф! Много даешь. Вполне и половины хватит.

— Купи себе мороженое, — пробормотал Леонид.

— Э, нет! Так не пойдет! — покачал головой парнишка. — У меня принцип. С клиента лишнего не беру.

Он отсчитал пару бумажек и почти насильно сунул из в руки Чуприна.

«Скажи-ите, принципы у него!» — пронеслось в голове Леонида. «Стало быть в нашем благословенном Отечестве еще не все потеряно!».

Водитель потрепанной иномарки медленно развернулся и уехал с площадки.

Когда Чуприн повернулся к своему детищу, Нади на площадке он не увидел. Будто сквозь землю провалилась. Чуприн подошел к катеру, оглянулся по сторонам. И услышал легкий шорох в полумраке своего гаража.

Он шагнул внутрь и тут же увидел ее, стоящей у стеллажей, кои всегда в наличии в любом гараже. У любого уважающего себя автолюбителя.

Надя стояла, прислонившись спиной к самому дальнему стеллажу и тихо по-детски всхлипывала.

Чуприн вошел внутрь, подошел к ней, осторожно обнял за плечи и притянул к себе.

— Успокойся, девочка моя. Все будет хорошо...

— Ты не понимаешь...

— Ничего, ничего... — бормотал Чуприн, — У тебя впереди...

— Ты ничего не знаешь!

— Успокойся!

Чуприн попытался встряхнуть ее за плечи и посмотреть в глаза. Но Надя только еще громче заплакала. Уткнулась ему лицом в шею и продолжала трястись в истерике.

— Гады! Гады! — всхлипывала она.

— Расскажи мне. Все подробно и спокойно. Я ведь ничего толком не знаю. Тебе надо выговориться. Станет легче.

— Ты не поймешь...

— Не такой уж я тупой.

— Долго рассказывать. Все очень сложно.

Сам того не ожидая Чуприн вдруг начал успокаивать Надю... совершенно иначе. Гладил по бедрам, целовал в шею, приводил ладонями по груди...

Надя вдруг вздрогнула и попыталась оттолкнуть его.

— Ты... что?! Совсем спятил?

— А в чем дело? — начал оправдываться он.

— Только одно на уме. Ты что, совсем ничего-ничего не понимаешь?

— Что такое непостижимое я должен понимать? — вдруг разозлился он.

Пригладил волосы и опять вплотную придвинулся к Наде. Крепко схватил и довольно грубо обнял ее. Надя попыталась отстраниться, не получилось. Он только все крепче и крепче прижимал ее к себе. Руки его заскользили вниз на ее телу.

— Не смей! — зашипела Надя. — Ты в самом деле ничего не понимаешь! Я ведь люблю тебя.

— Тогда тем более. Я что, не имею права? — тупо и жестко сказал он.

Какое-то время они, сплетенные в неестественные объятия, покачивались из стороны в сторону, едва держась на ногах. Потом оба не удержали равновесия и довольно неуклюже стукнулись об один из стеллажей.

Чуприн тут сильно прижал ее спиной к полкам. Сверху на них посыпались какие-то банки, картонные коробки, пустые полиэтиленовые канистры, мотки проволоки...

Одна из полиэтиленовых прозрачных бутылок с противным звуком покатила по деревянному настилу гаража, покачалась, туда-сюда, у самого порога и замерла. Остановилась точно на грани тени и солнечного света.

Надя с силой двумя руками оттолкнула Чуприн от себя.

— Тебе от меня только это надо, да? — яростно зашипела она. — Ты животное, да?

— Ой, вот только не надо, не надо, — пробормотал он.

— Ты ничего не понимаешь! Я люблю тебя, идиот!

— И не надо оскорблять!

— Ты ничего не понял.

— Где нам, дуракам, чай пить!

— Я люблю тебя, а ты...

Чуприн смотрел вслед Наде. Следовало бы догнать ее, остановить, вернуть, успокоить и все такое. Но он почему-то не сделал этого.

«Нефертити! Нефертити! Скушать финик не хотите?» — который день вертелась в его голове эта, то ли скороговорка, то ли вообще, непонятно что. Бред какой-то!

Бывает. Втемяшится в голову фраза из какой-нибудь пошлой песенки или строка из детского стиха, и сразу возникает ощущение, что наелся мухомора. А ни-

чего поделаться с собой не можешь. Вертится в башке эта откровенная глупость, перекачивается по извилинам, а из головы никак не вытряхивается. Хоть плач. Хоть беги в Склифосовского и требуй немедленной трепанации черепа и прочищения мозгов.

Надя стремительно протопала по асфальтовой дорожке и скрылась в зелени кустов.

10

...На следующий день Нефертити собрала «большую четверку». В свою резиденцию она пригласила начальника конницы Эйе, начальника стражи Маху, главного зодчего Пареннефера и хранителя печати Май.

Все собрались в точно назначенное время. Все, кроме Маху. Тот почему-то не пришел.

Неф страшно волновалась. Она подглядывала за взрослыми мужчинами из-за занавески и пыталась подслушать, о чем они будут говорить до ее появления...

Некоторое время сановники молчали. Настороженно поглядывали друг на друга, вздыхали, пожимали плечами. Все были явно не в своей тарелке. Первым не выдержал Хранитель печати и казны Май. Его сиплый голос можно было узнать из тысячи других.

— Жрецы совсем распустились! — рубанул он с плеча. — Половину налогов захапывают! Большую половину! — он выразительно поднял вверх указательный палец. Помолчал и многозначительно просипел, — Теперь спрашивается, на что содержать государство?

— Все подвалы Главного храма ломаются от золота и украшений. Я-то знаю... — сообщил Главный зодчий Пареннефер. — Нет, все хапают, хапают...

— У нас в Египте две беды! Жрецы и дороги!

Это уже Эйе не выдержал, поддержал разговор.

— ...Тромбовать надо! И тех, и других! — жестко закончил он. Эйе всегда был сторонником решительных действий.

— Новый храм опять хотят строить. — пожаловался зодчий Пареннефер. — Мало им десяти в Фивах. И все ремонта требуют. Я-то знаю. Нет, им еще новый подавай.

Вбежал запыхавшийся Маху, начальник стражи. Весь потный, маленький, круглый, как бегемотик. Те, кто видел его впервые, невольно улыбались. Казалось, Маху воплощение доброты и безобидности. Но те, кто знал его хоть чуточку ближе, были совсем другого мнения.

Маху был жестким, даже жестоким. Когда начинал злиться, лицо его краснело, потом багровело. Казалось, он вот-вот лопнет от ярости. Даже самый бесстрашный человек в Египте, великан Эйе, и тот, внутри опасался гнева этого маленького человека. Хоть тот и был ему по пояс.

Коротышка Маху в своем доме завел какие-то просто деспотические порядки. Три его законных жены, (одна крупнее другой!), ходили перед ним по струнке. Терпеливо соглашались с любой глупостью и постоянно кланялись до пола, что было уж совсем дикостью, свойственной только варварским племенам.

Самое поразительное, жены меж собой отлично ладили. Скандалы в доме Маху случались крайне редко. Но уж если происходили, отличались размахом и незаурядной громкостью. С криками, слезами и битьем кувшинов об пол и стены.

Обычно, на следующее утро, после побоища, местный гончар без приглашения прикатывал свою тележку к дому Маху с новыми кувшинам и блюдами. Каждый раз он появлялся очень во время, поскольку после подобных сцен, посуды в доме не оставалось вовсе.

Одержимый идеей о жестком порядке во всей Империи, Маху в своем доме давно внедрил военную дисциплину. По утрам все семейство, включая трех жен, детей, рабов, служанок и наемных работников, выстраивалось на переключку. То же самое вечером, перед отбоем. И горе было тому, кто на нее не являлся или просто опаздывал. Никакие оправдания в расчет не принимались. Маху наказывал всех направо и налево. И наказывал, негодяй, изобретательно.

Коротышка Маху любил поесть. Хорошо поесть. Но приглашать гостей терпеть не мог. Предпочитал в одиночестве наслаждаться кулинарными изысками своих поваров.

Стоило любому из домочадцев совершить малейшую оплошность, Маху сажал провинившегося на неделю на хлеб и воду. По истечении срока, ставил нарушителя перед своим необъятным столом и в его присутствии с азартом поглощал бесконечное количество блюд.

Отменялось наказание только когда провинившийся падал в обморок. Разумеется, служанки, рабыни или

жены, частенько симулировали голодные обмороки, но провести Маху было невозможно. Безошибочно распознав симулянта, он удваивал наказание еще на неделю. И так до бесконечности, пока провинившийся не осознавал проступок в полном объеме и не падал в обморок со всей ответственностью.

О подобном изуверстве начальника стражи Маху в Фивах рассказывали со страхом и возмущением. Все-таки, четырнадцатый век на дворе. Хоть и до Новой эры, но все-таки, не какие-то каменные джунгли.

Домашние Маху не роптали, принимали самодурство хозяина как должное. А женщинам, кстати, изредка поголодать только на пользу.

Справедливости ради, стоит заметить, никто из домашних Маху не отличался стройностью фигуры. Рабы и рабыни, охранники и служанки, все, как на подбор, были плотными, коротконогими, чем-то неуловимо похожими на хозяина. В толпе на улице домашних Маху можно было безошибочно узнать со спины. По походке. Все как один, переваливались с боку на бок, косолапили, как хозяин и вечно куда-то торопились. Иногда казалось, просто передразнивали походку хозяина.

Маху сходу начал рассказывать сказку, как он на своей колеснице застрял в канаве, и как чьи-то, вконец обнаглевшие рабы, отказались его толкать. На том основании, что они, якобы, не понимают по-египетски. Эту сказку он рассказывал каждый раз, когда опаздывал. А опаздывал он всегда. И все ее знали наизусть.

— Любопытно, чьи это рабы? — вопрошал Маху. —
Надо разобраться! Разгуливают по городу. Одни, без
надсмотрщика. Рожи у всех наглые...

Все дружно закивали головами. Действительно, с
рабами давно пора разобраться.

И тут из-за занавески вышла Нефертити.

Прямо на ходу, еще не дойдя до трона, Неф произ-
несла фразу, которая станет стержнем ее поведения на
годы вперед. Эта фраза еще долго будет передаваться
из уст в уста по городам и провинциям Египта. Неф про-
изнесла эту фразу абсолютно будничным тоном, чем
повергла четырех взрослых, искушенных в жизни муж-
чин, в настоящий шок.

Нефертити сказала:

— Наш фараон Аменхотеп в ближайшее время бу-
дет занят поиском египетской национальной идеи, ко-
торая сможет объединить нашу бедную, раздираемую
противоречиями страну.

У четырех мужчин одновременно отвисли челюсти.
Откуда им было знать, что Неф несколько дней готови-
лась к встрече и репетировала эту фразу много раз. С
самыми разными интонациями.

Неф остановилась посреди зала у трона и подняла
глаза.

— Он будет редко показываться на людях!

Четверо сановников вышли из оцепенения и друж-
но, понимая закивали головами.

— Все необходимые вопросы будем решать мы...с
вами!

Неф хлопнула в ладоши. Мгновенно и бесшумно появились слуги и поставили четыре удобных скамейки сзади каждого сановника. Так же мгновенно и бесшумно исчезли.

— Прошу садиться!

Никто из мужчин не двинулся с места. Было неслыханным оскорблением, даже преступлением, сидеть в присутствии фараона или его жены царицы.

— Царица Египта Нефертити не просит дважды! — угрожающе зазвенел голосок Неф.

Мужчины с осторожностью и неловкостью, готовые в любой момент вскочить, присели на скамейки. Затаили дыхание.

Неф некоторое время походила взад-вперед, держа руки за спиной. Потом, сильно выдохнув, присела на маленький трон, сцепила руки на коленях. Трон специально успели сделать чуть меньшего размера, чем обычно. Неф прекрасно смотрелась на его фоне.

Сзади стояли два охранника-эфиопа. Всем было известно, они ни слова не понимали по-египетски. При них можно было говорить совершенно откровенно, не таясь.

— Вот! — чеканя каждое слово, начала Неф. — Несколько декретов нашего фараона Аменхотепа, сына Бога солнца Ра, властителя всего живого в Египте! Декреты подлежат немедленному исполнению!

Неф впиалась своими зелеными глазищами в начальника стражи Маху. Почему-то именно в него. Отчего тот даже заерзал на своей скамейке и начал нервно подергивать головой.

— Бог солнца Ра недоволен жрецами! Фараон Аменхотеп, выполняя волю Бога солнца, отца своего, постановляет...

Мужчины затаили дыхание. Голос Нефертити окреп. Становился все более и более твердым. В нем появились жесткие нотки.

— ...Из десяти храмов Верховных жрецов...девять закрываются...Всем Верховным жрецам в Фивах запрещается покидать свои дома...До особого распоряжения...Молебны, утренние и вечерние, разрешается совершать только в своих жилищах...

Кто их сановников тихо охнул. Зодчий Пареннефер сильно закашлялся и никак не мог остановиться. Только Эйе прекратил его мучения, крепко стукнув кулачищем по спине.

Нефертити продолжала. Ее голосок все набирал силу.

— ...Все ценности из храмов Верховных жрецов, золото и украшения...переходят в казну фараона Аменхотепа, Бога солнца Ра, властителя всего Египта...

Неф ненадолго замолчала. Обвела взглядом всех мужчин, сидящих перед ней. Каждому посмотрела прямо в глаза.

— И последнее! — уже совсем тихо произнесла Неф.

Немного помолчала, собирая последние силы. Потом, трянув головой, сказала громко и отчетливо:

— Фараон Аменхотеп, сын Бога солнца Ра, властитель всего живого в Египте, отменяет жертвоприноше-

ния рабов и животных! Отныне жертвоприношения будут только...цветами и фруктами!

Один из охранников-эфиопов выронил копье. Оно со звоном покатилося по каменному полу и укатилось куда-то за трон.

А все были уверены, эфиопы ни слова не понимают по-египетски.

Нависла тягостная пауза.

Нефертити слегка повернула голову в сторону охранника и чуть заметно кивнула. Перепуганный эфиоп, на цыпочках, подошел сзади к трону, с превеликой осторожностью поднял свое копье и, втянув голову в плечи, опять встал на свое место. Казалось, он вовсе перестал дышать. По его лицу ручьями катился пот.

— Для начала...достаточно! — неожиданно веселым голосом заявила Неф. И трижды хлопнула в ладоши.

Мгновенно появились слуги. Так же мгновенно сановники вскочили со своих скамеек. Прием был окончен.

Мужчины уже пятились спинами к выходу и непрерывно отвешивали царице почтительные поклоны, когда Нефертити, едва заметным жестом руки, приказала начальнику конницы Эйе остаться.

Эйе повиновался. Остальные сановники исчезли.

— Ну! — спросила Неф, как только они остались одни.

— Что? — не понял Эйе. Он действительно, не понял. Или только делал вид, что не понимает.

— Посади меня на колени и скажи «Солнышко»!

Эйе отрицательно замотал головой.

— Садись! — властным тоном приказала Неф. И жестом указала ему на скамейку.

Эйе еще энергичнее, и даже как-то испуганно, помотал головой.

— Я приказываю! — совсем грозным голосом сказала Неф.

— В присутствии царицы имеют право сидеть... — начал бубнить он заунывным голосом, но Неф резко прервала его.

— Садись!!!

Эйе оглянулся по сторонам и, глубоко вздохнув, осторожно опустился на скамейку. Неф подошла и моментально уселась к нему на колени.

— Ну! — повторила она.

— Что? — опять не понял Эйе.

— Поцелуй меня!

— Невозможно...богиня!

— Богиня-а... — разочарованно протянула Неф. — А за спиной называешь меня «лягушонком». Мне докладывают...

— Ни-ког-да! — твердо заявил Эйе. И даже стукнул себя кулаком в грудь. Грудь загудела, как барабан.

— Знаем, знаем...Мне докладывают... — настаивала Неф. — Между прочим, сам говорил. Боги такие же, как мы, только лучше. Значит, ничто человеческое им не чуждо.

Неф сидела у него на коленях, цепко держала его руками за плечи и сверлила своими зелеными глазами. Эйе не выдержал и улыбнулся.

В сопровождении эфиопов, Неф быстро шла по длинным коридорам Главного храма. Поворачивала, то налево, то направо. И когда она, уже спустившись по лестнице, оказалась почти у выхода на улицу, дорогу ей загородил начальник стражи Маху.

Он неожиданно вышел из-за колонны, что-то пряча за спиной. И выглядел он как-то странно. Бегал глазами, застенчиво улыбался.

Неф подумала, сейчас он достанет из-за спины букетик нильских лилий и начнет объясняться в любви. Ей теперь постоянно кто-нибудь объяснялся в тайной любви.

Но Маху достал из-за спины свернутый в трубочку папирус.

— Вот...царица! — сильно выдохнув, пробормотал он. — Посмотри в свободное время!

Маху неловко сунул ей в руки папирус и быстро пошел прочь. Потом еще быстрее вернулся, почти подбежал, и прошептал:

— Насчет...жертвоприношений...ты перегнула...царица!

Маху опять застенчиво улыбнулся и быстро скрылся за колонной. Неф с любопытством развернула папирус и прочла написанное крупными иероглифами... «Как нам обустроить Египет!».

Неф покачала головой и, едва заметно, улыбнулась.

Ни один из жрецов не явился на торжества по случаю вступления на трон фараона Аменхотепа Четвертого. Ни один из них никак не выказал своего желания подчиниться новому правителю. Ни один из храмов не был закрыт. Молебны в них совершались, как и прежде.

Все население Фив разделилось на две половины. Одни откровенно ликовали и были готовы поддержать любые начинания молодого фараона. Возлагали к статуям его и царицы Нефертити каждый день цветы. Другие в страхе шарахались от статуй худенького, сутулого фараона с большой головой и отвислой нижней губой. Они никак не могли, да и не хотели принимать новых веяний.

Многие вообще не выходили из домов. Говорили, якобы, видели нескольких рабов, разгуливающих по торговым рядам, в явно нетрезвом виде. Будто, они дерзко и с вызовом смотрели в глаза каждому встречному. Обстановка в Фивах накалялась.

Неф пообещала «большой четверке» принять решение через три дня. Когда срок истек, она дала распоряжение Маху и Эйе силой привести жрецов в свой Главный дворец.

Стражники Маху и воины Эйе с особым рвением кинулись выполнять распоряжение. Они выволакивали жрецов из домов, везли на колесницах к Главному дворцу и силой вталкивали в Главный зал.

Когда были доставлены все до единого, в зал вошла Нефертити.

Она окинула взглядом кучку жавшихся друг к другу, испуганных жрецов и удивленно подняла красивые брови.

— Разве так приветствуют царицу Египта, жену великого фараона Аменхотепа, сына Бога солнца, властителя всего живого? — спросила она Эйе и Маху. И кивнула головой.

Стражники и воины тут же кинулись на жрецов. Заставляли силой падать ниц перед царицей. Особенно непокорных, они с усердием стучали лбами о каменные плиты.

Только Главный жрец, Панехси, остался стоять на месте. Его стражники и воины побоялись тронуть.

— Что позволено царице, не позволено жрецу! — спокойно сказала Неф, глядя прямо в лицо Панехси.

Эйе одной рукой опустил Панехси на пол. Тот плашмя растянулся на холодных каменных плитах.

Неф подумала и распорядилась:

— Поднимите его...До половины!

Панехси был мгновенно поднят. И поставлен на колени.

Некоторое время Неф молча бродила между распростертыми на полу жрецами, поглядывала на Панехси.

Потом Неф начала задавать вопросы. Ее тонкий, нежный голосок переливался колокольчиком под сводами Главного дворца. Она смотрела на Панехси чистыми, ясными глазами и наивно спрашивала:

— Разве хвост вертит лошадю? Разве копыта решают, куда лошади идти? Разве ноздри у лошади, что-

бы слушать, а уши, чтобы дышать? Разве ее глаза смотрят не туда, куда хочет ее хозяин, сидящий в седле?

— Может быть, старая кобыла забыла, в руках у хозяина большая плеть? И он может сменить старую капризную лошадь на молодого и преданного коня?

Неф подошла к Панехси вплотную, поднялась на цыпочки и сняла с него великолепный, расшитый золотом и драгоценными камнями, головной убор.

— Здесь жарко... — пояснила она окружающим.

Последний удар Неф нанесла, сделав перед этим огромную паузу. Пот градом струился по лицу и шее Главного жреца Панехси.

Перед Неф стоял на коленях очень старый, больной, лысый человек. На какое-то мгновение ей даже стало его жалко. Но она тут же вспомнила...своих родителей...

Вот этот самый...старый и лысый человек...приказал...

Неф с большим трудом взяла себя в руки и, лучезарно улыбнувшись, продолжила свою речь:

— Может быть, Главный жрец стал настолько стар, что уже не понимает таких простых истин? Может быть, ему пора удалиться от дел и выращивать репку у себя в огороде?

Слово «репку» Неф произнесла особенно жестко. Прямо с откровенной злостью, четко выговаривая каждую букву.

С этого мгновения в Египте само понятие «выращивать репку» обрело угрожающий смысл. Его старались не произносить вслух.

— Молодой фараон может помочь Панехси...Фараон щедр. У него много плодородных земель. Фараон Аменхотеп может выделить Панехси несколько квадратных метров под огород...Где-нибудь на окраине Египта, чтоб Главного жреца никто не беспокоил...

Неф сделала знак рукой. Два воина подхватили Панехси под руки и поволокли на улицу. Там бросили в колесницу и под охраной отправили домой.

Всю дорогу до дома Панехси невнятно бормотал:

— Жрец в Египте, больше чем жрец...Я подниму народ...

— Народ за Панехси...Бойтесь египетского бунта, бессмысленного и беспощадного!

Но его никто не слушал. У дома Главного жреца поставили двоих стражников. Им было приказано, никого не впускать и никого не выпускать. За исключением одной служанки, уже много лет прислуживающей Главному жрецу.

В тот же вечер Неф неожиданно вернулась из своего дворца в поместье Эйе. Она ворвалась в спальню Криклы, (та сидела на постели и расчесывала свои необъятные волосы), и бросилась ей на шею.

Крикла ничуть не удивилась. Отложила в сторону гребень, прижала к себе Неф и начала ее тихонько укачивать.

— Расскажи мне сказку... — всхлипнув, попросила Неф.

Крикла опять ничуть не удивилась.

— «В некотором царстве...в некотором государстве...» — начала она задумчиво. — «Жили-были...один нубиец со своею нубийкой...»...

11

Древнеегипетский корабль был готов к спуску на воду. Почти готов. Оставалось только покрасить белой краской. И нанести ватерлинию. Непременно голубой. Вопрос — где добыть эту краску? Не станешь же красить свое творение, рукотворную мечту какой ни походя водоэмульсионной бурдой. Ее тебе за бутылку могут набухать хоть ведро готовые на любой подвиг полупьяные маляры, ремонтирующие соседнюю школу.

Нет, все не так просто в этой жизни. Корабль, катер, пароход, каравеллу, корвет или шхуну, что угодно, любое водоплавающее следует красить специальной краской. Ее за так, за бутылку, за хорошее отношение не достать. Нужны деньги. И немалые. Денег, само собой, у Чуприна не было. «В одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи» — как говаривали наши веселые предки скоморохи.

Потому и задумчив был нынешним утром сверх всякой меры писатель и художник-иллюстратор Леонид Чуприн. К тому же роман о египетской царице Нефертити продвигался вперед крайне трудно и чудовищно медленно. Отставал от постройки судна. До финала, (в отличии от постройки древнеегипетского судна), было еще плыть и плыть. В смысле, писать и писать.

Да и рыжая Надя Соломатина, единственное светлое пятнышко в этом многотрудном периоде жизни куда-то запропастилась. Не кажет своих серо-зеленых глаз на «Тайвань». Где ее теперь искать? Чуприн так и не смог, хотя пытался неоднократно, выяснить ее адрес. Или хотя бы телефон. Словом, куда ни кинь, везде полный отстой, по выражению все той же рыжей Нади. Короче, невеселые мысли в разнообразных вариантах буравили бедную голову Чуприна в то прекрасное солнечное тихое утро.

То утро на «Тайване» было отмечено чередой неожиданных визитов.

Первой в гаражном городке на площадке перед кораблем возникла невзрачная девушка лет двадцати пяти. Глаза ее сверкали откровенной ненавистью. Несколько секунд она презрительно рассматривала Чуприна с ног до головы. Потом уселась на деревянный ящик, даже не смахнув с него стружку, достала из сумочки пачку и вызывающе закурила.

Чуприн вопросительно поднял брови, но не сказал ни слова. Каким-то десятым чувством понял, этот визит напрямую связан с Надей.

— Так и думала, что ты такой, — мрачно изрекла Наталья.

Разумеется, это была она. Кто же еще?

— Простите... вы?

— Наталья, — тем же тоном объявила она. — Надя наверняка говорила обо мне.

— А-а... — протянул Чуприн, — Да, да. Говорила. Часто о вас рассказывала.

— Где она?

— Сам хотел бы знать.

Наталья несколько секунд молчала, жадно затягивалась сигаретой.

— Здесь вообще-то курить не рекомендуется, — зачем-то брякнул Чуприн. От неловкости ситуации, не иначе. Сам ведь постоянно курил одну за одной.

— Знаешь, сколько ей лет? — жестко спросила Наталья.

Она еще раз глубоко затянулась и затушила сигарету о каблук.

— Догадался, — хмуро ответил Чуприн, — Не сразу, но догадался.

— Когда сделал из нее женщину?

— Зачем вы... так! — поморщился он.

— Она ребенок! Совсем еще ребенок! — повысила голос Наталья.

— Что вы от меня хотите? Сдать в милицию?

Несколько секунд она молчала. Потом сильно выдохнула и поправила прическу.

— Сначала хотела набить тебе морду. Теперь вижу, опоздала. Раньше надо было.

— Напрасно вы так... В том, что случилось между нами, нет ни моей, ни ее вины. Так выпала карта.

Наталья опять достала из сумочку пачку, вытащила из нее еще одну сигарету.

— Дай прикурить! — резко сказала она.

Чуприн порылся в карманах, нашел зажигалку, подошел к Наталье совсем близко, послушно дал прикурить. Вздохнул и присел рядом на соседний ящик.

— Вы что, поругались? — продолжила Наталья.

— Не знаю, — помотал головой он, — Скорее, не поняли друг друга.

— Где мне ее теперь искать? — зло спросила она.

— Не знаю. Ничего не знаю.

— Она ведь неуправляемая. Может выкинуть что угодно!

Опять долго сидели, курили, молчали. Мимо «Тайваня» промчалось уже по меньшей мере две электрички и три товарных состава. Они все молчали.

— Вообще-то, ей даже полезно было пройти через твои руки. Было бы хуже, если б кто-то другой...

Наталья неожиданно поднялась с ящика и, не отряхнув джинсы, не оглядываясь, и не прощаясь, решительной походкой покинула гаражный городок.

«Странная девушка!» — подумал Чуприн. «Зачем приходила? Чего хотела?». И усмехнувшись про себя, добавил. «Не странен кто ж?».

Вторым был визит какого-то полноватого типа в очках. Он вылез из своей шикарной иномарки и тут же, тяжело дыша, угрожающе двинулся на Чуприна.

«Кажется, бить собрался?» — промелькнуло в голове у Леонида. «Интересно-о!».

— Где ты ее прячешь? — сходу рявкнул толстяк.

— Не понял.

— Сейчас растолкую...

Толстяк, сжав кулаки, двинулся прямо на Чуприна. В его намерениях сомневаться уже не приходилось. Чуприн нагнулся, поднял с земли лежащий топор и, как бы между прочим, пару раз подкинул на руке.

Толстяк замер на месте. Маленькие глазки за стеклами больших очков быстро забегали, как у китайского болванчика. Явно соображал, что делать дальше.

— Ну да, ну да... — хрипло сказал Жигора.

Конечно, это был он. Ефим Жигора, собственной персоной. Наталья, ища Надю забила тревогу, затрезвошила во все колокола, подняла на ноги всех знакомых и полужнакомых. Жигора попал в список одним из первых.

— Так и думал. Ты весь из себя такой творческий, ни от мира сего, да? Видал я таких, во множестве. Решил, тебе все можно, да? — распаляясь продолжал Ефим.

— Вам что, собственно...

— Где прячешь Надю? — свирепо сказал Ефим Жигора.

— Ах, вон вы о чем... — облегченно выдохнул Чуприн. И жестко добавил — Вы ошибаетесь, дорогой. Она не предмет. И не моя собственность. Я ее нигде не прячу.

— Слушай ты, Лермонтов! Или как тебя там!? — сорвался на крик Жигора, — Я таких видал! И через плечо кидал, понял?! Я тебя могу в тюрьгу опечь в одну секунду, понял?! Достаточно одного телефонного звонка! Я человек влиятельный...

— Звони!!! — заорал в ответ Чуприн, — Ну! Чего вылупился? Доставай свой мобильный и звони! За меня не волнуйся, не сбегу. Уже чистую рубашку и сухари заготовил. Чего ждешь? Звони!!!

Далее между Жигорой и Чуприным состоялся стремительный интерактивный диалог. С вкраплениями слов, смысл которых ни один иностранец, хоть пополам треснет, не поймет. А на бумаге эти слова выглядят несколько несуразно. В кинофильмах обычно в подобных местах следует пояснение — «Непереводимая игра слов».

Велик и могуч, что там говорить. Ни в одном другом языке не найдется столько и таких витиеватых словосочетаний, гипербол и доморощенных фразеологизмов. Есть чем гордиться. Впрочем, это предмет особого исследования.

Жигора и Чуприн хватали друг друга за грудки. Пи-хались, толкались.

Диалог так же стремительно закончился, как и начался. На полуслове.

— ... мать!!!

— ... твою мать!!!

Несколько секунд двое мужчин ненавидящими взглядами сверлили друг друга. Кто кого пересмотрит. Как собачки. Кто выдержал взгляд, тот сильнее. Кто отвел, тот проиграл, тот слабак. Обязан подчиниться более сильному. Пещерные игры.

— Хочу дать тебе последний шанс, — сбавив обороты, пошел на попятную самый востребованный стоматолог в среде эстрадной тусовки Ефим Жигора.

— А тебе зачем Надя? — неожиданно весело спросил Чуприн. — Ты кто? Ее дядя? Брат родной? Кто? Я ведь таких как ты, тоже повидал. Насквозь вижу. И еще на два метра. Тоже на малолеток потянуло? У меня выгорело, ты позавидовал. Тебе не обломилось, надо отобрать у другого, так?

Вообще-то Чуприн никогда не разговаривал подобным пошловатым тоном. Теперь как-то само собой получилось. Сам не ожидал от себя такой прыти.

Жигора только удивленно таращился на него из-за больших очков.

— Надя моя! — жестко сказал Чуприн. — Понял? Не обломится тебе, дорогой. Где она, не знаю. Если б и знал, не сказал бы. Свободен!

— Это почему, не сказал бы?

— Свободен! — распорядился Чуприн. — Освободи проезжую часть.

— Слушай, писатель! Давай как мужчина с женщиной!

— Как голубые, что ли? — вставил Чуприн.

Но Жигора не понял юмора. Или просто не услышал. Он требовал:

— Я у тебя ее куплю. Сколько ты хочешь?

— Что-о!?

— Сколько хочешь баксов? С условием, оставишь Надю в покое. И передашь ее мне. С рук на руки.

— Ах, ты...

Чуприн изо всей силы врезал Жигоре кулаком в лоб. Тот отшатнулся, но тут же двинулся, как молодой бычок вперед.

Жигора опять попытался схватить Чуприна за грудки. Опять между мужчинами завязалась нелепая, бесполовая возня. Оба сопели, невнятно что-то вскрикивали, угрожающе рычали... Неизвестно чем бы все это кончилось...

Если б в это мгновение из-за кусов не выскочила... Нонна Юрьевна Шкаликова.

Наверняка, слышала весь разговор. Или хотя бы часть его. Разумеется, со свойственной ей прозорливостью и проницательностью, она все поняла с точностью до наоборот. Потому сходу кинулась с кулаками на... Жигору.

— Мерзавец! Негодяй!! Развратник!!! — трепеща от праведного гнева воскликнула младшая воспитательница Нонна Юрьевна Шкаликова.

И вlepила изумленному Жигоре увесистую пощечину.

— Подобных типов надо гнать из союза писателей! Гнать поганой метлой!

Леонид Чуприн захохотал. Громко и несколько нервно. Опустился на корточки и, обхватив голову руками, покачивался из стороны в сторону, всхлипывал.

Потом на него навалилось какое-то отупение. Он прислонился спиной к своему судну и долго смотрел прямо перед собой в одну точку. Он не слышал, о чем говорили меж собой Нонна Юрьевна и Жигора. Даже не обратил внимания, когда Жигора, после длительного выяснения отношений, галантно предложил младшей воспитательнице руку. И проводил ее до своей маши-

ны. Слегка встряхнулся только когда услышал хлопанье дверей и шум отъезжающей иномарки.

Он поднялся с земли, потряс головой и долго, мрачным недовольным взглядом рассматривал свое творение. В смысле, древнее египетское судно.

А еще через два часа Леонид Чуприн был уже пьян. Сидел на земле, опершись спиной о свое древне египетское судно, и, прикрыв глаза, едва слышно что-то напевал. Между ног его стояла почти пустая бутылка вина.

Он вообще не умел пить. Никогда не увлекался этим делом. Если случалось, быстро пьянел и вел себя крайне глупо. Так казалось ему на утро следующего дня. Потому выпивал он крайне редко. Сегодня был исключительный случай. Да и повод, как никак, был значительный. Все-таки завершение постройки судна.

Он пел себе под нос какую-то одному ему ведомую джазовую импровизацию.

— Привет!

Чуприн открыл глаза и улыбнулся. В первую секунду подумал, что это... мираж, воплощенная фантазия. Что ни покажется с пьяных глаз. Но это был не мираж.

Надя появилась на площадке перед гаражом, как всегда, не с той стороны, с которой приходили остальные. С противоположной.

— Какие люди... — начал Чуприн, но осекся.

Его поразило лицо Нади. Бледное лицо женщины-подростка, пережившей недавно сильное потрясение.

Стресс, иначе говоря. Обычно искрящиеся смехом сейчас ее глаза, смотрели на него строго и просто.

Такие глаза, полные печальной мудрости, какого-то иного знания, недоступного простым смертным, бывают у молодых врачей, впервые переживших смерть пациента, за которого боролись много дней и ночей. Редко кто задумывается, большинство не задумывается об этом вовсе, что испытывает молодой человек или девушка, недавно давшие клятву Гиппократу, потеряв первого своего пациента. Никто, только разве коллеги, понимают. В эти мгновения вместе с пациентом умирает и часть души молодого врача. Вот такие глаза были у Нади. Бездонные, полные взрослой печали.

— Я пришла попрощаться.

Чуприн вопросительно поднял брови, но не произнес ни слова. Ждал.

— Я тебя обманула. Мне нет еще и шестнадцати. Пятнадцать будет только осенью. Лучше нам не встречаться больше. Пока.

Чуприн понимающе кивнул.

«Так и думал!» — пронеслось у него в голове. «Хотя... не морочь себе голову, литератор хренов! Ты ведь, если не наверняка знал, то догадывался, чувствовал, не мог не почувствовать, что она совсем ребенок. Несмотря на всю ее взрослость и искушенность. Просто отгонял от себя эту мысль, трусил. Как в детстве. Зажмуришь глаза, не видишь страшного, значит его и нет вовсе».

— Присаживайся!

Широким жестом он пригласил ее сесть рядом с собой. Прямо на землю.

— Ты... пьяный?! — изумилась Надя. — Ты такой смешной!

— Обхохочешься! — подтвердил Чуприн. — Хлебнешь за компанию? Только прошу, не бей меня бутылкой по голове, хорошо? Очень больно, честное слово.

Надя подошла к Чуприну совсем близко, сняла с плеча сумку, медленно опустилась перед ним на колени.

— Что скажешь? — спросил он. — Чем порадуешь?

— Я тебя постоянно обманывала. Самой противно. У меня нет никаких родителей дипломатов. Я — круглая сирота. Я из детдома.

— Совсем никого? — тупо спросил он.

— Кроме Наташки, никого.

— Прости меня, девочка! Ты не виновата. Это я виноват. Кругом виноват. Такая моя планида. Я не имел права и пальцем до тебя дотронуться. Прости, если можешь.

Оба долго молчали. Смотрели друг другу в глаза и молчали.

Мимо «Тайваня» с грохотом пронеслась очередная электричка.

— Наверное, сама догадываешься, сейчас все как с цепи сорвались. — грустно усмехнулся Чуприн. — Жаждают крови! Возмездия! Жаждают нас с тобой наказать. Тебя пригвоздить к позорному столбу и закидать камнями. А меня вывалить в горячей смоле с перьями и под свист и улюлюканье, выгнать за ворота города. А за городской чертой забить до смерти плетьюми.

Надя молча, широко раскрыв глаза, рассматривала Чуприна. Будто видела впервые. Она и правда, в подобном состоянии раньше его не видела.

— Самое лучшее, это... нам с тобой... некоторое время... — Чуприн поднял вверх указательный палец. — ... не встречаться вовсе. Иначе нам с тобой... несдобровать!

Она медленно переместилась на землю рядом с ним. Прислонилась к нему, склонила голову ему на плечо.

Они долго, долго молчали. По крайней мере три электрички и два товарных состава прогремели мимо, они все молчали.

— Почему, почему? — неожиданно подняв вверх уже заплаканное лицо, воскликнула Надя. — Почему мы не можем быть вместе?

— Потому что я — голь перекатная! — вдруг заорал в ответ Чуприн.

Он неожиданно вскочил с земли и отшвырнул в сторону пустую бутылку. Он мгновенно завелся до такой степени, что уже вовсе не контролировал себя. Потрясая кулаками в воздухе, он швырял почему-то именно Наде в лицо непонятные слова. Они, эти слова, были совершенно не к месту.

— У меня нет собственного поместья в Фивах! И я не Главный начальник конницы всего Египта! Ты тоже виновата! Ты нафантазировала себе какую-то глупость! Так и передай этому своему Нахту! Уверен, это его происки! Старый интриган!

— Кто? — недоуменно переспросила Надя.

— Нахт, кто еще? — не иначе по инерции брякнул Чуприн.

В эту минуту он был явно не в себе.

— Ты... ты много выпил, да? — зачем-то спросила Надя. Просто так. Чтоб разрядить обстановку. Дать Чуприну возможность оправдаться, ухватиться за эту соломинку.

Чуприн вздрогнул, ошалело посмотрел на Надю. Потом помотал головой.

— Нет, я не много выпил. Не бойся. И дело совсем не в этом...

Чуприн бесцельно прошелся несколько раз по площадке перед гаражом. Взад-вперед. Лохматил волосы и что-то бормотал себе под нос.

— Кто такой Нахт? — осторожно спросила Надя.

— Извини. У меня это... затмение нашло. — пробормотал Чуприн. Но тут же раздраженно добавил. — Вы обе меня просто достали!

— Кто вторая? — спросила Надя, мгновенно сообразив, первой безусловно является она. Девушка из Волоколамска по имени Надя. Будущая звезда эстрады.

— Дочь или жена?

— Тебе это знать необязательно. Прощай, девочка!

Надя будто была готова услышать эти слова. Она быстро поднялась, одернула джинсы, поправила волосы, перекинула через плечо сумку.

— Ты на меня не злишься?

— За что? — изумленно спросил Чуприн.

— Я подставила тебя. Наврала, что мне девятнадцать. У тебя из-за меня одни неприятности. Извини, пожалуйста.

Чуприн подошел к кораблю, опять опустился на землю, спиной оперся о борт так, что лицо его оказалось в тени.

— Когда-нибудь... — прикрыв глаза, задумчиво сказал он, — ...мы с тобой поплывем на этом нелепом корыте далеко-далеко... Я знаю одно место... там есть удивительная теплая река... бесконечные песчаные отмели, прозрачная, как стекло вода... Людей там нет вообще... Можно плыть сутками и не увидеть ни одного человека...

Когда он открыл глаза, Нади на площадке перед гаражом уже не было.

12

...Обстановка в Фивах, да и по всей стране, продолжала накаляться. Все общество уже резко разделилось на два враждующих лагеря. Еще вчера добрые соседи и доброжелательные друзья, вдруг оказались по разные стороны баррикад. С ненавистью и злобой, одни проклинали молодого фараона и его «реформы», другие, с не меньшей непримиримостью, отрицали весь прежний уклад жизни.

Еще недавно, ночами Фивы были веселым и праздничным городом. Люди веселились, пили, пели песни, гуляли по широким улицам и любовались бесконечно-прекрасным звездным небом над их головами.

Сегодня же, с наступлением сумерек, улицы и переулки вымирали. В городе появились «лазутчики». Под покровом ночи, они врывались в дома мирных граждан и вырезали их целыми семьями. Не жалели никого, даже стариков и детей.

Стражники Маху изловили пару «лазутчиков», допросили с пристрастием в подвалах его ведомства. Выяснилось чудовищное... «Лазутчики» оказались переодетыми в гражданские одежды пешими воинами Рамеса!

Главный начальник всех сухопутных войск, военачальник Рамес никак не участвовал в борьбе жрецов против Аменхотепа с сановниками. Он был, вроде бы, над схваткой. В стороне. Но как выяснилось, нейтральных личностей в борьбе за власть, не бывает.

Да тут еще Сирия...Несколько отрядов до зубов вооруженных сирийцев перешли границу с Египтом и двигались по главной дороге, ведущей к Фивам.

Персональный пруд молодого фараона строго охранялся вооруженными эфиопами. Любой, посягнувший на его неприкосновенность, рисковал быть строжайшим образом наказанным. Бит плетью и посажен в холодный подвал без ограничения срока. Таковым был первый Указ Аменхотепа четвертого для внутреннего употребления.

Неф, противница всех и всяческих телесных наказаний, пыталась воспротивиться и отговорить молодого фараона от подобных жестокостей. Мол, никто и не собирается посягать на его персональный пруд.

Молодой фараон был непреклонен. В этом вопросе он стоял на жестких принципиальных позициях. Неф уступила. С того дня стражники-эфиопы отгоняли любого, попытавшегося приблизиться к пруду.

Каждый день в предрассветный час Хотеп сидел с удочкой на берегу своего пруда и едва слышно шептал:

— Погодите...Скоро все увидите...Я ее поймаю, тогда посмотрим, кто из нас слабоумный!

Кого именно хотел поймать молодой фараон, какой такой диковинный экземпляр, никто не знал. Все только плечами пожимали.

Неф опять собрала «большую четверку». На этот раз пришли только трое. По неизвестной причине отсутствовал Пареннефер.

— Царица! Нужно выслать навстречу сирийцам войско! Пока еще не поздно! — говорил взволнованный Эйе.

— И конницу! — поддержал его Маху.

Неф долго молчала. Видно было, она напряженно думает.

Наконец, когда уже нельзя было дольше молчать, сказала:

— Фараон Аменхотеп считает...достаточно и десяти конников!

Эйе, Маху и Маи дружно начали кричать и размахивать руками. Но понять их было невозможно, поскольку кричали они все одновременно.

Царица Нефертити подняла вверх руку. Троица замолчала.

— Фараон Аменхотеп решил. Готовьте десять лучших конников!

Маху и Маи низко поклонились и поспешно покинули резиденцию. Эйе остался стоять, где стоял. Он, нахмурившись, смотрел на Неф.

Царица Нефертити тоже долго смотрела прямо в глаза своему наставнику. Но в ее глазах Эйе не заметил и тени растерянности.

Тогда Эйе пожал плечами и спросил:

— Что будем делать с «лазутчиками», царица?

Неф поморщилась и ответила с брезгливой гримасой на лице:

— Придется ехать на поклон к Рамесу...

Помотала головой, совсем как Эйе, и, вздохнув, добавила:

— Прежде надо навестить врача Нахта. Я поеду одна! — поспешно добавила Неф, видя, что Эйе уже собрался сопровождать ее.

Эйе кивнул головой.

В тот же вечер, (вернее, уже была глубокая ночь), Неф переступила порог дома врача Нахта. Прямо с порога спросила:

— У тебя сохранился тот противный порошок, которым ты меня усыпил, тогда...Ну, помнишь!

Неф провела пальцем вокруг своего прекрасного лица.

— Помню, лягушонок! Ты лучшее мое творение.

— Много его у тебя?

— А сколько надо?

— Перестань отвечать вопросом на вопрос! — гневно сказала Неф. И даже топнула ногой. — Это невежливо!

Другой бы испугался. И даже упал бы на колени перед царицей всего Египта. Но врач Нахт только усмехнулся.

— Тебе уже понадобился яд? — поинтересовался он.

— С чего ты взял? — изумилась Неф.

— Фараон без яда, все равно, что павлин без перьев. Давай отравим всех жрецов! — обрадовался Нахт.

Он даже потер руки, как перед вкусным обедом.

— У тебя только одно на уме.

— Будь я фараоном, не удержался бы... Всех жрецов разом отправил бы в гости к Ассирису!

— Я никого не хочу убивать! Мне нужно другое!!!

Неф оглянулась по сторонам и понизила голос, хотя они были совсем одни в большом кабинете врача.

— Если кому-нибудь хоть слово... — тихо сказала Неф.

— Чтоб меня крокодил сожрал! — поклялся Нахт.

Неф подошла к нему вплотную и что-то долго шептала на ухо. Нахт и тут ничуть не удивился. Кажется, он вообще не умел удивляться. Он секунду подумал и кивнул головой.

Неф уже направилась к выходу, но, очевидно, вспомнив что-то очень важное, опять повернулась к Нахту.

— У меня еще одна просьба. — неуверенно сказала Неф.

— Слушаю тебя, лягушонок.

Неф вздохнула и решительно попросила:

— Разрешите дернуть тебя за бороду, Нахт?

Нахт долго молчал. Лицо его было непроницаемо.

— За что? — наконец выдавил из себя врач.

— За бороду. — уточнила Неф.

— Понимаю, что не за нос. Но за что?!

Нахт был явно возмущен, но сдерживался, хотя в уголках его глаз мелькали едва заметные искорки смеха.

Неф виновато пожала плечами.

— Очень хочется. Я тихонечко. — сказала Неф.

Вздохнула и добавила. — С детства мечтала.

— Нельзя! — категорично заявил Нахт.

— Тебе жалко, да? Для меня, да?

— Нет! — уперся Нахт.

— Почему? Я царица или не царица? — возмутилась Неф.

— Это унизит мое человеческое достоинство.

— А если очень-очень хочется?

Нахт глубоко вздохнул. Потом произнес каким-то почти трагическим голосом:

— Если нельзя, но очень хочется, то можно! Валяй, пока никто не видит.

Как именно происходило сие действие, останется тайной для последующих поколений. Свидетелей не было.

Уже на следующий день навстречу отрядам сирийцев выехали несколько повозок с кувшинами, доверху налитыми самым лучшим вином. Без охраны. Сирийцы

на радостях даже не стали убивать погонщиков. Всыпали по несколько плетей каждому и отпустили на все четыре стороны. Сами устроили привал.

Вино было, действительно, самым лучшим. Наверняка, из подвалов самого фараона. Целый день и еще полночи сирийцы пировали и горланили свои тупые гимны. Под утро уснули.

А когда проснулись, оказались, все до единого, без оружия и доспехов. Со связанными за спиной руками.

Оказалось, действительно, достаточно и десяти конников, чтоб проводить сирийцев до самой границы Египта.

Весь дом Рамеса был увит плющом. Спокойная, умиротворяющая обстановка. Отовсюду слышались женские голоса. У Рамеса было несколько жен, да еще он одним из первых в Фивах завел себе гарем, состоящий в основном из молоденьких пленниц.

Сам Рамес был весь какой-то, доброжелательный, спокойный.

— Вот ты какая...Не-фер-ти-ти! — улыбаясь, по складам, протянул он. — Много слышал о тебе хорошего...Хочешь фруктов? Сладостей? Бери, детка, не бойся!

Рамес даже сам взял со стола вазу и протянул ее Неф.

Неф молчала. Она давно усвоила важную и простую истину, «держи паузу!». Что бы ни случилось, держи паузу!

И Неф молчала. Смотрела на Рамеса спокойно и просто. И молчала.

И Рамес не выдержал. Он перестал улыбаться. Глаза его засветились недобрым огнем. Когда он уже отвернулся, чтоб поставить вазу обратно на стол, услышал за спиной.

— Царица Египта примет из рук доблестного воина даже чашу с ядом! Если понадобится!

Рамес резко обернулся. Все знали, и он знал, что все знали. Он никогда не был «добрестным воином». Он вообще не участвовал ни в каких битвах. Только отдавал приказы.

— Однако-о! — протянул Рамес. — Тебе, лягушонок, палец в рот не клади! Оттяпашь вместе с рукой, почище любого крокодила.

Неф повернулась к Эйе, стоявшему у нее за спиной. Она явно собралась уходить. Рамес сразу засуетился:

— Ну-ну! Зачем такие крайности! Мы люди мирные.

Неф резко повернулась к Рамесу, но взгляд ее был спокоен.

— Тогда усмири своих головорезов. Загони их обратно в казармы.

Рамес помолчал. Пошамкал губами.

— Это просьба?

— Приказ! — спокойно и просто сказала Неф.

— А если я откажусь его выполнять?

— Египет захлебнется кровью. Конники Эйе будут рубить твоих пеших воинов. Стражники Маху ночами будут втыкать им в спины свои ножи. Страна разделиться на два лагеря. — медленно, как привычную молитву говорила Неф.

И смотрела при этом на Рамеса абсолютно спокойным взглядом.

— То-то обрадуются все наши внешние враги, когда увидят Египет слабым и беззащитным. Раздираемым междоусобной войной. Ты этого хочешь?

Неф не стала дожидаться ответа. В этом уже не было смысла. Она сделала знак Эйе и они направились к выходу.

На пороге, прощаясь, Рамес не удержался, участливо спросил:

— Как продвигаются поиски общенациональной идеи?

Неф словно ждала этого вопроса.

— По завершении... — ласково сказала она, — ...тебя известят!

Уже на улице, помогая Неф подняться в колесницу, Эйе прошептал:

— Лягушонок! Я горжусь тобой!

— Ква-а! — едва слышно, жалобно протянула Неф.

Несмотря на очевидную победу, у нее было очень скверно на душе. Будто съела кусок сырого крокодила, по выражению врача Нахта.

— Раздавить бы тебя грязной сандалией...жаба-а! — шептал Рамес, приветливо улыбаясь и кивая вслед отъезжающей колеснице уже у ворот своего тенистого сада.

— Башку бы тебе отрубить, подлый прелюбодей! — шептала Неф, трясясь в колеснице за спиной Эйе. Прошептала и вдруг сама испугалась. Ей впервые пришла в голову подобная кровожадная мысль.

Как только колесница царицы отъехала от дома, из темноты вышел Главный хранитель казны Май. Встал рядом с Рамесом.

Тот, даже не взглянув на него, насмешливо протянул:

— Ты не прав, казначей. Она гораздо опаснее. Недаром украшением своего царского головного убора она выбрала кобру.

— Что делать? Уничтожить или падать ниц?

— Ни то, ни другое. — усмехнулся Рамес. — Сотрудничать!

— Я могу разорить царскую казну за неделю.

— Ты глуп, казначей. — отозвался Рамес. — Она поднимет на ноги всю страну и богатства уплывут из твоих подвалов напрямик в ее руки. А твоя голова не будет стоять и ничтожной бусинки.

Рамес повернулся и медленно, покачивая головой и чему-то усмехаясь, побрел к дому. Май догнал его у самого порога.

— Так что делать? — опять спросил хранитель казны.

— Сотрудничать! — с улыбкой ответил Рамес. — С врагами следует сотрудничать. Она очень популярна в народе. Народ ее любит. С этим нельзя не считаться.

Рамес вздохнул, посмотрел на звездное небо и спросил:

— Ходят слухи, у нашей несравненной царицы особые отношения с нашим доблестным начальником конницы? Что говорят в народе?

— Разное. — насторожился Май.

Рамес еще раз глубоко вздохнул, внимательно оглядел темное звездное небо, словно надеялся разглядеть на нем что-то еще, кроме звезд, и сказал задумчиво:

— Жизнь прожить, не Нил переплыть! Так-то, казначей!

Рамес повернулся и скрылся за занавесками своего дома.

Главный хранитель печати и казны Майи еще долго стоял в саду и напряженно ждал, но Рамес больше не появился. Из его дома доносилась тихая музыка и веселый женский смех.

Майи со злостью плюнул и скрылся в темноте.

Хотеп сидел на балконе своей спальни, прихлебывал вино из кувшинчика и смотрел на большой, равнодушный, ночной город.

С высоты балкона Фивы были как на ладони.

Бесшумно в спальне появилась Неф. Она долго стояла на пороге и смотрела в спину своего молодого супруга. Хотеп, почувствовав на себе ее взгляд, резко обернулся, вздрогнул, но ничего не сказал. Еще раз, как-то демонстративно, отхлебнул из кувшинчика.

Неф медленно подошла и присела рядом на скамейку.

— Ты слишком много и часто пьешь. — грустно сказала она.

— Когда выпьешь, все вокруг уже не так омерзительно. И я сам уже не кажусь себе таким...омерзительным.

— Ты вовсе не такой.

— Слабоумный фараон-чик! — с тоской сказал Хотеп. — Игрушка, которой управляют все, кому не лень.

— Всеми нами кто-нибудь управляет.

— Только не тобой! — резко ответил Хотеп. — Моего слабоумия хватает, чтобы понять...Понять свое место!

Хотеп с силой ударил себя кулаком по колену.

— Кто может так сказать, уже не глуп! — возразила Неф.

Хотеп не ответил, опять отхлебнул из кувшинчика.

— Тебе надо много читать...Я распоряджусь.

— Не смей со мной разговаривать, как с рабом! Я не раб! Да, я слабоумный! Не моя вина, что я родился таким. Но я не раб!

Кувшинчик выпал из рук Хотепа, упал на пол и разбился. Неф хотела было нагнуться, но Хотеп отпихнул его ногой. Только тут Неф заметила, что руки и ноги у него трясутся мелкой дрожью.

— Помоги мне! — резко сказал Хотеп. — Дойти до кровати.

Неф закинула его руку себе через плечо и, крепко держа за талию, осторожно отвела к постели, уложила. Присела рядом.

— Зачем ты вышла за меня? За такого...Хотела стать царицей всего Египта? Теперь довольна?

Неф ничего не ответила. Едва заметно, горько усмехнулась.

— Хочешь, я почитаю тебе вслух?

Неф, сидя на краешке кровати, слегка покачалась из стороны в сторону и начала тихим, чуть грустным тоном:

«Свершай дела свои на земле
По велению своего сердца.
Причитания никого не спасают от могилы,
А потому празднуй прекрасный день.
И не изнуряй себя...»

...На Фивы снизошло умиротворение. Исчезли «лазутчики», будто их ветром сдуло. В торговых рядах опять закипела бойкая жизнь. По Нилу заскользили легкие, прогулочные лодки...

Жители столицы постепенно смирились даже с закрытием девяти храмов. Выяснилось, такому небольшому городу, как Фивы, вполне хватает и одного.

Единственное, что вызывало их беспокойство, даже тревогу, так это скульптуры, поставленные Тутмесом и его помощниками в огромных количествах возле всех общественных зданий города. Сутулый, худенький фараон, с отвислой нижней губой, и его молоденькая красавица жена, смущали всех своей реалистичностью.

Крикла покинула Фивы незаметно, под покровом ночи. Забрала детей, уложила нехитрые пожитки в повозку и сама взяла в руки вожжи. Только ее и видели. Ни служанок, ни охраны с собой не взяла. Куда направилась, никто не знал.

Наутро одна из служанок доложила сгорающим от возбуждения подругам, якобы, провожал Криклу один

Эйе. Он стоял возле повозки, удерживая лошадей, нервно кусал губы и по щекам его катились слезы величиной со спелое яблоко. Что было наглой ложью. Эйе никогда не кусал губы, не имел такой вредной привычки, и уж тем более не мог плакать. Он был воин. А подлинным воинам не пристало выказывать свои чувства. Но служанкам очень хотелось, чтоб он непременно рыдал горячими слезами и просил у Криклы прощения.

Ничего такого не было и в помине. Прощание было коротким.

Уже держа в руках вожжи, Крикла посмотрела на Эйе сверху вниз и, усмехнувшись, сказала:

— Прощай! Ярый противник многоженства. Боги тебе судьи.

Эйе не смотрел ей в глаза. Хмурился, морщился и смотрел куда-то в сторону, хотя вокруг стояла беспросветная темень и разглядеть что-либо было просто невозможно.

Крикла дернула поводьями и повозка скрылась в темноте.

Все служанки сошлись на том, что Крикла очень сильная женщина. А Эйе просто дурак. Как впрочем и все остальные мужики.

Потом поговорили о том, что в Египте с приходом нового фараона ничего хорошего не наблюдается. Никакого прогресса. Да и откуда ему взяться, прогрессу-то, если у власти одно мужичье. Вот если бы вернули матриархат, тогда можно было бы на что-то надеяться. А так...

Перед рассветом на Фивы опять налетел ужасающий смерч. Не такой, как в день свадьбы молодого фараона, не теплый южный, а холодный северный. Множество крыш снес он с убогих хижин в пригородах города, покалечил множество плодовых деревьев в садах и парках. Некоторые вырвал с корнем и зашвырнул на самую середину Нила.

Говорили, он закрутил в своем яростном водовороте несколько нерасторопных куриц и даже, якобы, одного молодого теленка поднял в воздух и унес неведомо куда.

Наутро горожане вздыхали и усердно взывали к Богам, чтоб те смилостивились и больше не посылали на них своих проклятий в виде северного смерча. Им и так несладко. В стране назревают «реформы», а всем известно, в период реформ простым людям выжить не легко.

Старожилы Фив, седобородые старцы, опять заявили, они не помнят такого гневного смерча. Чем вызвали большое раздражение и недовольство среди остального просвещенного населения. Дескать, пора бы уж хоть что-то помнить. А если мозги плохо работают, их надо тренировать. Побольше есть сушеных абрикосов, они очень способствуют мозговой деятельности и улучшают память.

Седобородые старцы обиделись и надолго замолчали.

Последнее совещание «большой четверки» в Фивах Неф начала неожиданно для всех. Она заявила:

— Пока начальник стражи Маху выясняет с очередными рабами, кто должен толкать его колесницу из очередной канавы...

Пареннефер, Май и Эйе громко засмеялись. В это мгновение в зал влетел, как всегда, запыхавшийся Маху.

— Я почему опоздал... — начал он, утирая со лба пот.

Ответом ему был громкий смех. Для любого дела хорошее начало, когда трое здоровых мужчин весело смеются.

Среди трех мощных мужских голосов выделялся высокий, как колокольчик, один девичий.

Отсмеявшись, Неф сказала:

— Нам предстоят большие важные дела...

Она хлопнула в ладоши. Мгновенно появилась стайка писцов. Они опустились на пол и склонились над своими маленькими скамеечками, с папирусами и палочками в руках.

Неф смотрела куда-то вдаль, поверх голов сидящих сановников.

— Фараон Аменхотеп возвещает...в явлении нового Бога...по имени Атон! Новый Бог солнца Атон...властитель всего живого в Египте и его окрестностях...Богу Солнца Атону подчиняются все остальные Боги...Бог Солнца Атон справедлив и всемогущ...Для Бога Атона все равны...Фараон, являясь сыном Бога Солнца Атона...принимает новое имя!.. Отныне он...фараон...Эхнатон!

В зале стояла мертвая тишина. Было слышно только как скрипят палочки под пальцами писцов. Да усердное их дыхание.

Неф по-прежнему смотрела куда-то вдаль. Говорила спокойным, ровным голосом. В нем не было и тени сомнения или неуверенности.

— Фараон Эхнатон возвещает...о начале строительства новой столицы Египта...В двух днях пути...вниз по течению Нила...

— Фараон Эхнатон повелевает начать строительство немедленно...

Неф слегка встряхнулась. Она словно вернулась откуда-то очень издалека. Обвела взглядом сидящих перед ней, притихших мужчин.

— Прошу всех отдать необходимые распоряжения!

Никто из сановников не двинулся с места. Тогда Неф довольно будничным тоном произнесла фразу, которую потом будут назидательно втолковывать друг другу египтяне. Она сказала, пожав плечами:

— В старые мехи нельзя влить молодое свежее вино. Оно скиснет!

Как только остались вдвоем, Эйе в восторге поднял Неф на руки, так что ее лицо оказалось вровень с его лицом.

— Поставь меня, пожалуйста, на место... — тихо попросила она.

Эйе, продолжая улыбаться, отрицательно помотал головой.

— Тогда...закрой глаза! — едва слышно попросила Неф.

Эйе послушно зажмурил глаза. Неф обвила его голову руками и осторожно, нежно поцеловала прямо в губы...

...пройдут годы, десятилетия. Уйдут из жизни Аменхотеп и Нефертити. Эйе сам на короткое время станет правителем Египта. Будет участвовать в нескольких войнах, получит множество ранений, похоронит свою красавицу жену Криклу, возведет на трон мальчика Тутанхамона. Уйдет на покой и поселится в горах, в маленьком доме с одним слугой...но, до самой смерти, до самого последнего вздоха он будет помнить этот поцелуй...полу женщины полу ребенка...

— Поставь меня на место!

Наконец донеслось до его ушей, дошло до сознания.

Эйе открыл глаза и увидел прямо перед своим лицом, лицо яростно шипящей от гнева Неф...

— Я взрослая, замужняя женщина...Отпусти! — шипела она. — Сюда могут войти!

Эйе медленно, с превеликой осторожностью поставил ее на пол. Отошел чуть в сторону, отвернулся.

— Я жду ребенка!

Услышал он за своей спиной.

— Что!? — вскричал Эйе, резко повернувшись.

Неф, улыбаясь, пожала плечами.

— У фараона будет наследник. Или наследница. Нахт утверждает, будет девочка...

Царице Нефертити было четырнадцать с половиной лет.

Ранним утром, держа под руку Хотепа, Неф появилась на причале. Средних размеров судно было приспособлено не только под весла, но и снабжено парусом. Хотеп, не любивший воды и боявшийся любой, даже незначительной качки, тут же скрылся в каюте и приказал опустить на окнах занавески.

Неф и не думала скрываться в каюте. Она поднялась на верхнюю палубу... Волны упругого речного ветра били в лицо, развеивали волосы и в ее душе возникло то самое ощущение полета, которое она испытывала только в далеком детстве. Во сне.

В двухстах километрах от Фив, вниз по течению Нила, есть одно поразительное место. Здесь горы, вплотную подойдя к реке, и, образуя почти правильный полукруг, снова приближаются к воде. Кажется, сама природа оградила этот участок от окружающего мира. Пройдет всего полтора года и на этом месте возникнет Белый город. Вдоль белоснежных набережных заскользят по воде легкие лодки. В центре возникнут храмы Атона, дворцы и дома знати. Основные магистрали стрелами расчертят параллельно Нилу весь город. Цветущие сады и бесчисленные пруды заполонят его.

Множество скульпторов, строителей, живописцев и чернорабочих будут сутками, не покладая рук, возводить дворцы, склады, жилища и мастерские для многочисленных ремесленников. Качающегося из стороны в сторону Пареннефера будут видеть одновременно на разных объектах, в совершенно противоположных концах стоящегося города, отдающего приказания каждому встречному и поперечному. Так же как и коротышку

Маху, бесконечно выясняющего отношения сразу с несколькими группами рабов. Порой будет возникать ощущение, у многих сановников объявились двойники.

Исключение будут составлять только Неф и Эйе. Каждое утро, взявшись за руки, они будут медленно прогуливаться по берегу Нила и наблюдать как на их глазах хаос и неразбериха строительства постепенно обретают законченные черты прекрасного города.

И всего через полтора года возникнет Белый город, равного которому не будет во всем Средиземноморье.

Первый блин всегда комом. Говорят, это самая древняя истина.

Наталья сидела в электричке и задумчиво смотрела в темное окно. На ее плече дремала Надя. Во сне она едва слышно постанывала и причмокивала губами.

— Поражение — лучший фундамент для будущих успехов!

Обе еще не знали, всего через два с половиной года судьба сведет их с удачливым продюсером Игорем Дергуном. И он единственный из всего эстрадного мира рискнет выпустить на сцену никому неизвестную девочку, распеваящую своим странным хрипловатым голосом песни исключительно о любви. Ее появление на эстрадных подмостках произведет эффект разорвавшейся бомбы. Шоу бизнес, при всей его всеохватности и пестроте, поразительно однообразен.

Через двадцать минут электричка должна была подъехать к перрону Волоколамска. Дальше на автобусе до родного «Журавлика» рукой подать.

— Отва-а-али-и! — брезгливо сказала Неф.

Леонид Чуприн и Неф лежали на неестественно желтом песке почти у самой кромки воды. Загорали. Ленивые мелкие волны Нила почти касались их обнаженных ног. Было жарко. Нестерпимо жарко.

— Отвали, сказала! — повторила Неф.

Чуприн не отреагировал. Потому что окрик относился не к нему. К Рамесу, который, (почему-то в сапогах с высокими ботфортами?!), стоял у самой кромки воды и, не вынимая изо рта какую-то нестерпимо вонючую трубку, намеренно топал по воде и забрызгивал ноги Неф.

— Лень! Скажи ему! — пожаловалась Неф.

Чуприн почему-то и на этот раз никак не реагировал.

— Перестань дымить своей трубкой, козел вонючий! — не на шутку завелась Неф.

— Пассивное курение — самое вредное на свете! Отравить меня хочешь?!

Чуприн засмеялся и... проснулся.

Рамес не мог курить трубку. В те времена в Египте вообще никто не курил.

Чуприн умудрился заснуть прямо за столом, как перетрудившийся студент в период сессии. Подобное с ним случалось крайне редко.

Он с силой потер ладонями лицо, передернул плечами, закурил. Посмотрел в окно. Но за ним уже ничего видно не было. Темная ночь.

Потом он перевел взгляд на рукопись и некоторое время тупо разглядывал титульный лист своего незаконченного романа. «Жизнь и смерть несчастной и несравненной царицы Нефертити!».

До финала, до последней точки было еще ой, как!, далеко!

Спустя полчаса он уже напряженно работал. Вздыхал, морщился, что-то шептал, подняв глаза к потолку. Как бы пробовал «на вкус» какую-то фразу. Потом вычеркивал ее, вписывал опять...

13

...В один ярких солнечных дней Неф и Эйе стояли на верхней палубе корабля. Упругий речной ветер бил им в лица. Судно держало курс вниз по течению, туда, где за многочисленными изгибами и коварными мелями начиналось Средиземноморье.

— Когда-нибудь мы с тобой поплывем еще дальше... — сказал Эйе, — Я покажу тебе море... Ты ведь никогда не видела настоящего синего моря...

История полюбившихся героинь продолжается в повести «Пингвин влюблённый».

Автору можно написать:
e-mail: aserg251@yandex.ru

Автора можно поблагодарить, положив на его счёт:
Сбербанк России. Мещанское отделение. 7811/0706
Счет - 42307.810.3.3809.1401049
или на номер телефона:
89152448889
любую посильную вам сумму.

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!